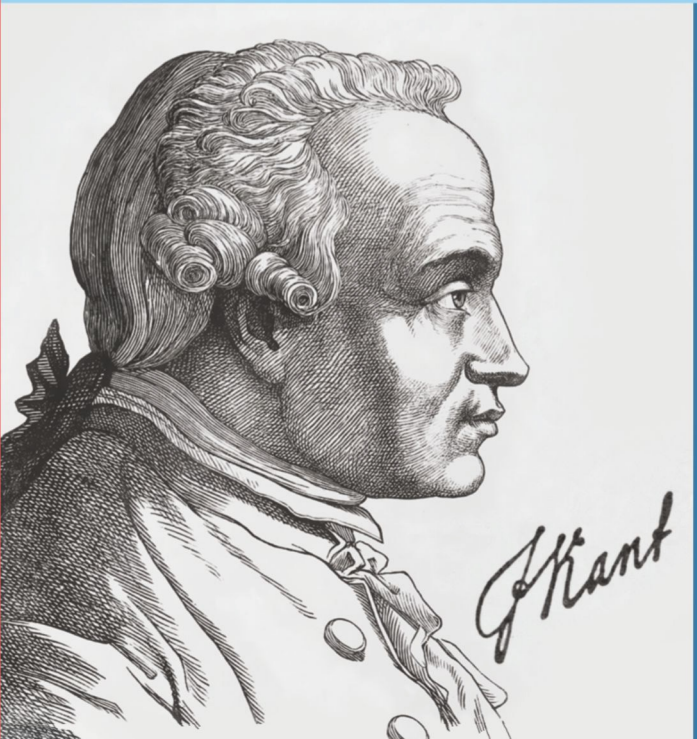
ISSN: 2949-608X

ЖУРНАЛ

Российского национального комитета по истории и философии науки и техники



Том 2

Выпуск 3

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники

2024

Том 2. Выпуск 3

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

RUSSIAN NATIONAL COMMITTEE FOR THE HISTORY
AND PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Journal of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology

2024

Volume 2. Issue 3

Журнал Российского национального комитета
по истории и философии науки и техники. 2024. Том 2. Выпуск 3.
Научно-теоретический журнал. Основан в 2023 году. Выходит 4 раза в год

Выпускающие редакторы номера – Р.А. Фандо и Н.И. Кузнецова
Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Р.А. Фандо* – главный редактор
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* – заместитель главного редактора
М.В. Малунова – ответственный секретарь
И.В. Созинов – ответственный секретарь
д-р биол. наук *О.П. Белозеров*
д-р техн. наук *В.П. Борисов*
д-р ист. наук, чл.-кор. РАН *Л.И. Бородкин*
д-р ист. наук *А.А. Бровина*
д-р ист. наук, акад. РАН *М.Д. Бухарин*
д-р физ.-мат. наук *В.П. Визгин*
д-р биол. наук *В.В. Володин*
д-р геол.-минерал. наук *А.А. Даукаев*
д-р хим. наук *И.С. Дмитриев*
д-р ист. наук *О.Ю. Елина*
д-р филос. наук *Е.Н. Ивахненко*
д-р ист. наук *С.С. Илизаров*
д-р геогр. наук *Т.В. Илюшина*
д-р биол. наук *Н.Н. Колотилова*
д-р ист. наук *И.Г. Коновалова*
д-р филос. наук *С.В. Кричевский*
д-р филос. наук *Н.И. Кузнецова*
д-р ист. наук *Г.Н. Ланской*
д-р мед. наук *Б.Л. Лихтерман*
д-р биол. наук *А.Л. Рижинашвили*
д-р хим. наук *А.Н. Родный*
д-р ист. наук *Е.А. Ростовцев*
д-р геол.-минерал. наук *И.Г. Печенкин*
д-р геогр. наук *А.В. Псянчин*
д-р ист. наук *А.Ю. Самарин*
д-р физ.-мат. наук *Г.И. Синкевич*
д-р физ.-мат. наук *А.Ф. Смык*
д-р ист. наук *Т.И. Хорхордина*
д-р техн. наук *Ю.С. Ценч*
д-р филос. наук *Л.В. Шиповалова*
д-р геогр. наук *В.А. Широкова*
д-р ист. наук *И.Н. Юркин*

Executive editors – Roman Fando and Natalia Kuznetsova
Editorial Board:

R.A. Fando, Doctor of Historical Sciences – Editor-in-Chief
A.L. Kleitman, Doctor of Historical Sciences – Deputy Editor-in-Chief
M.V. Malunova – Assistant Editor
I.V. Sozinov – Assistant Editor
O.P. Belozerov, Doctor of Biological Sciences
V.P. Borisov, Doctor of Technical Sciences
L.I. Borodkin, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of RAS
A.A. Brovina, Doctor of Historical Sciences
M.D. Bukharin, Full Member of RAS, Doctor of Historical Sciences
V.P. Vizgin, Doctor of Physical/Mathematical Sciences
V.V. Volodin, Doctor of Biological Sciences
A.A. Daukaev, Doctor of Geological Sciences
I.S. Dmitriev, Doctor of Chemical Sciences
O.Yu. Elina, Doctor of Historical Sciences
E.N. Ivakhnenko, Doctor of Philosophical Sciences
S.S. Ilizarov, Doctor of Historical Sciences
T.V. Ilyushina, Doctor of Geographical Sciences
N.N. Kolotilova, Doctor of Biological Sciences
I.G. Konovalova, Doctor of Historical Sciences
S.V. Krichevsky, Doctor of Philosophical Sciences
N.I. Kuznetsova, Doctor of Philosophical Sciences
G.N. Lanskoy, Doctor of Historical Sciences
B.L. Lichterman, Doctor of Medical Sciences
A.L. Rizhinashvili, Doctor of Biological Sciences
A.N. Rodny, Doctor of Chemical Sciences
E.A. Rostovtsev, Doctor of Historical Sciences
I.G. Pechenkin, Doctor of Geological Sciences
A.V. Psyanchin, Doctor of Geographical Sciences
A.Yu. Samarin, Doctor of Historical Sciences
G.I. Sinkevich, Doctor of Physical/Mathematical Sciences
A.F. Smyk, Doctor of Physical/Mathematical Sciences
T.I. Khorkhordina, Doctor of Historical Sciences
Yu.S. Tsench, Doctor of Technical Sciences
L.V. Shipovalova, Doctor of Philosophical Sciences
V.A. Shirokova, Doctor of Geographical Sciences
I.N. Yurkin, Doctor of Historical Sciences

Содержание

Слово главного редактора. 5

300 лет со дня рождения Иммануила Канта

Круглов А.Н. Метафизика естествознания и природы: разговор о Канте (интервью). 9

Шиповалова Л.В. Присутствие Канта в мышлении современного ученого 47

Дмитриев И.С. Вяжущая сила познания (небулярная гипотеза И. Канта) 63

Камкин Г.Г. Философское построение географической научной картина мира: размышление над книгой Иммануила Канта «Физическая география» 92

Кожевникова И.В. Первый живописный портрет Иммануила Канта 106

300-летие Российской академии наук

Аваков П.А. Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге 116

Ростовцев Е.А. Академия наук и Санкт-Петербургский университет – к истории общего юбилея 132

Методологический фронтир современной науки

Ланской Г.Н. Методологические проблемы изучения истории развития науки 155

История международного научного сотрудничества

Сайто Х. Рассмотрение японо-советского академического обмена в Научном совете Японии (1955–1964) 165

Унгер У. Роль Советского Союза в становлении гражданской авиации в ГДР (1945–1958 гг.) 174

Визуальные источники

Войтеховский Ю.Л. К 125-летию со дня рождения академика К.И. Сатпаева 191

Лапшина А.А., Иванов А.В., Никишина Н.А. Из истории подготовки визуальных источников информации в нейроморфологии 197

Тарбеев М.Л. Опыт поиска фотографий зоологов Нижегородского университета. 208

Рецензии

Пчелов Е.В. Издания к юбилею И.Н. Юркина 214

Научная жизнь

Малахов В.А. Международный «круглый стол» «Науковедческие школы Беларуси и России: история становления и перспективы развития» 221

Стасенко В.В. «100 удивительных животных»: выставка в Государственном Дарвиновском музее к 100-летию В.Е. Флинта 224

Contents

A Word from the Editor-in-Chief 5

300th Anniversary of the Birth of Immanuel Kant

Alexey N. Kruglov. Metaphysics of Natural Science and Nature: A Conversation on Kant (Interview) 9

Lada V. Shipovalova. The Presence of Kant in a Contemporary Scientist's Thinking 47

Igor S. Dmitriev. The Binding Power of Knowledge (I. Kant's Nebular Hypothesis) 63

Gleb G. Kamkin. Philosophical Construction of Scientific Geographical Picture of the World: Pondering on Immanuel Kant's "Physical Geography" 92

Irina V. Kozhevnikova. The First Painted Portrait of Immanuel Kant 106

300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences

Pyotr A. Avakov. Revisiting the Date of Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg 116

Evgeniy A. Rostovtsev. The Academy of Sciences and St. Petersburg University: Towards the History of Their Joint Jubilee 132

Methodological Frontier of Modern Science

Grigorii N. Lanskoy. Methodological Problems in the Studies of the History of Science Development 155

History of International Scientific Cooperation

Hirofumi Saito. Examination of Japan-Soviet Academic Exchange in the Science Council of Japan (1955–1964) 165

Ulrich Unger. The Role of the Soviet Union in the Development of Civil Aviation in the GDR (1945–1958) 174

Visual Sources

Yuri L. Voytekhovsky. In Commemoration of the 125th Anniversary of the Birth of Academician K.I. Satpaev 191

Apollinaria A. Lapshina, Alexander V. Ivanov, Nina A. Nikishina. From the History of Preparation of Visual Sources of Information in Neuromorphology 197

Mikhail L. Tarbeev. Searching for the Photographs of the Nizhny Novgorod University's Zoologists 208

Reviews

Evgeniy V. Pchelov. Publications Dedicated to I.N. Yurkin's Jubilee 214

Scientific Life

Vadim A. Malakhov. International Round Table "Science Studies in Belarus and Russia: History of Formation and Prospects for Further Development" 221

Vladislav V. Stasenko. "100 Amazing Animals" Exhibition at the State Darwin Museum in Commemoration of the Centenary of the Birth of V.E. Flint 224

Уважаемые читатели!

В 2024 году весь мир отмечает 300-летний юбилей известного мыслителя Иммануила Канта. Кант – одна из ключевых фигур философии. Он внес неоценимый вклад в развитие европейской науки, истории науки, собственно философии, политологии и антропологии. Позволю себе сильное утверждение, что до издания его ключевых работ методология познания не обладала достаточным обоснованием. Кант бросил вызов традиционному типу мышления, совершив переворот, который дал философии научный суверенитет и позволил последовательно размышлять о научном исследовании окружающей действительности. Он привнес нечто совершенно новое в науку, не существовавшее даже на уровне идеи и связанное с трансцендентальной философией, когда на первый план выходит не то, *что* познается во всем многообразии свойств, а то, *как* это понимается с помощью рассудка, внимание переключается на способ познания, исходя из свойств человеческого разума. Ключевым моментом становится не изучение мира таким, каким он дан в опыте, а то, что обуславливает сам этот опыт.



Родившись в 1724 г. в Кенигсберге, И. Кант прожил всю жизнь, не покидая родного города. Для Кенигсберга этот год имел историческое значение, поскольку три небольших города, расположенных на берегах и острове реки Прегель, указом короля Фридриха I, симпатизировавшего Кенигсбергу и его жителям, были объединены в столицу Восточной Пруссии, где теперь под сводами кафедрального собора происходили коронации прусских монархов. Этот период ознаменовал расцвет науки и культуры, в Кенигсберге обучались, либо преподавали известные немецкие ученые, собирались литературные салоны, некоторые из них посещал Кант. Это достаточно важный факт, потому что Восточная Пруссия находилась близко к границам Российской империи, и знакомство русских аристократов с Западом начиналось нередко с Кенигсберга. С другой стороны, этот город был одним из центров притяжения немецкой научной мысли. За достаточно продолжительную жизнь кенигсбергский философ стал свидетелем правления четырех монархов. В период Семилетней войны Россия захватила и присоединила Кенигсберг. Кант вместе с другими жителями города присягнул на верность императрице Елизавете Петровне, начал

преподавать приезжавшим в город русским офицерам и студентам. В 1794 г. философ был избран почетным членом Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге.

В конце XVIII – начале XIX в. идеи философа достаточно активно стали проникать в среду естествоиспытателей. Для многих из них Кант олицетворял собой философа, который создал фундамент теории познания через ограничения в невозможности познания «вещей в себе» и познанием через данность «вещей для нас». Так он отвечал на краеугольный вопрос о возможностях познания, отмечал, что нам не доступна суть вещей и даже самой Истины. Философской традицией эпохи было утверждать всеобщность, универсальность знания, соответственно субъект, овладевающий связями между познаваемыми предметами в соответствии с логическими закономерностями, должен был прийти к истинному суждению, которое носило бы объективный характер и отличалось от любого другого необоснованного, необъективного и ненаучного суждения в описании картины мира. Таким образом, объективное содержание научного знания проистекало не из попыток описать природу, а путем установления определенных закономерностей познания. Кант определил пространство и время как «априорные формы чувственности», посредствам которых человек соприкасается со свойствами вещей, предметов и явлений. Эта идея для своего времени носила революционный характер и стала ключевой в теории познания, поскольку дальнейшее развитие философских идей происходило либо в кантовском духе, либо пересматривало их с критических позиций, но никогда не игнорировало. В этом отчасти заключается вечная новизна кантовских воззрений, поскольку они могут перекликаться с теоретическими положениями современной науки, всегда оставляя открытым вопрос о границах и возможностях нашего представления о фундаментальных законах Вселенной, следовательно, развития всего научного знания.

Наука редко существует в каких-то умозрительных формах, и особенно в последнее время перед учеными встают прикладные, утилитарные задачи. Если есть объективное знание, то, открывая законы природы, мы можем предсказать развитие событий, что может иметь практическое значение. Наука, с точки зрения мыслителя, открывала доопытные закономерные связи природного мира, что позволяло в определенной степени предсказывать вероятность будущих событий. На следующем этапе творчества, в «Основоположении к метафизике нравов» и «Критике практического разума» Кант обращается к этике, переходит к вопросу о том, что человек должен делать, рассуждая о долге как разумной необходимости, которая определяет наши поступки перед нами самими, человечеством и всем миром. Несмотря на то, что этические взгляды Канта подверглись критике (Гете, Шиллер и др.), в наше время вопрос о разумной необходимости, делающей нас ответственными перед другими, встает остро, особенно в этике биологических исследований. Если предположить, что критика вырастает не из принципа отрицания, а на плечах критикуемых идей, тогда историко-научные реалии меняют само направление исследований, ввиду чего идеи Канта становятся как никогда актуальными. Каждая

веха развития науки будет сталкиваться с этическими вопросами в духе Канта, постоянно обновляя постановку вопроса о природе, возможностях и границах познания человеком самого себя и окружающего мира.

История изучения наследия этого великого философа заслуживает особого философско-методологического очерка. Нет ни одного профессионального философа, начиная еще со времени жизни Канта вплоть до сегодняшнего дня, который бы не погружался в его труды, стремясь освоить построенную им «трансцендентальную метафизику». Воистину Кант заставлял каждого пережить своеобразную интеллектуальную революцию. Многие далее становились страстными кантианцами, другие, напротив, изощренными критиками его учения. Но равнодушным не оставался никто. М.К. Мамардашвили, подчеркивая этот никогда не утихающий, будоражащий интерес, назвал Канта «несравненным философом».

Один из самых авторитетных «кантоведов» нашего времени Э.Ю. Соловьев очень ярко описал роль Канта в развитии философской мысли: «В течение двух веков учение Канта был объектом непрекращающейся критики. Трудно назвать выдающегося мыслителя – зарубежного и отечественного, который не отдал бы дань опровержению трансцендентальной критической философии. Через критику Канта конституировались в своей самобытности Фихте и Гегель, Шопенгауэр и Ницше, Бергсон и Зиммель, Гуссерль и Хайдеггер, Вл. Соловьев и С. Франк, П. Флоренский и М. Бахтин. То, что в процессе этой критики на свет рождались оригинальнейшие идеи, не подлежит сомнению. И все-таки чем внимательнее вчитываешься в собственные творения Канта, тем больше мучит подозрение, что каждая из этих критик не настолько основательна, чтобы быть ниспровергающей, а тем более убийственной. Иначе – зачем их так много, почему критики так мало знают друг о друге и так неохотно, так неряшливо друг на друга ссылаются... В последние годы, – откровенно признался автор, – я просто запретил себе презумпцию «преодолительно-критического» отношения к кантовскому наследию»[1].

Другой вопрос – значение и роль Канта в развитии естествознания. Возможно ли здесь отказаться от указания на *«ошибки»* (связанные, конечно, как мы снисходительно указываем, с «несовершенством» знаний его времени)? Отказаться от стремления именно *критически* рассмотреть естественнонаучные воззрения Канта, которые, скорее всего, уже «похоронены» последующим развитием науки? Впрочем, В.И. Вернадский в статье «Кант и естествознание» (1904), отмечая то многое в воззрениях Канта, что безнадежно устарело, тем не менее подчеркнул необходимость и значимость анализа этих воззрений: «Я хочу здесь, однако, еще раз подчеркнуть своеобразную и важную черту научных интересов и научных проблем, которые ставились Кантом. Этой чертой является их современность для всего XIX столетия. Благодаря такому характеру научной работы Канта и его глубокому пониманию научных проблем точного

1 Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 8–9.

знания в течение всего XIX столетия его философская система в своих основах не могла устареть, не могла войти в резкое противоречие с основными вопросами точного знания. Они свободно и просто находили в ней свое место, так как основы их были охвачены философской и научной мыслью Канта»[2].

Не обошла стороной проблему осмысления наследия Канта и редакция «Журнала Российского национального комитета по истории и философии науки и техники», собрав в очередном номере статьи, в которых предприняты попытки по-новому рассмотреть работы великого мыслителя, дать им современное толкование, определить их роль в развитии науки и философии. Авторы статей – профессиональные философы, методологи и историки науки – наглядно демонстрируют нам, что идеи «кенигсбергского гения» в XXI в. живут и вызывают неподдельный интерес. Критика его трудов и при жизни философа и тем более после не ослабевает и в наше время. Речь идет не о критике, в смысле «раскритиковать», а о новом прочтении, новом понимании и интерпретации сложного языка кантовских трудов. Наследию великих мыслителей уготована особая участь – быть не единожды осмысленными, истолкованными, пересмотренными. Все это в полной мере подтверждается публикациями авторов предлагаемого читателям выпуска.

Р.А. Фандо,
доктор исторических наук,
главный редактор, директор ИИЕТ РАН,
председатель Российского национального комитета
по истории и философии науки и техники

2 Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 214.

300 лет со дня рождения Иммануила Канта

УДК 001.1 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-9-46

Метафизика естествознания и природы: разговор о Канте с А.Н. Кругловым

Алексей Николаевич Круглов – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории зарубежной философии на философском факультете РГГУ, крупнейший в России специалист по философии немецкого Просвещения, кантовед с мировым именем, который занимался соответствующими исследованиями и преподавал в университетах Киля, Трира, Люксембурга и Калининграда. Автор монографий «Кант и кантовская философия в русской художественной литературе» (2012), «Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков» (2009), «Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века» (2008). Переводчик и редактор русскоязычных изданий ряда текстов И. Канта, И.Н. Тетенса, И.И. Шпальдинга, И.Г. Ламберта, М. Мендельсона и др.



Рис. 1. Круглов Алексей Николаевич

Мы встретились с Алексеем Николаевичем на его кафедре в РГГУ, чтобы обсудить вопросы и проблемы интерпретации взглядов Канта на естествознание, природу и познавательные способности человека.

Прежде чем начать говорить о Канте, я хотел спросить вас об интеллектуальном климате Кенигсберга начала XVIII в. Существует исторический стереотип о том, что это было некое культурное захолустье – самый восточный, самый дальний уголок немецкой цивилизации – насколько это соответствует истине? Что представлял собой в интеллектуальном и культурном плане Кенигсберг?

А.Н. Круглов: В каких-то отношениях это, может быть, справедливое суждение о Кенигсберге, но если мы говорим именно про культурную и интеллектуальную жизнь, то не совсем. Во время Семилетней войны, т.е. где-то в 1762–1763 гг., когда Россия уже вышла из войны и собиралась возвращать Кенигсберг назад Пруссии, а Австрия, ее бывшая союзница, еще воевала, произошла следующая история. Какую-то часть пленных прусских офицеров Австрия отправила в Тироль, а Фридрих, который потом стал называться Фридрихом Великим, в бешенстве заявил: «У меня нет своей Сибири, но тогда я простых австрияков отправлю в Кенигсберг»[1]. Вот так это виделось для правителя в Берлине, где, к слову сказать, не было университета. Как угодно он мог про «Сибирь» рассуждать, но в Берлине университета не было, а в Кенигсберге был. Тем не менее это пренебрежение – «Сибирь», какое-то место отдаленное – сквозило. В письмах Фридриха еще, кажется, до того момента, как он стал прусским королем, есть совершенно уничижительные характеристики, касающиеся Восточной Пруссии и Кенигсберга, по типу «никогда ничего интеллектуального и культурного здесь не произрастало, максимум, что здесь может выращиваться, это медведи»[2]. Вот что способствовало складыванию стереотипов подобного рода.

Теперь то, что говорит «против». Если мы сравниваем, скажем, XVIII и XX век, то экономическое значение Кенигсберга в XVIII в. при жизни Канта было значительно больше. Это был город, который вел более оживленную торговлю, туда приезжало гораздо бóльшее число различных кораблей... И для Канта это было показателем того, что ему не надо уезжать из Кенигсберга, и так все сюда приезжают: «Я здесь имею возможность видеть смешение флагов, людей наблюдать». Думаю, он преувеличивал, но тем не менее это имело место быть. И тот факт, что в Кенигсберге был университет, говорит сам за себя, а я хочу напомнить, что в Москве университет был создан только в 1755 г. И когда Кенигсберг был оккупирован, был русским городом, московских студентов отправляли в качестве переводчиков в действующую армию. Они немецкого языка не знали и переводчиками быть не могли, а вместо этого учились в университете. И часть студентов специально из новосозданного Московского университета была отправлена в Кенигсберг. Это говорит о некоторой интеллектуальной иерархии, особенно в русском контексте, поскольку мы сейчас говорим об этом в России. Но степень и скорость распространения научной информации в те времена и сейчас – это «две большие разницы». Поэтому можно, конечно, сказать, что какие-то вещи «долетали» с опозданием, несмотря на то, что почта тогда работала весьма неплохо. Но какие-то научные идеи, книги... Да, временами существовал все-таки определенный

---

1 См. об этой истории подробнее: Güttler H. Sind während des Siebenjährigen Krieges kriegsgefangene Österreicher in Königsberg untergebracht gewesen? // Mitteilungen des Vereins für die Geschichte von Ost- und Westpreußen (Mitt VGOW) 2, 1927/28. S. 1–4.

2 См. точную цитату: Friedrich II. Briefe an Jordan [Königsberg, den 3. August 1739] // Hinterlassene Werke Friedrichs II. Königs von Preußen. Bd. 8. Berlin, 1788. S. 67.

гандикап, в том числе и на Канте это могло сказываться. Насколько это трагично для тех времен? Я не знаю. Не уверен, проживал бы Кант в Берлине, что ситуация выглядела принципиально иначе.

В дополнение надо прибавить, что в Кенигсберге была все-таки какая-то часть естествоиспытателей или философов, которые интересовались наукой. В первую очередь это относится к профессору Иоганну Готфриду Теске, у которого Кант учился, и естественнонаучные знания Канта в значительной степени влияние Теске. Второе имя, которое надо произнести, философский, можно сказать, преподаватель Канта Мартин Кнутцен. Мы долгое время Мартина Кнутцена воспринимали исключительно как сторонника вольфианской философии. Ортодоксальным вольфианцем он вовсе не был, но, если грубо искать какие-то привязки, то он все-таки вольфианец. Мартин Кнутцен интересовался кометами, по этому вопросу переписывался с Леонардом Эйлером. Это, можно сказать, перворанговые величины того времени, если мы говорим про Леонарда Эйлера. Именно с этим связано желание Канта отправить первое произведение Леонарду Эйлеру[3], хотя отношения между Кнутценом и Кантом... наверное, были не такими, как это описывалось в конце XIX в. В свое время благодаря Бенно Эрдману[4] была создана такая мифология, что Кант являлся наследником Кнутцена и его любимым учеником. Это точно было не так, тем не менее влияние Кнутцена, Теске и их идей, несомненно, было.

Подведем итоги: в каком-то политическом отношении это далековато, но в культурном и в интеллектуальном отношении захолустьем это не было точно. Добавим еще: к моменту, когда Кант только формировался и делал первые шаги в своем развитии, Кенигсберг был городом пиетистским. Не настолько сильно пиетистским, как Галле, но довольно строго пиетистский. Одним из лидеров пиетистов был Франц Альберт Шульц, имя знаковое для Канта, хотя его влияние на семью Канта, похоже, преувеличено. И эта пиетистская среда, которая, особенно в поздние годы жизни Канта, вызывала у него категорическое неприятие, была сломлена русской оккупацией. Русская оккупация поспособствовала снятию сословных барьеров, эмансипации женщины (понятное дело, по тем временам и по тем меркам, для современных феминисток это все равно выглядело чудовищно), повышению роли университета, появлению новых товаров. Для многих горожан изменился образ жизни. После того как русские войска покинули город, старая пиетистская атмосфера уже не возникла. Кант был домашним учителем в семействе Кайзерлингов. Что это означало? Они графы, а домашний учитель – прислуга. Однако профессор Кант (а до этого еще и приват-доцент) в доме, где он когда-то был фактически прислугой, сидел за столом на почетном месте, рядом с графиней

---

3 См. письмо Канта Эйлеру 1749 г. в издании: Kant I. Briefwechsel / Auswahl und Anmerkungen von O. Schöndörffer. Bearb. von R. Malter. Hamburg: Meiner, 1986. LXXVI, 968 S.

4 Erdmann B. Martin Knutzen und seine Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte der Wolfischen Schule und insbesondere zur Entwicklungsgeschichte Kants. Leipzig: Voss, 1876. X, 148 S.

Кайзерлинг. Это говорит о широте взглядов, говорит о том, что сословные предрассудки сместились. Стоит еще заметить, что Кант общался с теми, кого сегодня назвали бы бизнесменами, – это среда торговцев. Его приятелями были торговцы, и впоследствии один из его, вероятно, наиболее талантливых учеников, Христиан Якоб Краус, стал профессором камералистики и преподавал экономические дисциплины. Представьте: человек из ремесленнической среды, с одной стороны, сидит за одним столом с графами, а с другой стороны, его самый близкий друг – купец, торгующий селедкой, и помогающий Канту вкладывать его, пусть и скромные поначалу, но все же доходы, под какие-то проценты... Все это было возможно в той среде Кенигсберга. У нас очень часто царят ложные представления об этом городе, касающиеся второй половины XVIII в., когда там творил Кант.

Благодарю за столь развернутый и интересный ответ. Я хотел бы немножко продолжить тему стереотипов и ложных представлений как о Кенингсберге, так и о Канте. Вы говорили про гандикап в получении информации, про низкую скорость распространения знаний. Я позволю себе в данном контексте зачитать цитату из эссе Вернадского, в котором Вернадский весьма категорично утверждал следующее: «Кант живет в старой литературе XVII века. Труды и открытия Бойля, Варения, Мариотта, Амонта и других являются для него обычными справочными сочинениями, из которых он еще черпает научные факты. <...> ... Кант внимательно следил за новыми течениями, но невольно отставал на несколько – на много – лет, должно быть из-за захолустности научного центра, в котором протекла его жизнь. <...> Такое отставание от быстрого роста естествознания сохранилось у него до конца жизни». Справедлив ли здесь Вернадский?

А.Н. Круглов: В немецком языке есть такое слово Jain. Опять я вынужден говорить «и да, и нет», в каких-то отношениях... Думаю, если мы возьмем кого-то из других ученых того времени, который проживал не в Кенигсберге, а где-то в другом месте, может быть, в Брюгге, или в Лейдене, или в каком-нибудь итальянском городке, то ситуация была бы схожей. Гандикап этот касался не только Кенигсберга, он фактически касался всего XVIII века. Не было современных средств связи, не было нужной скорости распространения информации, и потому в самом деле – где-то 4–5 лет – время, требуемое кому-то для того, чтобы новая информация до него дошла. Один из примеров – повод, благодаря которому Кант познакомился с Иоганном Генрихом Ламбертом. Ламберт – еще одна величина, которую можно поставить безо всяких оговорок в ряд с Бойлем, Мариоттом и другими прославленными учеными. Можно ли поставить в этот ряд Канта как естествоиспытателя? Скорее нет, хотя в отношении космологии – да. А Ламберт своими выдающимися работами по логике, оптике несомненно здесь находится. Так вот, Ламберт, выдвигая свои идеи космологического характера, через несколько лет с удивлением обнаружил, что какой-то неизвестный ему молодой ученый из Кенигсберга уже что-то опубликовал на данную тему. Содержание первого письма Ламберта примерно такое:

«Я не знал, но, оказывается, Вы на эту тему писали раньше. Чтобы не оказаться в дальнейшем в похожей ситуации, давайте будем вести переписку, делиться своими замыслами»[5]. Канта это очень тронуло. На тот момент между ними была иерархия: сам Ламберт написал Канту!.. Итак, родившийся на границе Швейцарии, Франции и Германии Ламберт, который работает в Берлине в Академии наук, оказался ровно в такой же ситуации недостатка информации. Думаю, Вернадский здесь не учитывал, что это общая ситуация того времени. Это первое обстоятельство.

Второе. Кое-где Кант выступал первопроходцем. Мы можем сказать (для XVIII века это точно), что Кант первым начал читать курс по физической географии в университетах[6]. И каким бы захолустным кому-то ни казался Кенигсберг, а Кант странным кабинетным ученым, именно он стал первым читать курс по физической географии. Когда он его готовил, то опирался на самые первоклассные географические исследования того времени. Да, некоторые из них сегодня читать нельзя «без слез», но ничего более адекватного и выдающегося на тот момент не было. В каких-то случаях Кант находился прямо на переднем крае науки. Только сами непосредственные географы-путешественники, которые что-то своими глазами увидели и еще не опубликовали, были, может быть, более продвинутыми, чем Кант. Хотя что́ они видели, как они описывали? Иногда это была очень неадекватная картина, и, к сожалению, Кант на нее ориентировался. Если мы говорим о физических и о некоторых математических данных, то здесь отставание Канта, конечно, побольше. Но не думаю, что эту ситуацию объясняло именно его положение в Кенигсберге, скорее фокус его интересов.

А можем ли мы более или менее точно реконструировать те каналы связи и источники информации, которыми пользовался Кант? На какие издания был подписан, с кем еще, кроме названных выше ученых, вел переписку?

А.Н. Круглов: Приблизительно можно, но не во всех деталях. Переписка по тем временам – важнейший источник информации. Трудно переоценить значение переписки ученых и философов XVII–XVIII в. Еще одни источники информации для Канта – его преподаватели. Мы можем приблизительно представить, по каким учебникам Кант учился и какие учебники в университете были в ходу, когда он уже преподавал. Можем представить, на какие учебники Кант опирался при чтении лекций. Сохранились каталоги некоторых кенигсбергских библиотек, которые уцелели благодаря русским властям в Кенигсберге во время Семилетней войны. Был приказ: сделать копии этих каталогов, и вот теперь они находятся в

5 См. ответное письмо Канта Ламберту в русском переводе: Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А. В. Гулыги. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 470–473.

6 См. новый перевод на русский: Кант И. Физическая география. 1 часть / Пер. с нем. С.Б. Колбаневой, А.П. Портнягина; научный ред. А.В. Левченков; под ред. Л.В. Зубиной, Л.А. Гимбицкой, А.В. Сивковой. Калининград: ФГБУК «Музей-заповедник “Музей Мирового океана”», 2023.

Российском государственном архиве древних актов[7]. Помимо того, Кант работал библиотекарем в замковой библиотеке, и у него в доступе были, соответственно, все ее книжные собрания. Плюс у нас имеется каталог аукциона по продаже его домашней библиотеки. Последнее не означает, что это вся литература, которая имелась у Канта, поскольку, судя по каким-то биографическим сведениям, не все, что Кант давал почитать, возвращалось на место. По крайней мере, какой-то спектр книг, которыми Кант интересовался, мы можем себе представить. В начале XX в. Артур Варда издал работу «Книги Иммануила Канта»[8] с публикацией и описанием упомянутого аукционного каталога. Там перечислены работы по математике, теологии, истории, географии, где-то в пределах 500 изданий. Сама домашняя библиотека у Канта всегда была относительно небольшая, так как он и библиотекарем работал, и имел возможность пользоваться книгами своих книгоиздателей. Книгоиздатели отправляли Канту как своему автору даже еще неразрезанные, непереплетенные книги. Кант какое-то время снимал жилье в доме книгоиздателя Кантера и пользовался его книжной лавкой как библиотекой. Относительно журналов: мы знаем, что он интересовался «Берлинским ежемесячником», но это журнал, интересный в первую очередь в философском отношении, а в естественнонаучном, конечно, в гораздо меньшей степени. Относительно учебников можно собрать довольно богатую информацию, благодаря изданию, которое подготовили Риккардо Поццо и Михаэль Оберхаузен[9] – анонсы лекций за все время жизни Канта в университете Кенигсберга. Таким образом, мы можем составить плюс-минус подробную картину, что именно было в ходу, охватывая фактически весь жизненный цикл Канта в университете. В плане того, по каким учебникам читал свои дисциплины Кант, есть несколько хороших публикаций. В работе, которую выполнил в свое время Эмиль Арнольд[10], представлены и состав всех учебных курсов, и приблизительное количество участников, и то, что касается учебников. Есть сайт американского кантоведа Стива Нарагона Kant in the classroom (https://users.manchester.edu/facstaff/ssnaragon/kant/Home/index.htm), где он составил для пользователей наиболее доступную схему всей этой информации. Для ориентирования это, конечно, замечательно. Нарагон сделал очень важную работу, стараясь учитывать и новейшие сведения. До него подобную же работу в интернете осуществлял Вернер Штарк (Werner Stark) на сайте Марбургского университета. Но с того момента,

7 См. соответствующие архивные материалы: РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Д. 26.

8 Warda A. Immanuel Kants Bücher. Mit einer getreuen Nachbildung des bisher einzigen bekannten Abzuges des Versteigerungskataloges der Bibliothek Kants. Berlin, 1922. 56 S.

9 См.: Vorlesungsverzeichnisse der Universität Königsberg (1720–1804) / Mit einer Einleitung und Registern hrsg. von M. Oberhausen, R. Pozzo. Bd. 1,1. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holzboog, 1999. Bd. 1, 2. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holzboog, 1999.

10 Arnoldt E. Kritische Exkurse im Gebiete der Kantforschung. Anhang № 4–5. [Charakteristik von Kants Vorlesungen ьber Metaphysik und] möglichst vollständiges Verzeichnis aller von ihm gehaltenen oder auch nur angekündigten Vorlesungen. 2. Abteilung // Gesammelte Schriften / hrsg. O. Schöndörffer. Berlin, 1909. Bd. 5, T. 2. S. 173–343.

как он вышел на пенсию, университет как-то нехорошо обошелся с собранными им материалами, часть из них просто куда-то пропала.

Есть еще отдельная работа, которая заключена в восстановлении кантовских источников, на которые Кант опирался в своих работах. Первые работы на эту тему были посвящены именно физической географии. Такая же работа есть по антропологии. Если говорить про антропологию, то больше, чем Эмиль Арнольд, и, слава Богу, здравствующий Вернер Штарк, никто не сделал. Но если иметь в виду какие-то кантовские соображения по химии, физике, математике, такого рода систематической работы по каталогизации источников Канта, насколько я знаю, никто почти не проводил, за одним исключением. Если мы берем период становления Канта и первую его работу, то кое-что на эту тему сделано – здесь следует вспомнить давнее основательное исследование Ханса-Иоахима Вашкиса[11].

Перейдем теперь к самому наследию Канта. Для начала формальный вопрос: насколько вам близко классическое разделение Канта на «докритического» и «критического»? Имеет ли смысл, на ваш взгляд, периодизировать его интеллектуальную жизнь четким двухчастным разграничением? Или же имел место более плавный переход от ранних к поздним взглядам?

А.Н. Круглов: Некоторое время назад я задумался: когда вообще появилось это разделение на «критического» и «докритического» Канта? Со студенческих времен это воспринимается как само собой разумеющееся, но все «само собой разумеющееся» когда-то возникло. Самое раннее упоминание, которое я нашел на эту тему, принадлежит Вильгельму Траугготту Кругу. Это был философ, который какое-то время преподавал в университете Кенигсберга, практически на кафедре Канта. Кое-что и о своем предшественнике он в этой связи написал, и, если мне память не изменяет, это 20-е гг. XIX в.[12], т.е. это довольно давнее разделение; правда, таким догматически-ученическим оно, конечно же, стало позже. Я думаю, что оно что-то схватывает в эволюции взглядов Канта, потому что работы 1780-х гг. действительно нечто революционное даже по сравнению с самим Кантом. Особенно в плане практической философии, т.е. в области этики, где переворот, может быть, был гораздо бóльшим, чем в собственно метафизическом плане. Если мы смотрим кантовские рассуждения на этическую проблематику, скажем, 1760-х гг. и потом смотрим на «Основоположение к метафизике нравов» (1785), впечатление, что это писали два разных человека. И даже можно сказать, что некоторые страницы раннего Канта выглядят омерзительно с точки зрения Канта 80-х гг. Их в самом деле отделяет пропасть.

Несмотря на то, что это разделение схватывает что-то очень важное, но когда мы его воспринимаем как догматическое, возникает, конечно,

11 Waschkies H.-J. Physik und Physikotheologie des jungen Kant. Die Vorgeschichte seiner Allgemeinen Naturgeschichte und Theorie des Himmels. Amsterdam, 1987.

12 См.: Krug W. T. Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte. Bd. 2. Leipzig: Brockhaus, 1827. S. 499.

большая сложность. У Канта есть сквозные темы, есть что-то, что он отстаивал на протяжении всей жизни. Иногда это странные, может быть, для кого-то мысли, про инопланетян, например. Как «докритический» Кант, так и «критический», верил, что есть какие-то обитаемые планеты. В поздние годы жизни, когда у него уже был собственный дом (ему было шестьдесят, когда дом приобрел), он готов был этот дом, вместе со всем остальным имуществом, поставить «на кон» в споре об инопланетянах. Правда, ничем здесь Кант не рисковал, потому что фальсифицировать на тот момент это представление было невозможно. Иначе говоря, есть какие-то сквозные мысли, идеи, какой-то сквозной интерес, скажем, интерес к метафизике и поиск нового адекватного философского метода. С этого Кант начинает в первой работе, на эту же тему вы можете найти рассуждение его в Opus Postumum.

Читая работы, основанные на рукописном материале Канта, мы регулярно сталкиваемся с проблемой датировки. Есть известные датировки, которые в Академическом собрании сочинений Прусской академии наук предложены Эрихом Адикесом (Erich Adickes), но он умер и объяснение их не предоставил. Поэтому датировка есть, а почему она такая? Адикес от нас унес в могилу. Но смотришь на эту датировку и очень часто кажется: нет, это не может быть какой-нибудь 1796 год, это явно какой-нибудь Кант 1760-х гг. (или в обратную сторону). Иными словами, с буквалистским отнесением возникают сложности и с человеком, и с материалом, и со всем остальным. Поскольку установили «границу», то пытаются школьным образом ее определить. Скажем, был такой (да он и сейчас, надеюсь, здравствует) немецкий кантовед Лотар Краймендаль (Lothar Kreimendahl), который написал книгу про 1769 год «Кантовский прорыв»[13]. На чем это основывается? Да, есть одна черновая записка Канта: «Год 69-й дал мне великий свет»[14]... Можно попробовать все, что мы знаем о Канте того времени, как-то сюда подвести и отыскать эту революционную смену взглядов. Кто-то связывает эту смену с его инаугурационной диссертацией 1770 г. В отношении того, когда и как что-то этакое в мысли Канта изменилось, у меня ответа нет. Сомневаюсь, что это был какой-то одномоментный акт. Более того, даже о том, что повлияло здесь на Канта, тоже имеются самые разные спекуляции. Для некоторых это вопросы о неконгруэнтности пространства и вообще проблемы пространства и времени, с которыми Кант начинает близко сталкиваться с конца 1760-х гг. Кто-то видит в той революции мышления, которая произошла у Канта, скорее, этический подтекст. Но если не утрировать, думаю, что несмотря на то, что это довольно давнее разграничение, оно вполне адекватно. От него точно отказываться не стоит – да, был «докритический» и «критический» Кант, только не надо датировать переход точным днем и часом.

13 Kreimendahl L. Kant: der Durchbruch von 1769. Köln: J. Dinter, 1990. 319 S.

14 Речь идет о так называемой рефлексии 5037; см. в русском переводе: Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum) / Под ред. В. А. Жучкова. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 85.

А можно ли говорить про третий период, «посткритический», связанный с Opus Postumum?

А.Н. Круглов: Да, есть некоторые попытки рассматривать это таким образом. В какой степени это справедливо? Есть еще и другая классификация, которая тоже выделяет этот поздний период, но по другому основанию, – Кант, выходящий за границы Просвещения. Иначе говоря, Кант, который теперь не совсем верен тем идеалам, которые он долгое время отстаивал и пропагандировал. Проблема здесь состоит в том, что как бы мы к Opus Postumum ни относились, но все-таки это незаконченное произведение, явно стареющего, слабеющего, больного человека. Многие его разделы либо оставляют в нерешительности и недоумении, либо кажутся какими-то очень экстравагантными, допускающими множество интерпретаций. Короче говоря, очень сложно относиться к этому как к законченной публикации и использовать как основание для оценки о смене кантовских взглядов.

В какой-то момент Кант сказал своим приятелям, что они должны к нему относиться как к ребенку. Это была собственная оценка его физического состояния. Как только мы через состояние здоровья пробуем объяснить какие-то поздние пассажи Канта, мы оказываемся в почти неразрешимой ситуации. Тогда вообще ничего не надо объяснять, так как относительно любого затруднения можно сказать: «Кант находился уже в таком состоянии здоровья, он сам не заметил...» или «это явное противоречие, но Кант был болен...» Само по себе это во многом методологически ущербный путь. Но совсем не учитывать состояние здоровья Канта в этот поздний период мы тоже не можем. Opus Postumum, к сожалению, иногда нельзя читать не то, чтобы без слез, но... Это необработанный поток сознания. Причем иногда это, конечно, очень любопытно: мы видим, как мысль Канта перескакивает с одного на другое, и даже можем представить, что у него перед глазами было в этот момент, потому что Кант фактически фиксирует все, что случается. Но рассматривать это как какой-то новый этап я бы не решился, хотя Opus postumum всегда был скорее на периферии моих интересов и глубоким анализом я никогда не занимался. Хотя один из моих философских учителей, Курт Хюбнер, которому я многим обязан, написал свою диссертацию[15] именно по этой работе.

Когда мы говорим о раннем Канте-естествоиспытателе, можем ли мы выявить какую-то целостность, систематичность взглядов, в особенности взглядов на природу? Или это еще процесс формирования и поиска?

А.Н. Круглов: Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что систематический взгляд на природу как на целое для раннего Канта находился только в процессе поиска. Во всяком случае, философско-систематического взгляда, как это ему свойственно к концу 1780-х гг., мне кажется, еще нет. Может быть, интуитивно он везде ищет какого-то единства и системы, но явным образом это, на мой взгляд, еще не проявляется. Скорее, это

15 Hübner K. Das transzendentale Subjekt als Teil der Natur (Eine Untersuchung über das Opus Postumum Kants). Kiel, 1951. 202 S.

отдельные, разрозненные работы, часть из них написаны «на злобу дня», но даже эти работы имеют несомненный философский подтекст. Со времен Фридриха Энгельса, особенно в литературе на русском языке, сложился шаблон, что якобы «докритический» Кант больше интересовался естественнонаучными работами, а вот «критический» перешел к философии и к метафизике. Что в пользу этого тезиса можно сказать? Если мы просто посмотрим на названия «докритических» работ Канта – это, как правило, два первых тома в собраниях сочинений – да, в названиях и про ветер, и про землетрясения, огонь, «живые силы», история и теория неба. Однако даже во всех этих работах явно проявляются философские интересы, а иногда подспудно и теологические. Они интересуют Канта не столько как естествоиспытателя, хотя, может быть, временами в Канте и просыпался чистый естествоиспытатель, но все же почти всегда даже под, казалось бы, сформулированным естественнонаучным вопросом присутствует какой-то философский и теологический интерес. В этом смысле, если что-то и объединяет эти работы, то по большей части это какая-то философская систематика, а не желание рассматривать природу как некое единое целое, вскрыть какие-то «механизмы»... Механизмы в природе для него скорее философская задача, а не естественнонаучного исследования.

Есть школьное представление о том, что Кант в 1750–60-х гг. стремится найти компромисс между ньютонианской и лейбнице-вольфианской программами естествознания. Верно ли это отражает реальную позицию Канта?

А.Н. Круглов: Если мы попробуем четко сформулировать позицию Канта (т.е. где он находился во всех этих спорах), то возникнет несколько сложностей.

Первое. Кант в то время старается не выбирать между позициями, но сформулировать свою собственную, и если пытаться затем поставить ее куда-то «между» или приписать кому-то, то в ответ, как правило, сам Кант «говорит» Вам, что Ваша система классификации неудовлетворительна. Это почти везде так. Попробуйте, например, приклеить Канту какой-то «ярлык» в политическом отношении. Где он находится в нашей политической системе координат? Нигде, он будет «между», он просто Кант! В естественнонаучных работах это тоже проявляется. Причем это не эклектика в ругательном смысле слова, а попытка сформулировать именно собственную позицию. Если говорить более детально, то в отношении его ранних работ есть уже упоминаемое мной сочинение Вашкиса, которое по-прежнему остается, думаю, одним из главных исследований на этот счет. В чем состоит проблема? Проблема в том, что сегодня очень сложно адекватно оценить ранние сочинения Канта, скажем, «Мысли об истинной оценке живых сил». Есть опять же школьная история по поводу того, что тут проблема уже была решена, а то, что пытается решить Кант, якобы напоминает «высчитывание» формулы кинетической энергии. Ссылаются на французских ученых и заявляют, как это обычно бывает, что Кант

опять здесь опоздал. Но вот вопрос: «жизненные силы» или «живые силы», чему это соответствует в современной физике? В какой мере это соответствует современному понятию кинетической энергии? В отношении ранних работ мы сталкиваемся с такой ситуацией, что физика настолько ушла далеко вперед, что мы даже не всегда можем перевести на понятный нашим современникам физический язык и указать те реалии, о которых писал Кант. Отчасти это и есть причина того, что на русский язык «Мысли об истинной оценке живых сил» до сих пор целиком не переведены. Все, что Борис Александрович Фохт в свое время перевел, – это начальные и последние параграфы[16]. А между ними огромная лакуна, хотя именно здесь очень много содержательного про способ подлинного открытия метода метафизики. Хотя вам хотят сказать, что здесь кинетическая энергия является главной темой, но это не так. Главная здесь тема – метод поиска, реформирования метафизики. Уже с этой самой первой работы звучит сквозная, ключевая кантовская тема. Философское значение именно этой первой работы, лучше всех в свое время показал другой мой учитель Норберт Хинске (Norbert Hinske) в своей книге о 30-летнем Канте и о его пути к трансцендентальной философии[17]. Недавно эту работу Канта польские коллеги из Торуни[18] целиком перевели на польский язык. Правда, без всяких фанфар, как это пытались к 300-летию Канта делать у нас в России. Они постоянно мне жаловались на то, какая это была трудноразрешимая задача. На их счастье, они сумели найти своего коллегу, историка физики, который знал немецкий язык. Только тогда коллективными усилиями они смогли осилить эту работу, и это для них всех был едва ли не самый трудный перевод в профессиональной жизни. А ведь речь идет не про «Критику чистого разума», речь о ранней работе Канта.

Думаю, что выяснение вопроса, где и в какой степени Кант полемизировал с различными физическими программами своего времени, пока не решена. Проблема понимания языка Канта для нас по сей день остается очень сложной. Думаю, однако, то, что он старался быть где-то «между», это ясно даже с нашим несовершенным уровнем понимания его жаргона и терминологии.

Получается, Кант уже с первой работы занят не столько исследованием отдельных феноменов, сколько поиском метода? Существует стереотип, согласно которому Кант в свой ранний период поглощен изучением отдельных феноменов, а потом вдруг неожиданно задумывается об общих вопросах познания...

А.Н. Круглов: Проблема метода его интересует буквально с первой работы. Иногда это не до конца осознается, но по большому счету все

16 Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Сочинения: В 6 т. / Пер. Б.А. Фохта; Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана; АН СССР. Ин-т философии. М.: Мысль, 1963–1966. (Филос. наследие). Т. 1. 1963. С. 51–82.

17 Hinske N. Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Der dreißigjährige Kant. Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz: W. Kohlhammer Verlag, 1970. 172 S.

18 Kant I. Dzieła zebrane. T. 1: Pisma przedkrytyczne. Torun: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. 986 s.

ключевые мыслители Нового времени, по крайней мере до конца XVIII в. (чуть позже эта проблема и в XIX в. вернулась), заняты вопросами метода. Фрэнсис Бэкон – проблема метода, Рене Декарт – «Рассуждение о методе». О чем весь Вольф? «Methodo scientifica pertractata» («трактовано по научному методу»). Везде поиск научного метода. У Канта это чуть-чуть больше скрыто, но «Мысли об истинной оценке живых сил» – это поиск подлинного метода в метафизике. А что такое «Критика чистого разума»? Знаменитая его фраза – «это трактат о методе»[19]. Я уж не говорю о том, что там последний раздел с точки зрения его самого высокого деления, т.е. первого деления «Критики чистого разума», – не дальнейшего, а первого – «Трансцендентальное учение о методе» и «Трансцендентальное учение об элементах». Другими словами, Кант находится целиком в традиции методологической заостренности мысли философов Нового времени. И его работы раннего периода, которые, как нам кажется, целиком «чистое естествознание» (землетрясения, ветры, живые силы), написаны метафизиком, т.е. человеком, которого в первую очередь интересует метафизика и подлинный философский метод.

Получается, выбор предметов его естественнонаучных исследований определялся общим метафизическим интересом, потому что, на первый взгляд, сфера его интересов здесь кажется уж слишком широкой, как вы и заметили: от ветров до землетрясений.

А.Н. Круглов: Поначалу этот интерес был широким, и, может быть, Кант еще мог себе позволить интересоваться еще большим числом проблем, но иногда эти проблемы сами собой «врывались». Например, землетрясения, конечно, возникли не сами собой, это следствие Лиссабонского землетрясения 1755 г. Может быть, без катастрофы в Лиссабоне он бы на эту тему писать не стал. Но даже здесь у Канта есть два типа работ на этот счет. У Канта есть работы, которые посвящены попыткам естественнонаучного объяснения землетрясений (устраивает оно нас сегодня или нет, другое дело). А второй вопрос – это так называемые проблемы оптимизма и полемика с крузианцами. И мне кажется, эти вопросы пересекаются. Нет, проблема оптимизма и «наилучшего из всех возможных миров» – вот там как раз Кант выступает как метафизик и как теолог. Он занимает такую позицию, от которой сам, похоже, в поздние годы немножко пришел в ужас. По крайней мере, эту работу он своему биографу Людвигу Эрнсту Боровски[20], который не мог ее найти и спрашивал у Канта, где ее искать, посоветовал в том случае, если тот найдет ее, сжечь, сжечь все ее экземпляры. Канту хотелось о ней забыть. Так что и там есть явно философский и богословский интерес, но кое-где это было все-таки попыткой откликнуться «на злобу дня».

---

19 KrV. B XXII.

20 Русский перевод этой биографии см. в новейшем издании: Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р.Б. Яхман, Э.А. Кр. Васиански, Ф.Т. Ринк и «Кантиана» Р. Райке / Пер. с нем. А.Н. Саликова под ред. А.Г. Жаворонкова; предисл. А.Н. Саликова, А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова; коммент. А.Н. Круглова. Калининград; М.: Изд-во БФУ им. И. Канта; Центр гуманитарных инициатив, 2024. 508 с.

Отчасти, может быть, и физическая география – это тоже отклик на что-то. Возможно, на жизнь в Кенигсберге, на попытку преодолеть эти расстояния, не выезжая из города, появились эти мыслительные путешествия, созданные воображением. У Федора Августовича Степуна, кажется, есть такая фраза, что жил бы Кант где-нибудь в Сибири или на берегу Байкала, то он бы точно написал что-нибудь другое про пространство и время[21]. При всей, казалось бы, смехотворности такого рода аргумента, я думаю, что жизнь в Кенигсберге, ее условия – все это в каком-то смысле тоже влияло на Канта. Можно ли отсюда вывести содержательные пассажи в «Критике чистого разума»? Думаю, нет, но и совсем игнорировать эти обстоятельства мы не можем. Было в его интересах что-то импульсивное: какое-то время его занимала Французская революция, потом, в определенный момент, Наполеон. Удивительно, что его не подтолкнула к написанию каких-то произведений Семилетняя война.

Можем ли мы проследить, какие именно из ранних интересов и размышлений Канта приводят его в конечном итоге к осуществлению в 1770–80-х гг. «коперниканского переворота» в философии? Какую роль в этом сыграли его естественнонаучные исследования? Арсений Гулыга, например, прямо утверждал, что «именно естественнонаучные интересы привели Канта к глубокому рассмотрению способа размышлений, характерного для философии немецкого Просвещения». При этом сам Кант уже в конце своей жизни писал Гарве, что его пробудили от «догматического сна» размышления об антиномиях – границы мира во времени и пространстве, пределы деятельности материи, свобода и всеобщая причинность... Что именно привело Канта к «Критике»?

А.Н. Круглов: Думаю, однозначного ответа на этот вопрос мы дать не можем. Почему? Кант сам его не дал, а точнее он давал ответ несколько раз, и мы далеко не обязательно должны верить Канту, даже если бы он дал такой ответ единожды. Почему? Даже не потому, что Кант решил бы ввести нас в заблуждение. Что пробудило Канта, по его же собственному утверждению, от «догматического сна»? Письмо Христиану Гарве конца 1798[22] и «Пролегомены»[23] дают нам совершенно разные ответы. Кант post factum все время переосмысляет свою собственную траекторию.

Известный итальянский кантовед Джорджио Тонелли (Giorgio Tonelli) пробовал как-то охарактеризовать такую черту Канта, как беспокойство или непоседливость, динамизм в мышлении. Действительно, Кант все время переделывает и переиначивает то, что он, казалось бы, уже чуть ли не «в граните отлил». Однако через некоторое время его «отлитое в гранит» не устраивает. Похоже, он задним числом таким же образом переосмысляет и свою собственную траекторию. Что нам остается? Мы можем только выдвигать более или менее обоснованные гипотезы на этот счет, и

21 Речь идет о работе: Степун Ф. А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. 192 с.

22 В русском переводе письмо Канту Гарве 1798 года см.: Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А. В. Гулыги. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 581–583.

23 См.: Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 11.

их выдвигают в большом количестве. Если не брать собственные ответы Канта по поводу Давида Юма и проблемы антиномий в отношении «догматического сна», то число адекватных гипотез относительно ограниченно.

Прежде всего, пространство и время. То, что Кант в конце 1760-х гг. явно начинает интересоваться этой тематикой, видно по его публикациям того времени. И это, казалось бы, от прежних интересов уводит его чуть-чуть в сторону. Мы видим, что Канта эта тема захватила и что она не была каким-то разовым увлечением. Явным образом он фиксирует это самое «левое/правое», неконгруэнтность пространства, и размышляет, как с этим быть. Некоторые исследователи именно это рассматривали в качестве начальной точки или толчка, который в конце концов привел к революционному изменению мышления. А другая точка зрения, которая еще в первой четверти XX в.[24] довольно ясно была сформулирована кантоведом Хайнцем Хаймзетом (Heinz Heimsoeth). Он обратил внимание на то, что различения феноменального и ноуменального, «вещи-в-себе» и «явления», то, что нам известно как классические положения трансцендентального идеализма времен «Критики чистого разума», имеют некоторый, если хотите, этический подтекст. Кант отталкивался от очень простой мысли, в соответствии с которой, если переиначить устойчивый русский оборот, не только чужая душа потемки, но и наша собственная душа потемки. Если даже то, что традиционно, как минимум с Августина, воспринимается как нечто, что ближе всего к нам, а мы даже этого не можем познать в адекватной мере, что уж говорить о предметах внешнего мира, которые от нас отделены барьером, который с трудом преодолевается. В этом смысле получается, что размышления такого типа стали толкать Канта на формирование будущей трансцендентальной философии.

Есть одно любопытное соображение в поддержку позиции Хаймзета, о котором вы, может быть, никогда и не подумаете. Это письма Николая Гавриловича Чернышевского детям. Нередко математики в былые времена использовали их в качестве сатирического чтения: то, что там пишет Чернышевский про Карла Фридриха Гаусса и про другое, мы сегодня, в самом деле, не можем читать без улыбки. Но если отвлечься от фактической составляющей, то Чернышевский говорит вполне справедливо следующее: «Вам кажется, – обращается он к немецким естествоиспытателям и математикам, – что если вы занимаетесь струнами и числами, то и все должны заниматься этим. Но Канту это было “до лампочки”. Если он к этим вопросам и подошел, то только потому, что его интересовала проблема свободы и, соответственно, бессмертия души и Бога. И если для решения надо было подойти сюда, то он к этому подошел. Вас-то это интересует, и вы думаете, что весь мир клином сошелся на этом, но Кант, если об этом пишет, то только потому, что его интересовали подлинно философские вопросы». Дальше Чернышевский пытается как-то уничижительно высказываться, примерно так: «Вы разбойники, вы не понимаете, что у

24 Heimsoeth H. Persönlichkeitsbewußtsein und Ding an sich in der Kantischen Philosophie / Immanuel Kant. Festschrift der Albertus-Universität Königsberg. Leipzig: Dieterich, 1924. S. 43–80.

людей есть интерес к каким-то великим целям и общим идеям»[25]. Думаю, что подобное ощущение при чтении «критических» произведений Канта все же возникает. И оно возникало в разное время у разных людей, казалось бы, из разных интеллектуальных традиций. Весь этот тягомотный, страшно неповоротливый терминологический аппарат, концентрация мыслей, казалось бы – вопросы естествознания, математики – и все это зачем? Зачем-то же это надо было? Зачем-то 10 лет человек сидел и писал об этом? Зачем? Чтобы что? Чтобы Гауссу, будущему что-то сказать? Или чтобы с Евклидом по поводу пространства побеседовать сквозь века? Ведь это чудовищная интеллектуальная работа, которая подорвала у Канта здоровье! Трудно представить, каких нечеловеческих усилий стоило написать «Критику чистого разума». И ради чего? Ради ответа на вопрос о свободе – да, дерзнуть стоило. А для решения какого-то специального естественнонаучного вопроса... Не поймите меня неправильно: заключенное в естественнонаучных вопросах влечение к истине достойно подобных усилий. Но у Канта влечение к истине было не только как у естествоиспытателя, но в первую очередь как у философа. Его интересовали радикальные философские вопросы, и они не могли быть решены в отрыве от науки. Можно ли быть ученым во всех отношениях на уровне своего времени?.. Полагаю, что в полной мере это уже даже для Лейбница было невозможно.

Разве мотив спасти естествознание от скептического вызова не достоин десяти лет работы?

А.Н. Круглов: Думаю, что спасать естествознание в качестве какой-то специальной задачи Канту не представлялось чем-то важным. И без его попыток «спасения» естествознание худо-бедно существовало. И даже если кому-то оно теоретически казалось очень странным, практически оно оправдывалось. И для Канта это был серьезный аргумент. Собственно говоря, «7 + 5 = 12», «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками», какие-нибудь предсказания небесных явлений – все это сохраняет свою значимость даже при том, что мы теоретически где-то затрудняемся или не можем ответить на вопрос о взаимосвязи причины и следствия. Ответ был нужен для спасения философии, метафизики свободы. Думаю, в той мере, как я его понимаю, для Канта было очевидно, что его усилий по спасению естествознания не требуется.

Давайте тогда уточним, как именно Кант воспринял вызов Юма. Получается, что он видел задачу не в обосновании достоверности и объективности естествознания, а как вызов метафизике?

А.Н. Круглов: Да, конечно, это философский вопрос. Это не вопрос естественнонаучных законов. Естественнонаучные законы, конечно, имеют какую-то метафизическую составляющую, или, как было для Канта, априорную подоснову. Если она подрывается, то это не столько подрыв естествознания, сколько подрыв мышления как такового, в том числе и

25 См. соответствующее письмо: Чернышевский Н.Г. Письмо к А.Н. и М.Н. Чернышевским от 8 марта 1878 г. // Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 445–446.

философии. Но «спасение» тут должно быть не крышей, а фундаментом. Поэтому Кант к этому вопросу подступает именно как к вопросу фундаментальному, метафизическому. Насколько удачно он этот вопрос решил, это иная проблема. Но, скажем, спасение свободы, как это ему представляется в «Критике чистого разума», все-таки относительно автономно от этого вопроса. Это два разных вопроса, которые можно рассматривать относительно независимо друг от друга.

В какой степени эти вопросы автономны?

А.Н. Круглов: Мы можем, скажем, вполне обоснованно подвергнуть сомнению убедительность кантовского ответа во Второй аналогии опыта в «Аналитике основоположений» первой «Критики», и сказать, что решение Канта через подкладывание априорного временно́го ряда под цепь причин и следствий, апелляция к априорному характеру, может нами признаваться неудовлетворительной. При этом для нас могут быть убедительными выводы из «Трансцендентальной эстетики» в отношении пространства и времени, а уже они позволяют нам отталкиваться от различения ноуменального и феноменального. Именно через ноуменальное Кант спасает саму свободу. Я сказал «относительно автономны», потому что даже вопрос о свободе для Канта не вопрос о беспричинности, не вопрос об отсутствии законов. Это какая-то особая ситуация законодательства, которая, как он говорит, носит такой характер, что каузальность осуществляется через свободу.

Вы хотите сказать, что для последовательного принятия кантовской этики мы не обязаны принимать его аппарат 12 категорий или уж тем более все построения «Трансцендентальной аналитики» целиком?

А.Н. Круглов: Они, конечно, связаны между собой. Но число категорий: 12, 18, 14 или 16, от этого категорический императив точно не зависит. А вот априорный характер категорического императива обосновывать как априорный, не используя вообще выводы «Критики чистого разума», вряд ли возможно, если его воспринимать именно как априорный. Тут взаимосвязь именно такая. Но думаю, что определенная степень независимости здесь присутствует, хотя для Канта это строго взаимосвязанные вопросы. Впрочем, когда он писал «Критику чистого разума», даже самого словосочетания «категорический императив» у него еще не было. И вообще, категорический императив в печатных работах появляется только с 1785 г. Если бы что-то вдруг произошло с Кантом в промежуток с 1781-го по 1784 г. включительно, у нас была бы «Критика чистого разума», но мы ничего бы не знали про категорический императив.

Просто сам Кант многократно заявляет о структурной целостности и завершенности построенного им здания философии. Создается впечатление, будто мы имеем дело с системой, в которой нельзя ничего ни убавить, ни прибавить.

А.Н. Круглов: Здесь два разных вопроса. Первый: воспринимал ли Кант построенное им теоретическое здание как некое систематическое единство? Да, воспринимал. Что это означает? Если рассуждать в стиле

какого-нибудь попперианца, который всю его постройку будет рассматривать как цепочку конъюнкций, то нарушение одной какой-нибудь запятой или опровержение какого-нибудь подстрочного примечания приведет к тому, что вся кантовская система выбрасывается в мусорную корзину. Нет, не приведет, точно. Это означает, что, несмотря на то, что Кант воспринимал свою систему как некое единство, несогласие с некоторыми элементами позволяет тем не менее какие-то другие ее элементы рассматривать относительно автономно и обособленно и даже так или иначе их принимать. И второй: в какой степени Кантовское стремление к систематическому единству затрагивает все его интересы? А это отдельный вопрос. Скажем, каков статус «Антропологии с прагматической точки зрения»? Как она связана с «Критикой чистого разума», как связана с его этическими работами, или как лекции по физической географии со всем этим связаны? И тут мы опять вклиниваемся в спорные проблемы кантоведения, которые сегодня особенно активно обсуждаются. Возникает тема расизма Канта: в какой степени этот расизм субстанциален, а в какой степени это просто предрассудки человека, которые не являются составной частью его системы?

Отчасти это и вопрос о том, каков статус тех произведений, в которых все это говорится. Либо это написано на «злобу дня» и с позиции частного человека, либо мы можем совершить здесь некую дедукцию из «Критики чистого разума»? Думаю, какие-то работы Канта и какие-то вопросы, которые находятся на периферии его интересов, нельзя прямо выводить из основных положений его системы. По крайней мере, я не вижу способа их дедуцирования из ядра его критической философии. Означает ли это, что мы можем относиться к этим работам как к чему-то второстепенному? Вряд ли. Есть что-то, что прямо входит в ядро, без чего Кант не Кант, а есть что-то, что обладает несколько иным статусом. Думаю, для кантовской философии этот вывод справедлив. Кант сам иногда прибегал к подобным образам. Эти образы у него встречаются в «Религии в границах одного только разума» (так звучит новое название перевода, который только что вышел[26]) и в ряде других произведений. Как он это иллюстрирует? Приблизительно так: есть «муж» и есть его «одежда» – есть некое ядро или внутренний круг, где размещено то, что относится к сути, с чем никак нельзя расставаться, и есть оболочка, которая исторически изменчива. «Муж» остается неизменным, а его одежда может быть и такой, и сякой... Как-то раз мне пришел такой образ: если путешествовать по европейской части Российской Федерации и заходить в относительно старые церкви, то в каком-то смысле можно увидеть историю внешней одежды Руси. Означает ли это, что евангельская проповедь зависит от того, с бородами или без бород изображаются мужики на фресках в церкви, или в какой они

26 См.: Кант И. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / Под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Т. 3: Религия в границах одного только разума / Под ред. А.Н. Круглова; пер. с нем. Л.Э. Крыштоп под ред. А.Н. Круглова; предисл. и коммент. А.Н. Круглова, Л.Э. Крыштоп. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024.

внешней одежде? Внешняя одежда, эта оболочка, исторически изменчива, а суть этического или религиозного учения остается неизменной. Думаю, систематичность Канта тоже имеет некие пределы. Есть нечто такое, что, несомненно, сказал Кант, несомненно, написал, но дедуктивно это точно не выводится из «Критики чистого разума, либо «Критики практического разума». Иногда здесь встречаются откровенные глупости. Иногда это глупости возникают из-за каких-нибудь предрассудков Канта, а иногда это глупости с точки зрения читателя XXI века в силу того, что Кант опирался на совершенно устаревший исторический научный материал.

Мы говорили про ядро и внешнюю оболочку, про то, от чего мы можем избавиться, а от чего не можем. Как в этом отношении быть с «Метафизическими началами естествознания», которые Кант создает, насколько я помню, после «Пролегоменов» и перед «Критикой практического разума»? В предисловии данной работы он настаивает на том, что в предложенной им системе нечего добавлять или менять, можно лишь в дальнейшем декоративно улучшать. Предложенные им «начала естествознания», как он утверждает, прямо и строго дедуцированы из построенной им системы категорий и, вместе с тем, многие из них подозрительно похожи на положения ньютоновской механики...

А.Н. Круглов: Эта работа 1786 г. С моей точки зрения, не самая сильная работа Канта. Сегодня, конечно, главным образом она представляет исторический интерес и в плане кантоведения, и в плане его системы. Почему возникла потребность ее написать? В какой степени поздний Кант рассматривал ее как ключевую работу?

В результате осуществленной им реформы метафизики, Кант приходит к тому, что былое вольфианское деление метафизики на метафизику *generalis* и *specialis* – соответственно, на онтологию (с одной стороны), и на психологию, космологию и теологию (с другой) – это деление должно смениться чем-то другим. Новая метафизика, по мысли Канта, должна состоять из двух частей: метафизика природы и метафизика нравов. У нас по-прежнему иногда вспоминают работу Валентина Фердинандовича Асмуса, его книжку «Иммануил Кант»[27], которая была опубликована к 250-летию Канта. Там утверждается, что Кант вроде бы и не был противником метафизики, но когда в конце концов дописал «Критику чистого разума», то понял, что строить-то нечего. Как бы ему эта метафизика ни была симпатична, но фактически он оказался на ее развалинах. Однако Кант вообще-то уже пообещал «метафизику природы» и «метафизику нравов» – он и написал «Метафизику природы» и «Метафизику нравов». Что обещал, то и сделал, по крайней мере номинально. Другое дело, что значение метафизики нравов и метафизики природы в кантовском исполнении радикально отличны. Метафизика нравов в широком смысле слова, т.е. и «Основоположение к метафизике нравов», и «Критика практического разума», и сама «Метафизика нравов», – это вершина Канта, то, к

27 Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука. 1973. 536 с.

чему он пришел в конечном итоге, и то, почему Кант – великий философ. Но «Метафизика природы» для меня скорее вынужденное завершение данного ранее обещания: «Я обещал, я как-то это совершил, сделал, дописал». При этом задним числом, когда у Канта спрашивали: «Когда, собственно, появилась Ваша трансцендентальная философия?», поздний Кант стал отвечать: «Как когда? “Критика чистого разума” это она и есть!» Другими словами, он немного изменил взгляд и в качестве столпов новой реформированной метафизики рассматривал саму «Критику чистого разума» и этические проблемы, изложенные в трех «критических» произведениях. «Метафизические начала естествознания» воспринимались Кантом примерно так: «Надо было написать – написал, но в какой степени это выражает суть моей критической философии...» Это несколько утрированная позиция, но она подходит для того, чтобы как-то объяснить, почему возник, на мой взгляд, не столько интерес, сколько потребность написать «Метафизические начала естествознания».

Правда, эта работа интересна тем, что здесь мы находим продолжение разговора с Ламбертом. Но уже не про космологию, а про те изменения, которые случились вначале в «Новом Органоне», а потом в «Критике чистого разума», и «докатились» до этой работы. Четвертую часть «Нового Органона» Ламберт назвал «Феноменология, или Учение о видимости»[28]. Находим в «Критике чистого разума»: *диалектика как логика видимости*. Кант хотел одно время посвятить эту свою «Критику» Ламберту[29], но Ламберт не дожил, и это произведение посвящено барону фон Цедлицу. Но, несмотря на письма Ламберту, Кант уходит от использования термина «феноменология». Хотя, казалось бы, его «диалектика» – это феноменология, поскольку там идет речь о видимости. Но о видимости такой, которой у Ламберта не было, о трансцендентальной видимости. В этом смысле здесь присутствует полемика. И где вдруг затем у Канта появляется феноменология? Для обозначения учения о движении в «Метафизических началах естествознания»[30]. Почему? Что с Кантом происходит? Каким образом? Даже здесь мы видим, что это определенная экспериментальная работа, где Кант важное, казалось бы, для себя былое понятие интерпретирует совершенно неожиданным образом.

Теперь о названии. Оно традиционное. Традиционное и для Канта, и для его времени: Anfangsgründe – это вариант перевода с латыни Initia, т.е. принятый вариант для обозначения компендиума. Любопытно сравнить, в какой степени позиция Канта здесь отличается от представленной в тех компендиумах, которыми он пользовался. Я лично никогда

28 Отрывки в русском переводе см.: Ламберт И.Г. Феноменология, или Учение о видимости (Новый Органон, или Мысли об исследовании и обозначении истинного и его различении от заблуждения и видимости, 1764 г.) / Пер. с нем. К.А. Волковой под ред. А.Н. Круглова // Историко-философский ежегодник 2006. М.: Наука, 2006. С. 105–113.

29 См. набросок этого посвящения в русском переводе: Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum) / Под ред. В.А. Жучкова. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 84.

30 См.: Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 358.

подобного рода сравнений не производил, мне и знаний не хватает, и интереса нет. Надо здесь все-таки в какой-то степени быть историком физики. Работа, на которую Кант опирался, – это Erste Gründe der Naturlehre Иоганна Петера Эберхарда. Еще, насколько я понимаю, работы Венцеслава Иоганна Густава Карстена[31]. Было бы хорошей задачей для исследования – посмотреть, в какой степени позиция Канта отличается от тех учебников, на которые он опирался, и от позиции физиков, которые на тот момент преподавали. Но таких специальных работ я не знаю, и, кажется, что это исследовано по-прежнему в недостаточной степени.

Но если мы признаем, что Кант вообще на что-то опирался, когда писал «Метафизические начала естествознания», то, как мне кажется, начинаем спорить с самим Кантом, ставим под сомнение его утверждение о том, что все эти «начала» выведены непосредственно из анализа самой возможности опыта.

А.Н. Круглов: Опять Jain. В каком смысле? Кант может, конечно, сказать, что такова структура самого разума, что трансцендентальных идей существует только три. В силу того, что структура разума такова, и идей только три, в специальной метафизике есть только три дисциплины. Но я не об этом. Я о том, что даже если Кант в самом деле был убежден в этом и даже если в самом деле можно вывести одно из другого, это не значит, что реально Кант таким образом выводил «начала» и не опирался на исторические работы. На исторические работы он опирался, он этого не скрывал, но после открытия, вполне возможно, он наконец-то захотел представить эту связь иным образом – она существует как бы «на самом деле».

Степень оригинальности Канта – это, к сожалению, до сих пор проблемное пятно кантоведения. Мы можем взять для примера другие его работы, скажем, работы по философии права. В какой степени Кант в «Метафизических первоначалах учения о праве» оригинален и отличается от Готфрида Ахенвалля, по которому он читал свои лекции[32], и от остальных преподавателей по естественному праву? Вы видите поток работ по философии права Канта, но не видите даже попыток как-то взглянуть на это в более широком контексте. Моя мысль в том, что физические работы Канта тоже надо рассматривать в конкретном историко-научном контексте, даже учитывая, что он сам претендовал на некое дедуктивное выведение. В данном случае для меня это скорее слабая черта его «критических» взглядов.

В этом плане «Пролегомены», несмотря на то, что мне там многие положения кажутся сомнительными, но даже они видятся пионерской, инновационной работой, где Кант высказывает даже для себя еретические мысли, пытаясь решить какие-то проблемы, от которых он потом отказывается. В то же время «Метафизические начала естествознания» в

31 Karsten W.J.G. Anleitung zur gemeinnützlichen Kenntniß der Natur besonders für angehende Aerzte, Cameralisten und Oeconomen. Halle: Renger, 1783. 792 S.

32 Achenwall G. Juris naturalis pars posterior complectens jus familiae, jus publicum et jus gentium in usum auditorum. Göttingen, 1763.

каком-то смысле систематика ради систематики, желание Канта выполнить долг перед поставленной им же задачей систематического строительства. Подлинной научной и философской мысли Канта, которой он привлекает, именно в этой работе я не нахожу. Может быть, там есть какие-то глубины, а я до сих пор до них не дошел, но на сегодняшний момент я вижу это именно так. В дальнейших его рассуждениях мы не находим каких-то регулярных отсылок к этой работе, если не берем, конечно, Opus Postumum.

Однако Opus Postumum, как представлял сам Кант, – это реализация проекта перехода от метафизики природы к эмпирическому естествознанию, т.е. данная проблематика продолжала беспокоить Канта буквально до конца жизни.

А.Н. Круглов: Это да, но в принципе этот переход можно осуществить, отталкиваясь от «Критики чистого разума». Допустим, у нас вообще нет этой работы 1786 г., а проблема Opus Postumum по-прежнему остается актуальной, даже если мы опираемся только на «Критику чистого разума» и на «Пролегомены». В «Критике» показана основа чистого естествознания, но не показано, как от этих основ мы переходим к конкретным физическим утверждениям. Для того, чтобы этот вопрос задать, нам не нужна работа 1786 г. Она, конечно, нужна для систематики, но сама проблема вытекает уже из «Критики чистого разума».

Отвлечемся от конкретного содержания «Начал», оставим лишь вопрос относительно общей формы кантовского взгляда на науку. Утверждает ли гносеология Канта необходимость для естествознания каких бы то ни было истинных a priori принципов, начал, не допускающих пересмотра?

А.Н. Круглов: Это вопрос обширный, к нему нередко подходят с самых разных позиций. Если я ваш вопрос переформулирую, это будут вопросы о кантовском отношении к пространству и времени и его зависимости или независимости от Евклида, и, соответственно, Ньютона и посленьютоновского развития. Первое, что я должен сказать: когда к этому вопросу подходят физики, то чаще всего они оказываются среди каких-то ложных представлений по той простой причине, что для физиков то, что Кант называет трансцендентальным идеализмом, – это нечто такое, что остается за границами их восприятия. Кант не описывает мир «как он есть». Кант не описывает вещи сами по себе. Большинство физиков, которые пытаются предъявить Канту какие-то претензии, неявно исходят из иного понимания природы: природу они понимают не по-кантовски, а как некую объективную реальность, саму по себе данную, и так далее. Это приводит к тому, что существует довольно большой пласт литературы, который основан на непонимании кантовского трансцендентального идеализма. Поэтому давайте рассмотрим эти вопросы поочередно. Первое: является ли кантовская критическая философия обоснованием евклидовой геометрии? Нет. Евклид не нуждается в Канте, и Кант не настолько глуп, чтобы ставить перед собой эту задачу. Второе: меняет ли что-то открытие неевклидовых геометрий? Ответ: скорее нет, чем да, потому что позиция

Канта в этом отношении (и это тоже многие недооценивают) во многом революционна. В каком отношении? Можно сказать, что Кант «антропологизирует» евклидову геометрию. Делает он это? Судя по всему, да. Допускает ли Кант наличие других существ с иными геометрическими представлениями? Явным образом, да. Допускает ли Кант существование у человека каких-то разных мыслительных конструкций в области геометрии? Да. Он не допускает *форм созерцания* вне евклидовой геометрии. Но мыслить, строить какие-то модели на эту тему – разные вещи. Мыслить и познавать не одно и то же. Мыслить я могу все что угодно, мыслить я могу даже неевклидову геометрию. Но иметь соответствующие неевклидовой геометрии созерцания – это то, что Кант отрицает. Вот что я назвал «антропологизацией» евклидовой геометрии. В этом смысле Кант фактически говорит о том, что когда мы познаем – познаем на той скорости и в тех пределах, о которых мыслит Кант, – это осуществляется в эмпирическом мире, в котором я созерцаю в соответствии с евклидовой геометрией. Соответствует ли мир сам по себе евклидовой геометрии или какой-то иной? Кант на этот вопрос не отвечает, это находится за границами его философии. Думаю, что в этом смысле, в допустимости всего этого и мыслимости других существ, Кант пошел чуть дальше многих своих современников. В самом ли деле человеческое созерцание исключительно евклидово? Вот вопрос, на который мы можем ответить, сказать «да» или «нет», но это должно стать предметом научных исследований. Если кто-то хочет опровергнуть Канта, надо не ссылаться на Римана и Лобачевского – это просто мимо, а надо проводить исследования реального созерцания человека. Если будет показано, что в каком-то, не знаю, «человекоразмерном» созерцании, при тех или иных условиях мы наблюдаем объекты в неевклидовом пространстве, тогда это было бы аргументом против Канта.

Третье: физика и Ньютон. Кантовское учение о пространстве и времени в основе своей явно не ньютонианское, мы видим огромные, принципиальные различия с Ньютоном. Вообще говоря, важно понимать особенности кантовского представления о природе. «Природа» на языке Канта – динамическое целое, совокупность суждений опыта. У него встречаются разные определения, но в любом случае это не тот объективно существующий реальный мир наивного, житейского представления человека. Соответственно, вопросы, опровергают ли Канта теория относительности, открытия XX века, квантовая механика, не заставляют ли они нас относиться к Кантовской мысли как к чему-то совершенно неадекватному нашему времени? Здесь, опять же, даже среди исследователей встречаем взаимоисключающие ответы. Ингеборг Штромейер (Ingeborg Strohmeyer), например, в работах конца XX в. предпринимала попытки соотнести философию Канта с теорией относительности и квантовой механикой[33]. Ее позитивный для Канта ответ она связывала с физическими константами.

33 См.: Strohmeyer I. Transzendentalphilosophie und physikalische Raum-Zeit-Lehre. Eine Untersuchung zu Kants Begründung des Erfahrungswissens mit Berücksichtigung der speziellen Relativitätstheorie. Köln, 1977. II, 275 S.; Strohmeyer I. Quantentheorie und Transzendentalphilosophie. Grundlagen der exakten Naturwissenschaften. Heidelberg, 1995. 196 S.

Но чаще всего попытки подобного рода – разговор неадекватный, потому что идет разговор трансцендентального идеалиста с наивным сознанием, убежденным в познании вещей самих по себе такими, какими они сами по себе являются.

Четвертое: требуются ли естествознанию априорные принципы?

Да, ключевой вопрос состоит в том, действительно ли необходимы в рамках той модели науки, которую предлагает нам гносеология трансцендентального идеализма, априорные, неизменные принципы естествознания?

А.Н. Круглов: Некоторые да. И не только естествознанию, но, судя по всему, и науке в целом. Если говорим о естествознании, рассмотрим Вторую аналогию опыта. То, что находим в «Аналитике основоположений», это, похоже, Кант рассматривает как то, что лежит в качестве принципов естествознания, от которых неизвестно, как перейти к конкретным физическим утверждениям. Эта проблема так и осталась нерешенной. Точно так же мы видим, что какие-то априорные принципы требуются, по мысли Канта, для того чтобы математика существовала в качестве достоверной науки со всеобщими и необходимыми суждениями. Можно ли сегодня разделять этот взгляд на априоризм Канта в таком виде, как он у него представлен? Актуальных сторонников подобного я не знаю. Наиболее распространенная позиция у тех, кто пытается сохранить преемственность с Кантом и некоторым образом адаптировать кантовскую позицию к новым, сильно изменившимся наукам и к новому знанию. Это определенная историзация a priori. Не в том, правда, смысле, как об этом писал Мишель Фуко, а в принципе допущения возможности изменения некоторых представлений, которые мы называем априорными. Но априорными они становятся в таком случае для конкретной исторической эпохи, определенного поколения, для отдельного индивида. В конце концов эти «априорные» для своего времени представления изменяются. Свое обоснование последнее находит в том, что один из моих учителей Курт Хюбнер называл «историческим фоном».

Однако даже в том случае, если мы, пытаясь критически подойти к Канту, исходим из того, что все, что он называл априорным, не является вневременным, а подлежит какому-то изменению, отсюда не следует (что, мне кажется, очень убедительно показал Хюбнер), что вообще нет неких априорных предпосылок, даже если они исторически меняются. Мы эту априорность некоторым образом видоизменяем в своем понимании вневременности, однако допущение возможности изменения априорных принципов не заставляет нас отказаться от тезиса, что сама возможность беспредпосылочного знания, которое не опирается вообще ни на что, – это иллюзия. А вот сказать, чтó это за предпосылки, которые в этом смысле оказываются для нас априорными, каким образом и на какие группы их можно поделить, как они в конце концов выглядят, – это задача философской работы. Хюбнер в «Критике научного разума» [34] выделяет пять

34 Хюбнер К. Критика научного разума / РАН. Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 1994. 326 с.

различных групп этих самых априорных предпосылок. И я думаю, что некоторые из них удивят естествоиспытателя, потому что он никогда об этом не задумывался. Вот одна из этих групп, например, совершенно произвольно – в этом смысле «априорно», задает параметры допустимости отклонения наших экспериментальных исследований. Что означает, что эксперимент был подтвержден независимо кем-то другим в соседней лаборатории? Отклонения были? Были. Насколько? На 0,1? На 0,1 – это подтверждение или отклонение? Это верификация или фальсификация? Это из эксперимента следует? Не следует. Является ли отклонение на 0,1 подтверждением или опровержением, задано априорно, до проведения всякого эксперимента. Это то, с чем мы, собственно говоря, имеем дело. В этом смысле нечто априорное, по мысли Хюбнера, обязательно требуется до сих пор, но только он отказывается от признания тех форм, которые выделяет Кант, в качестве вечных и неизменных. Правда, я хочу подчеркнуть, что эти соображения касаются теоретической философии, про этику Канта Хюбнер ничего подобного не писал.

Но ведь сам Кант не предполагал, насколько я понимаю, никакой историзации в отношении наших способностей рассудка.

А.Н. Круглов: Кант не предполагал.

Поэтому, когда мы рассматриваем a priori как систему наших конвенций в научном сообществе (или что-то подобное), это кажется очень сильно «некантовским».

А.Н. Круглов: Ну как сказать? В одном отношении это по-прежнему Кант, а в других отношениях, конечно, очень сильно не-Кант. С этим не поспоришь.

Если априорность определяется возможностями нашего рассудка, который, согласно Канту, «законодатель природы», то в таком случае научные революции, изменения в системе априорных положений, приходится рассматривать буквально как видоизменения самой природы.

А.Н. Круглов: Здесь тоже есть разные варианты. Правда, вот таких экзотических вариантов спасения Канта я не знаю, но из истории права можно придумать что-нибудь подобное. Последний раздел «Трансцендентального учения о методе» в «Критике чистого разума», если помните, «История чистого разума». Опять же, можно сказать, что открытие априорных форм, которые вневременные, случилось в книжке, которая была опубликована в 1781 г. Но факт какого-то исторического открытия, на основе каких-то исторических данных ничуть, получается, не изменяет вневременный характер этих форм. Некоторая проблема с этим историческим пониманием присутствует. Но адекватно ли мы понимаем эти самые априорные представления? Может ли уточняться или нет наше понимание этих самых вневременных представлений? Если посмотреть на стремительно расширяющийся список прав человека, которые якобы все от рождения «неотчуждаемы» (хотя еще пару лет назад таковыми не считались) и задать вопрос: как же так, почему, на основании чего? На это

нередко могут ответить: «Они всегда таковыми были, но мы это поняли только сегодня, вчера мы это еще не понимали».

Ключевой для кантовской философии является сама мысль о противоположности «априорного» и «апостериорного». Вот Вы решили, что все эти априорные группы конвенциональны, но они же далеко не все конвенциональны. Это только один из примеров. Есть еще много разного неосознаваемого нами, берущегося как что-то само собой разумеющееся. Хотя, если мы покопаемся в истории... На языке Бэкона это выглядело не очень лицеприятно – как некие «идолы», или как нечто «парадигмальное» в жаргоне другого философа науки. Что является ключевым для Канта? Это же всегда вопрос. Что является ключевым: его утверждения расистского толка или категорический императив? Точно так же и здесь. Само принципиальное различие априорного и апостериорного, и мысль о некоем «довеске» в процессе нашего познания, либо конкретный перечень того, что Кант этим «довеском» называет? Конкретный перечень, конечно, сегодня вызывает очень много вопросов.

Но ведь дело не в конкретном перечне, а в самом статусе априорности. Что наделяет априорностью те или иные положения? На чем она основана? С априорностью математики согласиться намного проще, чем с априорностью естествознания. Нам, испорченным фаллибилизмом, испорченным постпостивизмом, очень трудно рассматривать вообще какое-либо положение естествознания как последнюю истину, включая положение о том, что у всякого действия есть причина.

А.Н. Круглов: Да, но Кант это, судя по всему, рассматривал как некую основу чистого естествознания, а это по большому счету некое метафизическое утверждение. Именно тут мы сталкиваемся с тем, что, быть может, вас несколько примирит с тем, что я говорил. Работа Канта ведь не случайно называется «*Метафизические* начала естествознания». Думаю, для какого-нибудь позитивистски настроенного естествоиспытателя это вообще к науке не имеет отношения. Это все для него «какая-то философия». А я, ученый, вообще этим не интересуюсь, я просто включаю свои приборы и провожу эксперименты. Мысль Канта в отношении естествознания такова: можете этим интересоваться, можете не интересоваться, можете отрицать, можете признавать, но в любой науке есть метафизический слой (метафизический или философский). И от этого метафизического слоя зависит собственно физическое утверждение, даже если этого не признавать. А я, Кант, поставил себе задачу вскрыть эти метафизические предпосылки, которые присутствуют в той или иной степени. Возможно, я вскрыл их неудачно, но, по крайней мере, показал саму эту проблему явным образом. И этот «метафизический слой», вневременный он или меняется, но он там есть! Скорее, для многих именно в этом состоит ключевая мысль Канта, а не то, что он по полному перечню вписал в состав неизменяемого, априорного.

Полагаю, что даже для самого вульгарного позитивиста очевидно наличие некого метафизического каркаса в любой системе знаний: то, что определяет структуру и интерпретацию экспериментов, то, что

определяет направление и организацию научного поиска и т.п. Но проблема с Кантом, как мне видится, в том, что он этот каркас связывал непосредственно со способностями нашего разума. Кажется, будто нам приходится уж очень сильно видоизменить кантовскую философию для того, чтобы вписать в нее возможность исторических изменений разума, необходимую в данном случае для объяснения процессов смены метафизических каркасов, происходящих в рамках научных революций.

А.Н. Круглов: Не думаю, что это выглядит до такой степени революционно в отношении Канта, как вы это представляете. Почему? Да, Кант говорил о «познавательных способностях», но не апеллировал к каким-то конкретным характеристикам наших органов чувств. Вспомним переосмысление этой проблемы в неокантианстве на рубеже XIX–XX века – Герман Гельмгольц, например, или Фридрих Альберт Ланге[35] – они как раз пытаются говорить о каком-то диапазоне наших органов чувств, что в этом плане выступает в качестве априорного характера или носит априорный характер. Вы сейчас скажете: можно использовать какой-нибудь слуховой аппарат, можно увеличительное стекло, все это расширяет наш диапазон чувств. Можно что-то добавить в барабанную перепонку так, чтобы диапазон длины волны, которая нами улавливается, был каким-то другим. Но Кант говорит не об анатомической составляющей, а о взаимосвязи вопросов познания с человеком. Вот, казалось бы, слабость, когда Кант постоянно повторяет: «для нас, людей», «для нас, людей»... Но в каком-то смысле это и сила, потому что, да, то, что мы познаем, это мы, люди, познаем. Что-то в конкретных изображениях познания меняется, но какие-то путеводные кантовские мысли в этом изменении по-прежнему остаются.

Людей или разумных существ? Кант допускал, что есть разумные существа, у которых разум устроен отлично от того, который он «критикует»?

А.Н. Круглов: Это некоторая сложность. Мы видим, что он иногда в скобочках слова «люди» и Vernunftwesen вроде бы отождествляет, но есть что-то, что на «разумных существ» распространяется, и есть что-то, что распространяется только на «людей». В той мере, в какой я это понимаю, «люди» являются подвидом разумных существ, по крайней мере, в некоторых местах его текстов. В этом смысле ограничения и требования, которые присутствуют в «Критике чистого разума», они касаются нас, «людей». А в этике Кант часто говорит о «разумных существах», из чего теоретически можно допустить, что те долженствования и моральные законы, о которых он говорит, справедливы не только для людей, но и для других типов разумных существ.

В этом плане примечательны попытки ряда литературоведов и философов в середине XX в. представить кантовскую философию как антипод Достоевского. Широко известна работа Якова Эммануиловича

35 См.: Helmholz H. Die Tatsachen in der Wahrnehmung. Berlin, 1878. 72 S.; Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Bd. 2. Iserlohn, 1866. XVI, 563 S.

Голосовкера «Достоевский и Кант»[36]. Для меня это удивительное литературное произведение без фактического материала, потому что «борьба» Достоевского с Кантом является, с моей точки зрения, чистой фантазией автора. Нет никаких данных, что Достоевский когда-либо читал Канта. Но, пытаясь развивать свою мысль, Голосовкер в какой-то момент говорит: «Надо же, большей пародии на Канта, чем в “Братьях Карамазовых”, не найти: в разговоре Ивана Карамазова с чертом, черт сам не знает, есть ли он или нет. Ха-ха-ха, вот это пародия!» Но на черта кантовские ограничения априорных суждений не распространяются. Черт не может «знать» или «не знать», а в отношении человека это так. Для черта все выглядит по-другому. Поэтому «разумные существа» – это одна история, и к ним Кант, скорее, апеллирует в этических произведениях. Чем он, кстати, хоть как-то компенсирует свои рассуждения в «Физической географии» и антропологии, которые, действительно, если уж не откровенно расистские, то с расистским привкусом точно.

Прошу простить, если я, как может показаться, приземляю мысль Канта и ее рассмотрение, но хотелось бы еще раз вернуться к его философии науки и разобраться с тем, какую именно модель естествознания предлагает нам сам Кант, его учение о познании. Что он, например, вкладывал в понятие «закон природы», Naturgesetz?

А.Н. Круглов: Первая проблема. Думаю, Кант сам себя не рассматривал в качестве такого регулятива для естественных наук и видел свою роль скромнее. Но раз вопрос возникает, мы можем предположить, как бы это выглядело, если бы Кант захотел вам ответить. Вторая проблема – «природный закон». Здесь мы сталкиваемся с проблемой, почти нерешаемой в кантовских произведениях. Возьмем немецкое словечко Natur, которое использует Кант. Мы имеем, с одной стороны, явное различение «природы» и «мира» в «Критике чистого разума», причем они противопоставлены как математическое и динамическое целое. Мы видим позицию Канта в «Пролегоменах», которая в этом отношении даже утрирована, где Кант говорит, что «рассудок предписывает природе свои законы», «мы можем познать в природе только то, что сами же в нее вложили» и так далее. Однако чуть позже Кант начинает рассуждать про историю, про человечество, про вечный мир. И вдруг какая-то «(П)рирода» (не пойми какая, поскольку в немецком языке все существительные пишутся с большой буквы, иногда и по-русски это переводят с большой буквы, но это интерпретация переводчика). Вдруг какая-то «(П)рирода» хочет, чтобы человечество стремилось к всеобщему правовому гражданскому состоянию. Что за эвфемизм? Причем это не разово, а многократно: у природы, видите ли, существует какой-то замысел в отношении человечества, в отношении истории, природа сделала земной шар круглым для того, чтобы существовала необщительная общительность людей... Каким образом вот эти противоречия в

36 Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя о романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и трактате И. Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во АН СССР, 1963. 105 с.

кантовской терминологии можно разрешить? Я не представляю. Но, похоже, Ваш вопрос в первую очередь касается утверждений из «Пролегоменов».

Именно оттуда. В «Пролегоменах» Кант вводит различие (по-моему, этого не было в «Критике») между чистыми всеобщими законами природы и эмпирическими законами природы. «Чистый всеобщий» – это примерно то, что, как я понимаю, он выводит в «Метафизических началах естествознания». А вот понять статус частных эмпирических законов и их связь, вообще то, что делает их законами, на самом деле не совсем просто. Чем отличаются они от простых индуктивных обобщений опыта? Как в их отношении решается проблема индукции?

А.Н. Круглов: Да, «Пролегомены» в этом смысле экспериментальное произведение. Это подтверждается очень многими различными соображениями, даже лексического свойства. Сейчас готовится новое издание «Пролегоменов» на немецком языке, критическое, в рамках академического издания. Один из тех, кто его готовит, Михаэль Оберхаузен (Michael Oberhausen). Это произведение вообще имеет трудную судьбу. Если рассматривать русские переводы, то имеется четыре разных издания с четырьмя разными названиями. Сколько раз «Пролегомены» переводили, столько раз меняли название. Скандалы были по поводу того, что там перепутаны страницы. Это то, благодаря чему в свое время стал популярен Ганс Файхингер (Hans Vaihinger). Дополнительная проблема: меняете вы страницы или не меняете, вы находите в «Пролегоменах» некоторые слова, которые Кант употреблял один-единственный раз. Один-единственный термин и только в «Пролегоменах», и больше во всем письменном корпусе Канта его нет нигде. Там есть различения, в отношении которых, мне кажется, ни один кантовед, который этим занимался, не сказал ни одного доброго слова. Различия между суждениями восприятия и суждениями опыта, они, собственно говоря, касаются вашего вопроса. Ни одного доброго слова не говорится об этой работе, потому что все в корне противоречит тому, что Кант сказал в «Критике чистого разума». Совсем! Был один человек, который пытался это как-то спасти ситуацию, Герольд Праусс (Gerold Prauss), кантовед из Фрайбурга. В 1970-е гг. у него были работы[37].

Так вот, «Пролегомены» в этом смысле экспериментальны, так как многое из того, что там сказано, Кант, судя по всему, забрал назад. По крайней мере, мы видим, что он не включил это во второе издание «Критики чистого разума». По некоторым вопросам мы видим три позиции Канта: первое издание «Критики чистого разума» (1781), «Пролегомены» (1783) и второе издание «Критики» (1787). Если бы Кант сам это как-то считал правильным, это вошло бы в текст второго издания. Но свои эксперименты насчет суждений восприятия и суждений опыта он выбросил. Точно так же, как он не стал развивать тему «сознания вообще». Там она есть, а в дальнейшем он во втором издании начал говорить про апперцепции, а «сознание вообще» осталось этаким эпизодом «Пролегоменов».

37 См.: Prauss G. Erscheinung bei Kant. Berlin: De Gruyter, 1971. 339 S.

Полностью от этой проблематики Кант не отошел. Вы вспоминали про Opus Postumum: здесь чуть-чуть в сторону отставленные прежние варианты как бы снова возвращаются. Проблема, которую он, среди прочего, пытался решить в «Пролегоменах», как это частное и общее привести в какую-то гармонию. Кант заново пытается поставить ее в этом труде, который не довел до конца. Для общих целей «Критики чистого разума» это был вопрос второстепенный, потому что здесь Канта интересовал сам факт наличия хоть чего-то априорного. В принципе достаточно было одной аналогии опыта, для его «диалектики» этого хватало: если что-то не только в чувственности, но и в рассудке есть, то значит и в разуме можно поискать что-то априорное. Но тут Кант все-таки решил обстоятельно задаться этим вопросом, и возникла эта проблема. Хорошо, есть «Вторая аналогия опыта», но как быть с простым физическим утверждением, каким-то конкретным законом? Кант предлагает в «Пролегоменах» совершенно экзотическую конструкцию, разделяя все типы суждений на суждения восприятия и на суждения опыта. Суждения восприятия субъективны, суждения опыта носят некий всеобщий необходимый характер. Суждения опыта, по крайней мере, некоторые из них, наверное, можно было бы подверстать под конкретные физические законы, утверждения. (Он там далее совокупность суждений опыта пытается представить как природу – еще одно «странное» определение.) Возьмем знаменитый его пример: солнце светит, камень нагревается, следовательно, солнце нагревает камень. И что получается? Кант спрашивает: «Каким образом суждение восприятия превратилось в суждение опыта?». Ответ, который он дает, вводит просто в оторопь человека, который читал «Критику чистого разума»: «Потому что там применяется категория...» У Канта категория применяется в каждом суждении! Как же так? Кант в «Критике чистого разума» доказывал это, выводил четыре типа суждений, а затем категории из этих суждений! Праусс пытался спасти это таким образом, что Кант якобы говорит здесь не просто о применении категории, а о применении только одной-единственной категории – причинности. Все остальные категории как будто бы какие-то не такие. Но это полбеды. Мало того, что это «перпендикулярно» всем утверждениям «Критики чистого разума»! Далее у нас возникает следующий вопрос (словно Канту не хватило этих трудностей). Появляется характерный оборот, который напоминает «я охотно признаю, что... ». У него, кстати, данный оборот часто стоит в ключевых местах, вроде «я охотно признаю, что Юм пробудил меня...»[38]. Он пишет: «Я охотно признаю, что такие суждения, как сахар сладкий, а соль соленая, никогда не станут суждениями опыта». Вдруг получается, что есть какие-то суждения восприятия, которые в принципе не могут стать суждениями опыта. Как же так может быть? Получается, что к ним и категорию применяют, а они все равно не становятся суждениями опыта! Тогда получается, что они сами по себе, а не в силу моего категориального аппарата и моего познания, сами по себе потенциально не обладают

38 Ср. Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 11, 56 прим.

всеобщностью и необходимостью. Но тогда объяснение всеобщности и необходимости состоит не в категориальном применении, а в чем-то другом... Категориальное применение только фиксирует, только как бы «отгадывает» в отношении чего-то то, как оно есть само по себе. И опять здесь возникает тема «сознания вообще». Почему субъективны суждения восприятия? Что-то может соединиться только в моем сознании, или в сознании моего друга, или моей супруги, или моего приятеля, а что-то соединено в «сознании вообще». А как выглядит допущение невозможности превращения каких-то суждений восприятия в суждения опыта? Уже само это различение проблематично, т.е. объяснение суждения опыта как того, что есть результат применения категории. И тут появляется что-то такое, что вообще не зависит от применения категории, так и остается суждениями восприятия.

Что можно сказать в защиту Канта? Первое: Кант искал, и Кант пробовал решить эту проблему. Второе: Кант выкинул все это из второго издания «Критики чистого разума». Это осталось исключительно в «Пролегоменах». Третье: совсем от этой проблемы он не ушел, и какие-то варианты перехода продолжал искать, в том числе в своем посмертно изданном, неоконченном произведении.

Убедительного ответа ни в «Пролегоменах», ни в последующих работах не было. Хотя я думаю, что в «Пролегоменах» (хотя это и не вяжется с «Критикой чистого разума») был очень эвристически любопытный ход. Что-то Кант, мне кажется, здесь все равно схватил, пусть и доброго слова по этому поводу практически ни от кого до сих пор не услышал.

Назову еще третью проблему, с этим связанную. Отчасти она идет от Освальда Кюльпе и потом переходит к Карлу Попперу. Поппер – один из последних, который на эту тему писал[39]. Допустим, что суждение с утверждением о материи/содержании значимо априорно, т.е. через свою форму. В таком случае наряду с ним может быть допущено и отрицание этого суждения по чисто формальным основаниям. В результате мы получим дизъюнкцию двух противоречащих друг другу суждений. Выбор между этими суждениями не может быть сделан с формальной точки зрения, без эмпирической проверки и обращения к материи/содержанию. Получается, что синтетические суждения не могут обладать своим значением исходя из формальных оснований, а могут иметь его только лишь апостериорно. Правда, Поппер не учитывает наличия у Канта трансцендентальных схем. И если его мысль попробовать уточнить и продолжить, попробуем разобраться. Вы же помните, что категория применяется на основе схемы? Встает вопрос: схема априорно или апостериорно к чему-то привязывается? Иначе говоря, мы эту самую схему в качестве посредника между созерцанием и понятием применяем априорно или апостериорно? Отвечайте хоть так, хоть сяк: это та ситуация, где и один ответ вас ведет в тупик, и второй ответ вас ведет туда же. Здесь, по большому счету, могут

39 См.: Popper K.R. Die beiden Grundprobleme der Erkenntnistheorie. Tübingen, 1979. XXXIII, 476 S.

быть серьезные проблемы. Но Кант не ерундой какой-то занимался. И 300 лет со дня его рождения мы отметили, а утверждать, что кто-то очень сильно продвинулся в решении этой проблемы по сравнению с ним? Да, вариантов было много, только все и оказались после этого у такого же «разбитого корыта». В каком-то смысле эвристически мысль Канта по-прежнему, может быть, даже более инновационна, чем какие-то варианты ответа, которые после этого были даны. Да, это была весьма необычная попытка, но тем не менее! По крайней мере, различение «сознания вообще» и моего сознания. И изменение (давайте скажем сегодняшним жаргоном) эпистемологического статуса в зависимости от применения этих самых категорий – это совершенно нетривиальные мысли. Хотя, получается, он сам был вынужден отказаться от них, поскольку, вероятно, видел тупиковость такого хода.

Мне хотелось бы здесь отдельно зафиксировать то, что Кант не предлагал никакого готового рецепта по решению проблемы индукции. Мы не находим у Канта законченного ответа на то, как именно обосновывается достоверность универсализации суждений восприятия.

А.Н. Круглов: Он хотел найти, но... Не получилось.

Есть поиск этого решения, есть эвристики, но решения нет?

А.Н. Круглов: Или предложено решение, от которого он сам в конце концов отказывается.

Проясним теперь вопрос, связанный с геометрией. Если фигуры в неевклидовом пространстве не могут быть даны нам в созерцании, то получается, согласно Канту, суждения о них будут пустыми, так? Какой статус в данном рассмотрении у понятий вроде «треугольник с суммой углов 270 градусов», «точка пересечения параллельных прямых» и т.п.

А.Н. Круглов: «Пустыми» в том смысле, что это не познание эмпирического, т.е. «пустое» как отсутствие такого созерцания. Да, в этом смысле пустые, но как мыслительные конструкции они могут использоваться. Мыслить я могу о чем угодно. Вопрос в другом: является ли это чем-то ценным для Канта? Вряд ли. По крайней мере, возможность подобного он допускал, но не его полезное применение. Хотя, с другой стороны, можно спросить: смогу ли я созерцать существ с иными формами созерцания пространства и времени? Ответ: может быть, и нет. По той причине, что они, возможно, таким образом сконструированы, что в моем трехмерном пространстве я их не схватываю. Они для меня либо «слепое пятно», либо я для них таков. Кант ведь много рассуждает по поводу жителей других планет, их познавательных способностей, даже дает им характеристики в зависимости от того, насколько планета удалена от Солнца. Можно заявить, что это рассуждал «докритический» Кант, но это ересь с точки зрения Канта «критического». Однако Кант и в «Критике чистого разума» говорил о жителях других планет. Это определенная широта взгляда: осознание человеческой ограниченности, границ именно конкретно данных человеку свойств, за которые он выйти не может, но может зато теоретически рассуждать на этот счет. Кое-где это для Канта просто

эвристически необходимо, главным образом в плане морали, политики. Например, его представления о том, что может быть государство чертей[40]. Эти рассуждения необходимы, чтобы аргументировать важный тезис: вовсе не обязательно в государстве должно быть все построено на добре. Построить государство можно на каком-то взаимном ограничении или даже на каких-то эгоистических, злобных устремлениях, которые, тем не менее, смогут друг друга компенсировать. И похожие мыслительные конструкции он строит, когда рассуждает о том, на каких еще существ может распространяться моральный закон.

Другое дело, что здесь мы видим доминанту кантовских мыслей: он отталкивается, если мы идем по ходу «Критики чистого разума», от математики и естествознания, но не ради математики и естествознания, он оттуда что-то берет, но применение этого мы, по большому счету, видим в этике, в практической философии. Но может быть в этом и есть какая-то симпатичная черта кантовской философии? В каком смысле? У Гегеля был тезис «философия не должна быть назидательной»[41]; думаю, он сам этому не следовал, но как декларацию такую мысль высказывал. В этом плане Кант не делает какие-то назидания для естествознания. И поучать не поучает. Утверждение делает в отношении рассудка, природы, еще чего-то. Но поучать, как это все должно работать, такого, слава Богу, нет. Этим Кант не грешил. Грешил только в том (хотя это грех с точки зрения упертого позитивиста), что показывал ограниченность познавательности, но это другое.

Насчет ограниченности: Поппер, когда вводил понятие «проблема демаркации», предложил назвать ее «проблемой Канта». Но почему-то в традиции это название не прижилось. Что было «по ту сторону» кантовской демаркации, что не вписывалось в его критерии научности?

А.Н. Круглов: Что было «по ту сторону» науки? Много ответов можно дать на такой вопрос. В зависимости от того, что мы принимаем в качестве критерия. «Узколобый ответ» на основе «Критики чистого разума» был бы следующим. Вот есть математика и естествознание, а дальше, по большому счету, никакой науки нет. Как правило, апеллируют к известному тезису, который обычно на русском языке воспроизводят неправильно: якобы в каждой науке ровно столько науки, сколько в ней математики. У Канта сказано «в каждом частном учении о природе»[42], и это не то же самое. При том мы видим, что Кант интересуется физической географией, интересуется правом... Мы даже видим его попытки найти априорную мысль в истории.

Можно, конечно, сказать, что это какое-то воображение Канта. В зависимости от того, что мы в качестве критерия выставляем, получаются различные списки этих самых (настоящих) наук. Но мы можем сказать точно,

40 См.: Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1. М.: Ками, 1994. С. 419.

41 См.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 12.

42 См. Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 251.

что всеобщее необходимое знание (достоверное, с априорно-синтетическими суждениями), он нигде, кроме как в арифметике, геометрии, естествознании, не обнаружил. Это да. Означает ли это, что все остальное он в принципе науками не считал? По крайней мере, логика для него вроде бы тоже наука, априорно-аналитическая, судя по Канту, существует со времен Аристотеля. Статус метафизики непонятен. Гуманитарные дисциплины? Да, они где-то оказались не пойми где, и с этим их непонятным статусом, кстати, связано развитие кантовской мысли. Чем, вспомним, занималось неокантианство (не все, но многие течения неокантианства)? Тем, что они пытались кантовские модели в несколько упрощенном и осовремененном виде применять помимо математики и естествознания на большой спектр того, что сегодня мы бы назвали гуманитарными дисциплинами. Иногда это более удачные попытки, иногда менее удачные. В качестве примера можно назвать Эрнста Кассирера. Однозначного кантовского ответа на этот счет назвать нельзя.

Мы можем из свидетельств о личном опыте общения с Кантом сделать вывод, что он как-то плохо или хорошо отзывался о тех или иных людях. Про «аптекарскую», например, науку говорил, что аптекари от отравителей ничем не отличаются. Мы можем сказать, что у него в приятелях были те или другие персоны, но у нас всегда несколько абсолютизируется тезис о значении математики, представленный в «Критике чистого разума». Если мы как критерий научности берем априорно-синтетические суждения и всеобщее необходимое знание, то да. Но ограничивался ли Кант только этим? Похоже, не всегда. Или, по крайней мере, допускал, что какие-то другие науки могут для себя выставлять чуть облегченные критерии. Ему это было неинтересно, но... Априорная нить в истории – вот, казалось бы, оксюморон, но Кант дважды об этом говорит. В опубликованных работах[43], не где-то за столом. Говорил нечто вроде: «До сих пор там, в истории, просто не было Ньютона и Кеплера, а вот найдется...» Казалось бы, как ты мог сказать такое? Ты же «Критику чистого разума» написал! Но он не просто так сказал, он это написал и опубликовал в «Берлинском ежемесячнике». В этом смысле Кант живее многих кантианцев. Потому что у него мысль движется, он все время много о чем думает. Здесь, наверное, подходит в качестве иллюстрации тезис Гегеля «истины не есть готовые монеты»[44]. Действительно, истины вне исторического становления изъять невозможно. Вы пытаетесь Канта в какой-то момент времени «схватить», допустим, Канта 1781 года, а Кант говорит: «А я уже на 3–4 года вперед ушел, и мысль моя изменилась».

А как же тогда понимать строгие демаркационные запреты Канта на рациональную космологию, психологию и теологию? Их тоже не стоит воспринимать всерьез и окончательно?

43 См.: Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1. М.: Ками, 1994. С. 83, 117, 121.

44 См.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 25.

А.Н. Круглов: Нет, здесь другое дело. Все эти дисциплины, о которых я говорил, не предполагали применения познавательного аппарата за пределами возможного опыта. Это такие дисциплины, которые находятся в значительной части в сфере апостериорно-синтетических суждений. Может быть, эти дисциплины и хотят прийти на сторону априорно-синтетических суждений, но пока, на данный момент, это только сфера апостериорно-синтетических суждений. При этом неважно, какой именно слой этих наук состоит из апостериорно-синтетических суждений. Но те дисциплины, о которых Вы упомянули, находятся за пределами возможного опыта. Если искать какую-то демаркацию, можно утверждать: что находится за пределами возможного опыта не наука точно. Думаю, можно это сказать уверенно. В пределах возможного опыта уже появляется некоторая неопределенность: или наука в смысле «Критики чистого разума», или наука в каком-то другом смысле, или «на пути к науке», или еще что-то такое. Здесь можно придумать разные варианты ответов.

А что у Канта с математикой? Мы, насколько мне известно, не находим у Канта занятий чистой математикой – ни в «докритический» период, ни в «критический». Это сильно отличает его от Тетенса и Ламберта.

А.Н. Круглов: Это не было сильной стороной Канта. Похоже, у Канта склонности именно к математическому анализу и к тому, что потом пошло в сторону высшей математики, не было совсем. К чему у него была тяга, так это к философскому осмыслению пространства и времени. Эта склонность его поглотила полностью.

К матанализу я и клонил, потому что Кант разделяет математику на геометрию и арифметику, и для XVIII века это странно. В самом деле, так говорить о математике после Лейбница и Ньютона... И непонятно, как именно с математическим анализом соотносятся интуиция пространства и интуиция времени, фундирующие, соответственно, геометрию и арифметику.

А.Н. Круглов: По каким-то причинам названная тематика, насколько я представляю, почти целиком осталась за рамками кантовских сочинений. Я не могу сказать на основе какого-то фактического материала, владел ли он ей в принципе или не владел матанализом, слушал ли он какие-то курсы или нет. В принципе кантоведы могли хотя бы поинтересоваться, преподавалось или нет во времена его студенчества что-нибудь такое. Мог ли он эти курсы посещать или нет. Да, это какая-то особенность. Правда, мы можем сказать, что Лейбниц в целом довольно скупо проходит через кантовские сочинения. Вполне возможно, что здесь причина в естественнонаучных разногласиях, из-за которых Лейбниц Кантом в каких-то случаях заведомо отвергался. Но есть еще одно обстоятельство. Мы сегодня явно переоцениваем степень знакомства современников Канта с Лейбницем. Наследие Лейбница до сих пор, учитывая весь объем его эпистолярного наследия, знакомо нам меньше, чем наполовину. Во времена Канта это выглядело еще хуже: например, «Новые опыты о человеческом разумении» вышли к тому моменту, когда Кант, насколько я понимаю, уже

начал преподавать. Лейбниц как автор «Теодицеи», Лейбниц как человек, который как-то непосредственно связан с Ньютоном, это известно. Но думаю, что часть даже тех работ, которые мы сегодня воспринимаем как ключевые для Лейбница и которые русскому читателю хорошо известны, к сожалению, прошли мимо Канта. И это то, что пытались потом компенсировать, кстати, неокантианцы, в частности Герман Коген, применяя учение о бесконечно малых к этому априорному, трансцендентальному инструментарию[45]. Но для Канта, похоже, это никак не значимо, прошло мимо него. По каким причинам, сказать не могу.

Вы несколько раз в сегодняшнем разговоре упомянули неокантианцев. Далеко не только они, но и много кто еще в истории философии заявлял о себе как о наследниках Канта: начиная с Фихте и заканчивая Хайдеггером, который, например, называл себя кантианцем в дебатах с Кассиреро м. На первый взгляд кажется, что Канту не особенно повезло с наследниками, мы не можем проследить какую-то целостную традицию, которую можно было бы без дополнительных оговорок назвать продолжением и развитием кантовской мысли.

А.Н. Круглов: А я думаю, что Канту, напротив, повезло. Вот тут я с вами решительно не соглашусь! Можно Канта рассматривать догматически, как, к сожалению, иногда поздний Кант сам себя рассматривал, т.е. как того, кто претендовал на построение окончательного здания философии, и наследникам остается провести только легкую косметическую работу. Кант сам, похоже, к концу жизни понял, что это не так. Во всяком случае, горечь от осознания того, что современники его так не воспринимают, мы у позднего Канта находим. Но если мы от этой поздней интерпретации Канта отходим и берем Канта в силе зрелого периода, который мыслит в лучших традициях формулируемого им Просвещения, то это как раз предполагает самостоятельное мышление, это предполагает антисектантство. А широкое движение сторонников, принадлежность школе – это именно сектантство. И «мужество пользоваться своим собственным умом» предполагает некую самостоятельную позицию. Сила Канта как философа – это может звучать парадоксально – состоит не в том, что он породил мощное кантианство или неокантианство, не в том, что его мысли пытались на протяжении многого времени развивать его прямые последователи. Сила Канта в том, что он не породил фанатиков-кантианцев. А это говорит и о какой-то привлекательной стороне Канта как личности. Хотя в других городах (не в Кенигсберге) еще во времена жизни Канта находилось какое-то количество совершенно «упертых» кантианцев, но это было очень немассовое явление. Это то, что отличает Канта от многих других, в том числе и упоминаемых Вами мыслителей. Самым неприятным среди них здесь оказывается Хайдеггер, который был способен плодить только маленьких «хайдеггерят», как жалких уменьшенных копий «мэтра». И это говорит о каких-то существенных изъянах его философии, даже если мы вообще не разбираемся, в чем она состоит. Мы просто со стороны

45 Cohen H. Das Prinzip der Infinitesmal-Methode und seine Geschichte. Berlin, 1883. 162 S.

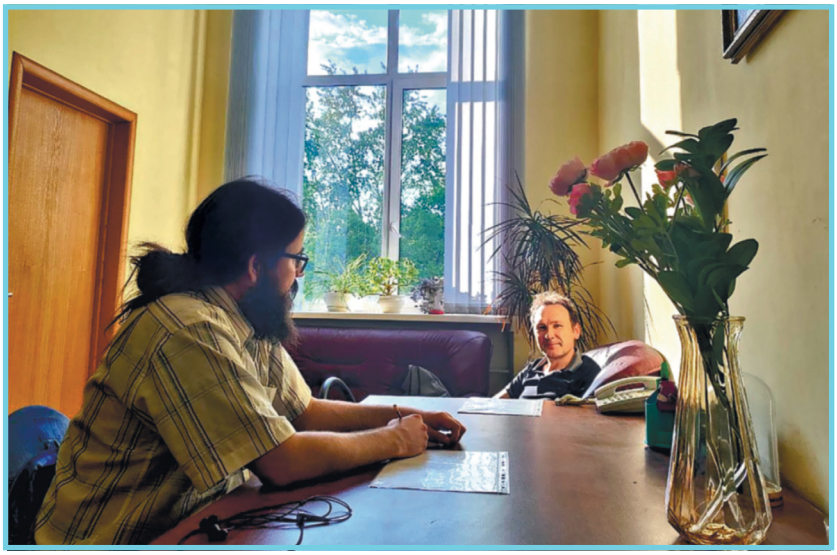


Рис. 2. Интервью с А.Н. Кругловым. РГГУ.
Май 2024 г.

смотрим и видим, что, мол, это дерево приносит худые плоды. В отношении Канта ничего подобного сказать нельзя. Лучшая сторона его зрелой философии – творческая установка, которая не предполагает догматическую, упертую, сектантскую позицию. Так или иначе мысль его настолько широка, что обойти ее было очень сложно, она повлияла как на антикантианцев, так и на тех или иных кантианцев, на неокантианцев, на гегельянцев, на кого угодно...

В этом плане неокантианцы, насколько они догматичные или, напротив, оригинальные последователи?

А.Н. Круглов: В каком-то смысле то, над чем работали неокантианцы, созвучно многим вопросам, которые вы мне сегодня задавали. Многие из ваших вопросов звучали приблизительно так: «Ну, Кант, философ, да, молодец, для XVIII века, но вот как это выглядит в XXI веке?». Фактически неокантианцы задавали такой же вопрос: «А как совместить представления Канта с развитием науки во второй половине XIX в., в начале XX?». Они попробовали осуществить синтез или «притягивание» того, что спасаемо в кантовской философии, как им казалось, к науке своего времени. Дало ли это что-то или не дало? В каких-то отношениях дало. Я говорил про гуманитарные науки. Думаю, в отношении гуманитарных наук неокантианцы явно что-то нам принесли. Например, исследования Кассирера (не только у него, но и у его продолжателей)[46]. Думаю, здесь вдруг мы неожиданно выяснили, что, пускай и не ортодоксально, но тем не менее, именно кантовская философия показала свой потенциал, позволила увидеть то, что мы вне арсенала этой философии не видели.

46 См.: Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1–3. СПб.: Университетская книга, 2002.

Если говорить о том, в какой степени неокантианцы все-таки находились в русле Канта, то тут есть взаимоисключающие мнения. На одном полюсе блестящее знание кантовской философии, более того, многое из того, что мы сегодня воспринимаем как сугубо кантовское, центральное, на самом деле явление неокантианства. Кант как теоретик познания, Кант как «гносеолог» (вы сегодня несколько раз это слово употребляли) – это придумка неокантианцев. «Критика чистого разума» как теория познания – это интерпретация неокантианства. Или интерес к «трансцендентальному». Его пробудил Герман Коген со своими учениками в Марбурге. Сегодня бы налево-направо, наверное, этим словом ни ругались, если бы в свое время он не написал соответствующий комментарий[47] и под его руководством не начали бы защищаться работы Абрама Гидеона[48], потом Хинриха Книттермейера[49]. Теперь, если не произносить слово «трансцендентальное», о Канте будто бы вообще нельзя говорить. А вот Гегель как-то обходился без этого словечка, и Фихте говорил о Канте без него. Как-то умудрялись они, не бряцая в каждом втором предложении «трансцендентальным», что-то высказывать на эту тему. Вы видите, что это какой-то совсем другой уровень владения наукой и научными знаниями своего времени.

А если уж говорить о Кассирере... все-таки это человек, который, похоже, на высоком уровне обладал знанием физики своего времени, и при этом был блестящим историком философии. Его четырехтомное исследование по проблеме познания в Новое время[50], конечно же, это демонстрирует. И знание энного количества языков, очевидно, что здесь присутствует огромная эрудиция, в чем-то намного превосходящая кантовскую. Это один полюс. Что на другом полюсе? На другом полюсе, по крайней мере, в Марбурге, находится этакая едкая реакция на неокантианцев, признающая их эрудированность. Некоторые недоброжелатели высказывали такое мнение: «Неокантианцы – молодцы, знающие люди, великолепно во всем разбираются, во всех отношениях. О чем ни спроси, все они знают, есть только одно белое пятно, в чем они не понимают ничего, это белое пятно – Кант». Во всем остальном это очень грамотные, квалифицированные специалисты. Думаю, что где-то между этими двумя полюсами неокантианство и находится. И в оценках, и в том, что оно создало, и как мы их достижения можем рассматривать.

Что, на Ваш взгляд, современный читатель, особенно нашего профиля – философ или историк науки, или же просто человек, рефлексирующий над проблемами науки, естествознания, познания как такового, – что он может и что должен найти в Канте?

---

47 Cohen H. Kommentar zur Kritik der reinen Vernunft. 1908. IX, 233 S.

48 Gideon A. Der Begriff transzendental in Kants Kritik der reinen Vernunft. Darmstadt, 1977 (1903). 180 S.

49 Knittermeyer H. Der Terminus transzendental in seiner historischen Entwicklung bis zu Kant. Marburg, 1920. 219 S.

50 Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Bd. 2. Berlin, 1907. Bd. 3. Berlin, 1920. Bd. 4. Darmstadt, 1994.

А.Н. Круглов: Что такой читатель может найти в Канте? В Канте можно найти, я думаю, многое. Первое – его критический метод. Это кантовский призыв к самостоятельному мышлению. Это кантовский призыв, когда мыслишь, ставить себя на точку зрения другого. Второе – де-факто кантовский призыв быть скромнее в своих притязаниях и думать о границах своего потенциала и своего познания. Одновременно с этим замахиваться на самые глобальные вопросы и искать ответы именно там, не разменяваясь по мелочам. Наряду с этим еще одна черта Канта – любовь к истине – была нередко таковой, что, последовательно идя по этой стезе, он приходит к неприятным для себя результатам. Интеллектуальная честность: чаще всего не с первого, не со второго, но с какого-то раза Кант все-таки себя пересиливает и делает неприятные, даже разрушающие для своих надежд и устремлений выводы, но если это так, то он признает, что это так.

Последнее, что еще стоит сказать. Когда Кант ругался на кого-то, нередко его «обзывательство» звучало так: «Он циклоп»[51]. Циклоп означало одноглазый, а чего не хватает одноглазому? Вы, может, скажете, это какая-то большая претенциозность, но Кант говорит, что «одноглазому» не хватает философского взгляда. Думаю, что естествоиспытателю не грех задумываться временами о том, что есть еще и философский взгляд, а он иногда видит все иначе, и стоит попробовать посмотреть, как оно все, изучаемое, выглядит в фокусе этого философского взгляда, чтобы получить стереоскопическое зрение. Ну, вот как-то так.

Беседу вел В.В. Стасенко

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

51 См. на эту тему: Tommasi F.V. (Hg.) Der Zyklop in der Wissenschaft. Kant und die *anthropologia transcendentalis*. Hamburg: Meiner, 2018. VI, 207 S.

УДК 001.1 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-47-62

Присутствие Канта в мышлении современного ученого

Шиповалова Лада Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье демонстрируется общность мышления современного ученого и идей Канта. Мышление определяется на основании трех максим: самостоятельности, широты и последовательности, предложенных Кантом в «Критике способности суждения». Искомая общность обнаруживается в трех контекстах. Во-первых, рассматривается контекст активности познающего разума «перед лицом» его предметов, обращающий к кантовской коперниканской революции. Во-вторых, раскрывается контекст неоднозначности работы разума относительно путей познания предметов, отсылающий к кантовскому истолкованию регулятивного применения идей разума. В-третьих, проблематизируется контекст выхода познающего разума в сферу публичного применения, где ученый обращается не только к профессионалам, но и «ко всей читающей публике». При этом раскрываются проблемы, выраженные Кантом и провоцирующие мышление современного ученого.

Ключевые слова: Кант, современная наука, мышление, публичное применение разума, коперниканская революция.

The Presence of Kant in a Contemporary Scientist's Thinking

Lada V. Shipovalova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article demonstrates the commonality of a contemporary scientist's thinking and Kant's ideas. The author defines thinking based on the maxims of unprejudiced, broadened and consistent thought proposed by Kant in the "Critique of Judgment." The commonality in question is identified in three contexts. First, the author considers the context of activity of the cognizing reason "in the face" of its objects, referring to Kant's Copernican Revolution. Second, the context of the ambiguity of the work of reason, referring to the Kantian interpretation of the regulative application of ideas of reason, is revealed. Third, the context of the public use of reason, where the scientist addresses not only professionals but also "the entire reading public," is problematized. The problems stated by Kant that provoke a contemporary scholar's thinking are explored.

Keywords: Kant, contemporary science, thinking, public use of reason, Copernican Revolution.

Введение

Мысль может быть понята как ответ на вопрос, на который нельзя не отвечать. Такие ответы задают идентичность отвечающего, поскольку мысль возникает – хотя гарантий ее возникновения нет – в моменты, когда реализация определяющей нас по существу деятельности становится

проблематичной. Не дать ответ означает невозможность деятельность продолжать и, если цена отказа от нее равна отказу от себя самого, может стать актуальной мысль. Как заниматься наукой, если ее результаты могут вредить объектам исследования, приводить к гибели людей и уничтожению условий их существования? Как стремиться к объективности, если преодоление субъективности, предполагаемое ею, создаст искаженную позицию «взгляда из ниоткуда»? Как одновременно следовать научной традиции, удерживаясь «на плечах гигантов», и создавать новое, быть ориентированным на требуемую обществом инновационность? Как взаимодействовать с коллегами, а также с теми, кто не занимается наукой, но заинтересован в ней или подвержен влиянию ее открытий, если они не понимают твоего языка, а его прояснение приводит к искажению и вульгаризации научности? Это далеко не полный список существенных вопросов, с которыми сталкивается современный ученый, так или иначе отвечая на них и неся ответственность за свои ответы.

Мышление – это становление идентичности, в нашем случае идентичности ученого, определяемой исторически, дисциплинарно, экзистенциально. Именно потому оно не может быть от начала и до конца индивидуальным, а должно предполагать обращение к контексту, актуализацию условий, в которых оно возникает и утверждается. Кант, характеризуя мышление в значимом для него отрывке из «Критики способности суждения», предлагает учитывать три максимы «обычного человеческого рассудка»: «1. мыслить самостоятельно; 2. мыслить, ставя себя на место другого; 3. всегда мыслить в согласии с самим собой» (Кант, 1994а, с. 167). В первой максиме существенно критическое освобождение от предрассудков, составляющее кантовское просвещение[1]. Во второй – преодоление абсолютизации самостоятельности. Кант рассматривает ее как максиму широкого мышления; ведомый ею человек оказывается способным «... выйти за пределы субъективных частных условий суждения... и, исходя *из общей точки зрения* (которую он может определить, только становясь на точку зрения других), рефлектирует о собственном суждении» (Кант, 1994а, с. 167–168). Третья максима последовательного мышления, которую по Канту реализовать сложнее всего, предполагает практику сочетания первых двух – самостоятельности и широты. Она определяет возможность ответственности не только за себя, освободившегося от «внешних влияний», но и за себя, признавшего собственную ограниченность, значение традиции и авторитетов, которые всегда уже включены в познание, роль сообщества, дискуссии в котором есть условие формирования и обоснования научного знания.

Мы можем применить кантовские максимы к присутствию самого Канта в мышлении современного ученого, к присутствию, расширяющему его – мышления – самостоятельность. Возможность применения обеспечивается последовательностью мышления, а также ясностью относительно

[1] О неоднозначности понимания просвещения в традиции новейшей немецкой философии и о значении его истолкования Кантом см.: (Круглов, 2023).

того, каким образом и в каких контекстах такое присутствие реализуется. Мы предложим прояснение относительно трех контекстов, в той или иной степени задающих определенность научной работы в современности. Во-первых, это контекст активности познающего разума «перед лицом» его предметов, обращающий нас к содержанию кантовской коперниканской революции; во-вторых, контекст неоднозначности работы разума относительно путей познания предметов, что отсылает к кантовскому истолкованию идей разума в их регулятивном применении; в-третьих, контекст выхода познающего разума в сферу его публичного применения, где ученый обращается не только к профессионалам, но и «ко всей читающей публике». Прояснение наше будет претендовать не на полноту, но на раскрытие проблем, выраженных Кантом, а также провоцирующих мышление современного ученого.

Автономия разума и коперниканский поворот

Для современной (неклассической) научной рациональности характерно представление о познающем разуме как о связанном с условиями познания и даже зависимом от них. «Разум не сам себе господин», это высказывание Г.Г. Гадамера (Гадамер, 1988, с. 303) об историческом характере познания, о его предпосылочности, характеризующее герменевтическую установку гуманитарного познания, можно применить и к другим наукам. Деятельность ученого связана с инструментами, которые он использует, с ценностными и целевыми установками, от которых невозможно освободиться, но которые следует учитывать, зависит от профессиональных конвенций и парадигмальных образцов деятельности, которые ее обеспечивают. Такое положение дел особенно важно для гуманитарных и социальных наук с их неизбежным взаимодействием с объектом познания, который, по выражению М. Бахтина, не безгласная вещь, в отношениях с которым, в соответствии с установкой социолога Э. Гидденса, образуется двойная герменевтика (Гидденс, 1993, с. 79). Рефлексия собственной ограниченности, конкретности, ситуационности познания для современного ученого идет рука об руку с признанием сложности и неисчерпаемости объекта исследования, с пониманием того, что научное объяснение никогда не обеспечит полноты его теоретического знания и практической власти над ним. В современной антропологии такое истолкование связи субъекта и объекта исследования называется «онтологическим поворотом» (Holbraad, Pedersen, 2017) и раскрывается через задачу «увидеть вещи другими, чем мы их уже знаем», «расцепить» предмет познания с тем, что о нем уже известно, позволить ему «возражать» установке исследователя. Реализации этой задачи служит как специфическая теоретическая работа, допускающая нерелевантность уже имеющихся объясняющих концептов и их пересборку, так и практическое коммуникативное экспериментирование, предполагающее, что сам познающий антрополог оказывается участником эксперимента, не только как его организующий субъект, но и как переживающий неопределенность его результата

объект (Holbraad, Pedersen, p. 9). Можно ли говорить в такой ситуации об автономии разума?

Однако есть и другая такого сторона положения дел в современной науке. Сложность объекта и значимость результатов его исследования – будь то конкретные социальные группы или кризисное положение дел в обществе в целом, сложные технологии, планируемые к использованию в производстве, или модели климатических изменений, отвечающие на экологические проблемы, – все это делает современного ученого как никогда ранее ответственным за свои действия. Можно ли в такой ситуации необходимой ответственности и служащей для нее условием самостоятельности ставить под вопрос автономию научного познания? Могут ли эти две стороны – ограниченность научного разума, предполагающая рефлексивность и возможность учета точки зрения другого, в том числе предмета исследования, с одной стороны, и его автономия как самостоятельность и ответственность за собственное познание и его результаты, с другой – быть совместимыми и дополнять друг друга?

Такое сочетание самостоятельного и широкого мышления «перед лицом» предметов исследования может быть прояснено через то, что называется философским коперниканским поворотом или коперниканской революцией, свидетельствуя о присутствии этой кантовской темы в мышлении современного ученого. Предоставим первоначально слово Канту, выражающему смысл собственного «коперниканского поворота» в Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума». «До сих пор господствовало предположение, что все наши познания должны сообразоваться с предметами; однако при этом предположении все попытки дойти a priori через понятия до чего-либо, что расширяло бы наши знания о предметах, рушились. Поэтому следует хоть раз испытать, не разрешим ли мы задачи метафизики более удачно, если предположим, что предметы должны сообразоваться с нашим знанием, тем более что это предположение лучше согласуется с требованием возможности априорного знания, которое должно установить некоторые положения о предметах раньше, чем предметы даны нам. Здесь повторяется нечто подобное мысли Коперника: когда оказалось, что гипотеза вращения всех небесных светил вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет небесные движения, то он попробовал, не удастся ли достигнуть лучших результатов, если предположить, что наблюдатель движется, а звезды находятся в покое» (Кант, 1998, с. 35, XVI).

Следует сразу же отметить, что кантовская философская коперниканская революция воспринимается в современной исследовательской литературе неоднозначно. Чаше всего можно услышать сомнения в адекватности этого названия. Признаваемое, оно трактуется общим образом как относящееся к парадигмальной трансформации, принципиальной смене акцентов в истолковании процесса познания, отсылающей к конкретному историческому контексту (Столярова, 2019). Критикуемое же, название коперниканской революции относится лишь к моменту, но не к

существенной характеристике кантовской философии, или понимается в качестве метафоры, высказанной Кантом «в полемическом задоре», с целью «шокировать читателя» (Калинин, 2022). Действительно, не следует ли считать кантовский поворот скорее антикоперниканским: ведь Коперник, лишая Землю космологической центральности, обескураживает тем самым человека, живущего на ней, тогда как Кант восстанавливает права человека, предоставляя ему центральное положение хотя и не в онтологическом, но в «теоретико-познавательном» смысле (Савинцев, 2009)? Потому кантовский замысел может быть соотнесен скорее с «птолемеевским», антропоцентрическим мировоззрением, чем с «коперниканским» (Жучков, 1999, с. 32). Присмотримся, однако, к кантовскому именованию и истолкованию собственного действия.

В первую очередь важна его собственная интерпретация того, что делает Коперник, который «отважился, идя против показаний чувств, но следуя при этом истине, отнести наблюдаемые движения не к небесным телам, а к их наблюдателю» (Кант, 1998, с. 38, XXII). Иными словами, Кант подчеркивает значение эпистемологической трансформации, совершаемой Коперником, перемещения акцента при объяснении движения небесных тел с объекта познания на познающего. То же самое намеревается сделать и сам Кант, обращаясь к рассмотрению не самих предметов (*что* познается), но познавательных способностей (*посредством чего* познается), к рассмотрению, имеющему трансцендентальный характер. Однако в кантовском повороте важна двусмысленность, которая служит основанием для его неоднозначной трактовки современными исследователями и одновременно позволяет ему присутствовать в двойственном мышлении современного ученого. О чем здесь идет речь?

Кантовский коперниканский поворот, безусловно, обосновывает автономию познающего и самостоятельность его мышления. Его формальная определенность, представляющая собой парадигмальную трансформацию, состоит в изменении представления о процессе познания, который следует трактовать не как «сообразовывание» представлений с предметами, но, напротив, как «сообразовывание» предметов с познанием. При этом истолкование априорных форм чувственности, рассудка и разума, «обеспечивающих» процесс познания, не допускает, что за их работу может отвечать кто-то еще, кроме самого познающего, скажем, Творец, согласовывающий применение наших способностей с закономерностями природы. Признание такого трансцендентного согласования имело бы для познающего лишь субъективный характер верования, но не объективно-необходимый характер знания (Кант, 1998, с. 171, B168), и в силу этого ограничивало бы автономию познающего разума. В таком подчеркивании самостоятельности, как кажется, пока не предположена рефлексивная широта мышления. Однако исчерпывает ли тезис о смене активных сторон «сообразовывания» смысл кантовского жеста?

Ответом на этот почти риторический вопрос будет указание еще на один момент философской коперниканской революции – актуализацию

двойственности точки зрения на предметы познания, которая позволяет считать познание одновременно как активным, так и рецептивным, ограниченным. В развернутом тезисе Канта, раскрывающем «коперниканский поворот», смена установки в действительности сложнее, чем просто перемещение акцентов. Исходный пункт поворота – ведущее к противоречиям и потерпевшее фиаско предположение о том, что «наша способность познания сообразуется с предметами как вещами в себе», а конечная кантовская гипотеза предполагает, что сообразовываться с представлениями должны не вещи в себе, но явления. Иначе говоря, активность представлений и самостоятельность познающего оказывается ограничена явлениями или «возможным опытом» (Кант, 1998, с. 37, XX). Вещь в себе, аффицирующая чувственность, полагает границу познающему разуму, выступая еще одним активным источником познания, остающимся непостижимым в своей независимости от него. Такая граница и такая двойственность отношения познания к явлениям и к вещам в себе, рождающая обвинения Канта в агностицизме, имеет целью оставить *безусловное* (свободу) за рамками научного рассудочного познания. Для современного ученого и эпистемолога это *право безусловного* может звучать как способность «объектов возражать» и иметь собственную причинность, в том числе действия на способность представления (Латур, 2017, с. 145), возможность вещам «быть иными» по отношению к тому, что о них уже известно (Holbraad, Pedersen, 2017, p. 29). Этот момент, подчеркивающий неустранимую рецептивность чувственности, дающей необходимый материал для активности рассудка, позволяет считать познающего не абсолютным центром, а всегда уже включенным в ситуацию познания, реагирующим на нее (Савинцев, 2009, с. 78), ограниченным ею.

Признание границ рассудочного теоретического познания и предполагание второго полюса активности представляет собой сдвиг ко второй максиме мышления ученого, ведомого не только правилом самостоятельного, но и правилом широкого мышления. Такой сдвиг не обескураживает автономию познающего, не делает его пассивным, гетерономным, стоящим в зависимости от теоретически непостижимых «вещей в себе». Напротив, он делает автономию и сопутствующую ей ответственность ученого проблемой и провоцирует необходимость работы в стремлении к ней. В этом контексте становятся понятными следствия того, что Кант называет собственную коперниканскую революцию гипотезой (Кант, 1998, с. 38, XXII). Революция может быть истолкована гипотетически, поскольку двойственна и включает не только обоснование автономии познающего, но и проблематизацию его позиции. По этой причине она – революция – зависит не только от теоретического аподиктического обоснования, предлагаемого автором, но и от каждого познающего, совершающего научную работу и согласовывающего в практике познания свою автономию и ответственность с активностью собственных предметов изучения. Сообразовывание явлений с познанием, гипотетически полагаемое Кантом, – это не только само собой разумеющийся факт исследования, но результат

работы, которая должна быть конкретно осуществляема, может оказаться оспариваемой и оспоренной. В этом сообразовывании есть место и работе над собой познающего субъекта, совершаемой при встрече с многообразием эмпирических закономерностей, для которых нет готовых понятий рассудка, работы над общим знанием, которое заранее не дано[2]. Один из аспектов такой работы относится к спору разума с самим собой – его выявлению и возможному разрешению.

Спор разума с самим собой и регулятивное применение его идей

«Поиск общего знания» в практиках современного научного познания может осуществляться по-разному: как сборка научного сообщества, как практики междисциплинарных исследований, предваряемых рефлексией относительно ограниченности собственного знания, как процесс эпистемического и социального становления научных парадигм. Кажущийся само собой разумеющимся, этот поиск тем не менее может быть поставлен под вопрос. Например, в современной социологии дискутируется теоретическая мультипарадигмальность (Genov, 2019); в экономической науке критикуется гомогенность взгляда на научное прошлое, не позволяющее учесть проекты альтернатив и предсказать кризисные явления (Freeman, Chick, Kayatekin, 2014); в STS исследованиях делается акцент на видении объектов как множественных (Mol, 2003); в современной эпистемологии подчеркивается конструктивность отсутствия единства научного знания (Galison, 1999), а также роль ученого как «пришельца», работающего на пересечении различных традиций и именно благодаря этому создающего новое (Розов, 1996, с. 225–226). Склонность к единству критикуется как в эпистемическом, так и в социальном контексте (Dupré, 1996), дополняется подчеркиванием интереса к многообразию. Такая двойственность интенций – направленность на поиск единства и многообразия – реализуется как на уровне онтологических допущений, определяющих предметную сферу исследования, так и на уровне различия методологических установок и подходов, обеспечивающих видение предмета как сложного, проблематичного.

Сочетание стремления к единству и многообразию в научном исследовании может оказаться проблемой и стать поводом для существенных разногласий, как это и было в ситуации так называемых научных войн (Brown, 2001), отголоски которых присутствуют и в более поздних дискуссиях о реализме и релятивизме[3]. Противостояние это относится к эпистемологической рефлексии и публичному пространству научных споров. Однако оно затрагивает и право самих ученых стремиться к «объективному познанию

2 В «Критике способности суждения» Кант упоминает концепт *геавтономии*, схватывающий закон рефлексии о природе. Этот закон способность суждения приписывает самой себе, но не познает его априорно в предметах (Кант, 1994а, с. 56–57).

3 См. об этом панельную дискуссию в журнале Эпистемология и философия науки (Релятивизм как эпистемологическая проблема, 2004).

мира» (Сокал, Брикмон, 2002, с. 52), предполагая, что знание не «продукт различных социальных факторов» (Brown, 2001, p. 4). Стихийный реализм ученых как бы обескураживается идеей о том, что знание зависит от условий своего производства и от субъектов, которые, несмотря на общность априорных форм чувственности и рассудка, отличаются друг от друга ценностными установками, социальным и историческим контекстом опыта, исследовательскими вопросами, лабораторным инструментарием и предметным полем. Научные войны, начавшиеся с провокативной публикации А. Сокала, породили дискуссию об «общем» понимании научного знания, о том, чего в нем «больше» – конструктивной деятельности сознающих субъектов или реальных объектов, исследование которых составляет цель науки? Остроту вопросу и провокативность неоднозначному ответу добавило признание множественности субъектов, не соответствующее предполагаемому единству мира объектов, и, соответственно, противостояние плюрализма и унификации в истолковании мира (Spagnesi, 2022, p. 112). Можно ли остановить научную войну, разрешив это противоречие? Могут ли принципы, регулирующие научное познание и определяющие его в стремлении либо к единству, либо к многообразию в понимании мира, не только характеризовать самостоятельность ученого или эпистемолога в однозначности их различных позиций, но и оставлять возможность для широкого мышления, мышления себя на месте Другого? Можно ли понять это противоречие как спор разума с самим собой и разрешить его?

В поиске ответа на эти вопросы обратимся к смыслу кантовского тезиса о регулятивном применении идей разума. Завершая исследование чистого теоретического разума и его априорных форм как условий научности (всеобщности и необходимости) знания, Кант раскрывает возможность впадения разума в иллюзии, связанные с неадекватностью ответов на существенные вопросы. Речь идет о том, что на вопросы, содержание которых выходит за границы пространства и времени как априорных форм чувственности, нельзя пытаться найти ответы в науке, которая должна основываться на чувственном опыте. Такими следует считать вопросы, связанные со стремлением познающего к безусловным основаниям познания: о человеческой душе как простой субстанции, о мире в его бесконечности и неисчерпаемости, о Боге как необходимом основании мира. Содержание этих вопросов представляет собой идеи разума. Следует ли тогда считать, что стремление разума выйти за рамки чувственного опыта не имеет никого отношения к научному познанию, в котором задействованы чувственность, способность рассудка и воображение? Кант в разделе «Критики чистого разума» «Приложение к трансцендентальной диалектике» отвечает на этот вопрос отрицательно и отмечает значение регулятивного применения идей разума. В отличие от конститутивного применения, которое свойственно понятиям рассудка и характеризует их возможность представлять предметы опыта, регулятивное применение идей разума относится не к предметам опыта, но к самой работе рассудка. Какой

целью руководствуется разум, регулируя посредством своих идей работу рассудка и обеспечивая тем самым принципы или нормы для различных познавательных практик?

Кантовский ответ можно рассмотреть и содержательно, и формально. Содержательно цель теоретического разума состоит в систематичности знания, которая предполагает как единство принципа (Кант, 1998, с. 498, B 674), так и систематическую полноту (Кант, 1998, с. 504, B 684). Формально цель состоит в том, чтобы применение рассудка в опыте было согласовано с самим собой (Кант, 1998, с. 510, B 694) и при этом доведено до «величайшего и самого крайнего расширения», выводящего рассудок «за пределы всякого данного опыта» (Кант, 1998, с. 497, B 673). Посредством каких принципов реализуется такая неоднозначная цель? В первой части «Приложения» речь идет о принципе однородности, предписывающим искать общность там, где нет единства в знаниях и правилах рассудка. Кант приводит пример с поиском «основной силы», которая могла бы представить единый род для многообразия сил (Кант, 1998, с. 500, B 677). В современной физике возможна аналогия с поиском объединения различных взаимодействий. Может создаться впечатление, что регулятивный принцип единства и есть содержание искомой разумом систематичности знания. Однако это не так. Кант указывает на еще один принцип, а именно на принцип спецификации или поиска многообразия видов, который противоречит поиску единообразия рода.

«Логическому принципу родов, постулирующему тождество, противоположен другой принцип, именно принцип *видов*, который требует многообразия и различий между вещами, несмотря на подчинение их одному и тому же роду, и предписывает рассудку обратить внимание на эти различия не менее, чем на те сходства. Это основоположение (зоркости или способности различения) ограничивает легкомыслие первой способности (остроумия), и разум обнаруживает здесь двойственный, противоречивый интерес, с одной стороны, интерес к *объему* (к общности) в отношении родов, а с другой стороны, интерес к *содержанию* (к определенности) в отношении многообразия видов, так как рассудок в первом случае мыслит многое под своими понятиями, а во втором случае он мыслит многое в самих понятиях. Это сказывается *в весьма различных направлениях мышления естествоиспытателей* (курсив мой. – *Л.Ш.*), из которых одни (преимущественно склонные к умозрению) как бы враждебно относятся к разнородности и всегда ищут единства рода, а другие (преимущественно эмпирические умы) постоянно стремятся разложить природу на столько разновидностей, что почти теряешь надежду оценить ее явления сообразно общим принципам» (Кант, 1998, с. 503–504, B 683).

В этой развернутой цитате можно обнаружить именно то противоречие, которое присутствует и в мышлении современных ученых и эпистемологов, что делает актуальным работу над его преодолением, приводящим к согласованности применения рассудка в познании и к разрешению спора разума с самим собой. В такой работе имеет значение следующее.

Во-первых, Кант указывает на наличие и третьего принципа – сродства или непрерывности, который обеспечивает соединение первых двух, регулирующих восхождение к единству рода и нисхождение к многообразию видов (Кант, 1998, с. 505, B 686). Во-вторых, три принципа – единства, многообразия и сродства – должны быть названы скорее субъективными максимами разума, а не объективными основоположениями, поскольку они, по Канту, происходят не из свойств объекта, но исключительно «из интереса разума в отношении к известному возможному совершенству познания объектов» (Кант, 1998, с. 510, B 694). Именно потому, что их объективная реальность лишь опосредована, они не могут противоречить друг другу, представляя лишь «различия в способе мышления», но не мир как объект познания. Но, поскольку у разума интерес один, – о нем в формальном и содержательном смысле было сказано выше – следует говорить о его двойственности, а также о том, что «спор между его максимами сводится только к различению и взаимному ограничению методов, удовлетворяющих этому общему интересу» (Кант, 1998, с. 510, B 694). Может быть, именно потому Кант, посвящая первую часть страстному интересу к поиску единства (отметим, естественному для классической науки), откровенно говорит о необходимости скорее сдерживать, чем поощрять эту страсть (Кант, 1998, с. 502, B 681)! Таким образом, ученый, осознавая различные максимы разума не как онтологические допущения, но как эпистемические нормы или правила работы над систематичностью знания в его единстве и полноте, может не только мыслить самостоятельно, следуя одной из этих максим, но и практиковать широкое мышление, рефлексируя границы уместности каждой из них.

Последнее, третье соображение, служащее реализации двойственного интереса разума как согласованного и разрешению его спора с самим собой, состоит в следующем. В регулятивном применении идей следует увидеть подобное тому, что оставляет отчасти гипотетическим кантовский коперниканский поворот: движение познания. Максимы «однородности многообразия» и «разнообразия однородного» предписывают познающему не останавливаться на локальных различиях или достигнутой унификации, но стремиться к представлению все большей вариативности, а также к предположению объединения для различного. Более того, искомая систематичность знания оказывается тем общим, которое заранее не дано, которое представляет собой проблему или «проектируемое единство». Именно потому регулятивное применение идей разума Кант называет гипотетическим (Кант, 1998, с. 499, B 675), не завершающимся апелляцией к принципам, но остающейся предметом продолжающейся практической работы познающего над самим собой.

Двойственность коперниканской революции, проблематизирующей автономию научного разума в отношении к своим предметам, а также двойственность интереса разума в отношении к самому себе, раскрываются через следования взаимосвязанным максимам мышления – самостоятельного, широкого и последовательного. Ответственность самостоятельно

мыслящего возможна только при предположении позиции Другого, перед которым можно и нужно отвечать. Однако, в чем условие возможности самостоятельности, а также самой возможности мышления, следующего максимам? Можно ли считать самостоятельность гарантированной, аподиктической, если использовать термины Канта, или над ней, как над гипотетической, также следует работать, как и в первых двух случаях? Кант, вспомним, называет актуализацию самостоятельного мышления просвещением и раскрывает работу над ним через публичное применение разума. Присутствует ли и этот вызов в мышлении современного ученого?

Публичное применение разума и Просвещение

Одна из проблем современных исследований науки связана с рассмотрением ее как коммуникативной системы, а также со связью между профессиональной коммуникацией ученых и публичной научной коммуникацией (Public Communication of Science and Technologies (Bucchi, Trench, 2014)). Эта проблема становится особо острой именно в контексте современности. Начиная со своих новоевропейских истоков, наука мыслится в общественном контексте, в ее способности решать важные социальные и политические задачи. Однако только с первой половины XX в. – с периода, называемого Дж. Берналом научно-технической революцией, наука становится неустранимой и амбивалентно действующей общественной силой. Общество (публика) получает право быть осведомленным о научных открытиях и изобретениях, поскольку высока вероятность того, что оно станет объектом их воздействия. Науки во второй половине XX в. все чаще ориентируют себя непосредственно на решение общественно значимых проблем, на реагирование на социальные кризисы, идет ли речь о климатологии, социальных науках или разработке информационных технологий. Для таких наук даже появляется именование «науки для общества» или «науки гибридной зоны» (Turner, 2014, p. 280), связанное с невозможностью строгого различения научного исследования и экспертной дискуссии по актуальным для общества вопросам.

В этом контексте профессиональная научная коммуникация становится предметом особого интереса публики, а ученые обращаются к общественному мнению как необходимому условию не только легитимации их позиции, но и применения результатов их деятельности. Однако этот контекст публичной научной коммуникации как взаимодействия ученых с обществом (с публикой) сопровождается проблемами, связанными с отношением ученых к такой коммуникации как к дополнительной, избыточной и порой вредной для науки деятельности. Объясняется такое отношение, в частности, тем, что публичная научная коммуникация трактуется по преимуществу через популяризацию, а последняя ассоциируется с вульгаризацией научного языка, приводящей в конечном итоге к редукции научности. Более того, сам термин «публичная научная коммуникация» как будто сочетает несочетаемое: один из смыслов публичного в латинском языке раскрывается как «общеупотребительный, простой, обычный», что

едва ли не противоположно профессионализму и специализации как смыслам научной деятельности. Негативный образ публичной научной коммуникации, сопровождающий ее и подвергающий сомнению ее значимость, проблематичен для современных исследований науки, для деятельности ученого и общества в целом. Потому аргументы, способствующие разрешению этой проблематичности, сложно переоценить. Содержание аргументации должно отвечать на вопрос: возможно ли и как возможно последовательное сочетание профессиональной, самостоятельной позиции ученого с рефлексивным расширением этой позиции, включающим вариативную позицию публики, субъектов, непосредственно не связанных с научной деятельностью.

Именно в этом контексте одним из аргументов оказываются идеи Канта относительно публичного применения разума как условия самостоятельного – просвещенного, выходящего из состояния несовершеннолетия – мышления. Однако принятие такого аргумента требует прояснения кантовского понятия «публичного применения разума». Обратимся к нему. Во-первых, в отличие от частного применения, которое осуществляется на службе и оставляет человека подчиняющимся установленным правилам и образцам деятельности, публичное применение разума «осуществляет кто-то, например ученый, [обращаясь ко] всей читающей публике» или «к общности граждан мира» с обсуждением тех механизмов, которым он пассивно подчиняется на службе, подобно тому, как несовершеннолетние подчиняются своим опекунам. Установка публичного применения разума, очевидно, критическая, предполагающая испытание оснований собственной деятельности, ведущее к возможности самостоятельного и широкого мышления. Во-вторых, Кант, связывая необходимость публичного применение разума с веком Просвещения (Кант, 1994b, с. 141), подчеркивает его актуальность и незавершенность. Эта незавершенность характеризует, по-видимому, не только кантовские времена, но и современность. Демонстрацией незавершенности служит то, что М. Фуко, уже в XX в. воспроизводя ответ на вопрос о Просвещении, пишет о Канте как первом философе, поставившем вопрос о современности как конкретной эпохе и общей установке, а также радикализирует кантовский ответ. Фуко предполагает, что критика разума «в форме необходимости его ограничения» может быть преобразована «в критическую практику в форме возможности преодоления» установленных пределов (Фуко, 2000, с. 145). Другими словами, кантовский проект не только развивается в современности XX века, но в этом развитии задает содержание конкретной работы, которую нужно совершать, что может сделать и нашу современность веком Просвещения.

В-третьих, может показаться, что отсутствующая в кантовском тексте о Просвещении необходимость принятия в расчет наук, относительно которых «правители не заинтересованы в роли опекунов над своими подданными» (Кант, 1994b, с. 145), делает нерелевантной нашу апелляцию к публичному применению разума учеными. Возможно, ученым не нужна публичность, поскольку им всегда уже гарантирована свобода

использования собственного рассудка? Однако если обратиться к кантовскому тексту «Спор факультетов», близкому по духу статье о Просвещении, обнаруживается тревога относительно действий так называемых «практиков науки» или «образованных людей» (Кант, 2002, с. 48). Последние представляются Кантом как непосредственно влияющие на народ посредством знания, формирующегося на трех высших факультетах университета (теологическом, медицинском и юридическом), а правительство – как заинтересованное в этом влиянии (Кант, 2002, с. 50). Именно в связи с таким актуальным влиянием и таким очевидным интересом, имеющим место и в современности, оказывается значимым испытание истинности соответствующих знаний, обсуждение их возможных проблем и ошибок. Именно это можно трактовать как «публичное применение разума» ученых. Понятно, что такого рода рефлексивное испытание знаний в университете, по Канту, ведется в дискуссиях между профессорами. Однако коль скоро в нем всегда принимает необходимое участие и низший, философской факультет, такое взаимодействие переступает границы определенной (частной) научности. Рефлексивность, включенная в содержание публичного применения разума, может иметь следствием не только самостоятельность, но и широту мышления. Кант пишет о невозможности предположить какое-то частное установление «некоего сообщества духовных лиц», имеющее характер окончательных ответов, скажем, на вопросы вероисповедания. Окончательность при этом была бы несправедливой (Кант называет ее «преступлением против человеческой природы») перед лицом развития знания и поступательного движения истории (Кант, 1994b, с. 137–139).

Указанные характеристики публичного применения разума, подчеркивающие самостоятельность и активность, незавершенность и рефлексивность, раскрывают конструктивный смысл публичности. Однако для того, чтобы они могли служить условиям трансформации образа публичной научной коммуникации в мышлении современного ученого, оправдывая ее возможность и раскрывая ее необходимость, следует добавить еще два соображения о кантовском смысле выступления ученых «для всей читающей публики». Первое: событие Просвещения в том виде, в котором оно раскрывается Кантом, включает взаимную активность сторон, публики и ученых. «Более возможно, что публика сама себя просветит, а если только предоставить ей свободу, так это почти неизбежно, так как даже среди поставленных над толпой опекунов, всегда найдется тот, кто мыслит самостоятельно и кто сам, сбросив с себя иго несовершеннолетия, распространит вокруг дух разумного уважения собственного достоинства и призвания каждого человека мыслить самостоятельно. Особенно следует иметь в виду, что публика, ранее приведенная [опекунами] в состояние угнетения, затем заставит и их самих оставаться под игом, если ее будут подстрекать [к этому] некоторые из тех опекунов, которые сами неспособны ни к какому просвещению. Вот как вредно насаждать предрассудки, потому что в конце концов они мстят [за себя] тем, кто породил их, будь то

современники или предшественники» (Кант, 1994b, с. 129–131). То есть самостоятельное просвещенное мышление ученого имеет условием просвещение публики, выходящей из состояния несовершеннолетия, и обусловливает этот выход. В противном случае в силах публики, руководимой своими опекунами, заставить свободно мыслящих молчать.

Второе: событие Просвещения и публичное применение разума актуализирует не просто связь публики и ученых, говорящих с ней, но стремление каждого быть членом всего общества и даже общества «граждан мира». Кант при описании публичного применения разума использует термин Öffentlichkeit, имеющий значения общественности, публичности, гласности, открытости (на английский язык принят перевод public use of reason (Guyer, 2006, p. 456)). В значении слова «публичность» присутствует различное: преодоление частной, приватной значимости какого-то действия, отсылка к широкому сообществу, объединенному каким-то интересом, в пределе к государству и даже ко всему человечеству, а также общедоступность, простота и понятность. Абстрагирование друг от друга двух значений добавляет негативные коннотации относительно публичной научной коммуникации – акцент на втором заставляет видеть в ней лишь вульгаризацию науки, включаемой в практики публичности. Однако если два значения мыслить в их связи, то общедоступность и понятность может трактоваться как один из путей сборки сообщества – в пределе «общности граждан мира» (Кант, 1994b, с. 133). Однако эта общность – необходимая, коль скоро мы все живем в общем мире, – может быть истолкована гипотетически, как «проектируемое единство». Она зависит от сознательного участия многих, не в последнюю очередь ученых, решающих взять на себя ответственность за общий мир.

* * *

Безусловно, обозначенные выше контексты не исчерпывают ситуации, которые могут актуализировать мышление ученого. Кроме того, их рассмотрение, представленное выше, далеко от полноты и оставляет в стороне многие проблемы уже существующих и будущих исследований как в области истории философии, так и в области философии науки. Цель наша состояла в том, чтобы продемонстрировать возможность связи или общности мышления современного ученого и идей Канта, возможность, включающую как признание самостоятельности сторон, так и широту, служащую их конструктивному пересечению. Остается высказать надежду на относительную успешность в реализации этой цели, а также просьбу считать указанную связь или общность остающейся предметом поиска, «проектируемым единством», а саму цель гипотетической, зависимой в своем содержательном наполнении от каждого, кто посчитает актуальным включиться в ее реализацию.

Источники и литература

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

2. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии (пер. с англ. Е.В. Якимовой) // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 57–82.

3. *Жучков В.А.* Коперниканский переворот и понятие культуры у Канта // История философии. 1999. № 3. С. 29–54.

4. *Калинин И.К.* Коперниканский ли переворот революция Канта в философии? // Трансцендентальный журнал. 2022. Том 3. Выпуск 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://transcendental.su/S271326680018985-3-1 (дата обращения: 16.07.2024).

5. *Кант И.* Критика способности суждения. Пер. с нем. М.: Искусство, 1994. 367 с.

6. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1994. С. 125–147.

7. *Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1998. 665 с.

8. *Кант И.* Спор факультетов. Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной. Калининград, Издательство КГУ, 2002. 286 с.

9. *Круглов А.Н.* Кантовское понятие просвещения и его альтернативы // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 2. С. 16–39.

10. *Латур Б.* Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура. Пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2017. Т. 27(1). С. 135–162.

11. Релятивизм как эпистемологическая проблема. Панельная дискуссия // Эпистемология и философия науки. 2004. Т 1(1). С. 53–83.

12. *Розов М.А.* Традиции и новации в развитии науки // Философия и методология науки / ред. В.И. Купцов. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 202–250.

13. *Савинцев А.А.* Кант и «коперниканский поворот» к гуманитарному познанию // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия и филология». 2009. №. 1(5). С. 73–81

14. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

15. *Столярова О.* «Коперниканская революция» Канта как объект философской ретроспекции // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 219–236.

16. *Фуко М.* Что такое Просвещение // Ступени. № 1 (11), 2000. С. 136–148.

17. *Brown J.R.* Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 2001. 236 p.

18. *Bucchi M., Trench B.* Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology, London: Routledge, 2014. 258 p.

19. *Dupré J.* Metaphysical Disorder and Scientific Disunity // The Disunity of Science: Boundaries, Context and Power / Ed. by P. Galison and D. J. Stump. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 101–117.

20. *Freeman A., Chick V., Kayatekin S.* Samuelson's ghosts: Whig history and the reinterpretation of economic theory // Cambridge Journal of economics. 2014. Vol. 38(3). P. 519–529.

21. *Galison P.* Trading Zone: Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / Ed. by M. Biagioli. N.Y.: Routledge, 1999. P. 137–160.

22. *Genov N.* Multi-paradigmatic sociology: debates present and perennial // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2019. Vol. 22(1). P. 24–46.

23. *Guyer P.* Kant. London and New York: Routledge, 2006. 440 p.

24. *Holbraad M., Pedersen M. A.* The Ontological Turn. Cambridge, UK.: Cambridge University Press, 2017. 339 p.

25. *Mol A.* The Body Multiple. Durham: Duke University Press. 216 p.

26. *Spagnesi L.* Kant's Space of Theoretical Reason and Science: A Perspectival Reading // Kant and the Problem of Knowledge. Rethinking the Contemporary World / Ed. by L. Caranti & A. Pinzani. London: Routledge. 2022. P. 109–135.

27. *Turner S.P.* The Politics of Expertise. N.Y.: Routledge, 2014. 350 p.

References

1. Gadamer, Hans-Georg. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki*. Progress, 1988.

2. Giddens, Anthony. "Devyat' tezisov o budushchem sotsiologii." *THESIS*, iss. 1, 1993, pp. 57–82.

3. Zhuchkov, Vladimir A. «Kopernikanskii perevorot i ponyatie kul'tury u Kanta.» *Istoriya filosofii*, no. 3, 1999, pp. 29–54.
4. Kalinin, Igor' K. "Kopernikanskii li perevorot revolyutsiya Kanta v filosofii?" *Transtsendental'nyi zhurnal*, vol. 3, iss. 1–2, 2022.
5. Kant, Immanuel. *Kritika sposobnosti suzhdeniya.* Iskusstvo, 1994.
6. Kant, Immanuel. "Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie." *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh,* vol. 1, Kami, 1994, pp. 125–147.
7. Kant, Immanuel. *Kritika chistogo razuma*, translated by N.O. Lossky, Nauka, 1998.
8. Kant, Immanuel. Spor fakul'tetov, translated by Ts.G. Arzakanyan, I.D. Koptsev, M.I. Levina, Izdatel'stvo KGU, 2002.
9. Kruglov, Aleksei N. "Kantovskoe ponyatie prosveshcheniya i ego al'ternativy." *Kantovskii sbornik,* vol. 42, no. 2, 2023, pp. 16–39.
10. Latour, Bruno. "Devidu Bluru... i ne tol'ko: otvet na *Anti-Latur* Devida Blura." *Logos*, vol. 27, no. 1, 2017, pp. 135–162.
11. "Relyativizm kak epistemologicheskaya problema. Panel'naya diskussiya." *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 1, no. 1, 2004, pp. 53–83.
12. Rozov, Mikhail A. "Traditsii i novatsii v razvitii nauki." *Filosofiya i metodologiya nauki*, ed. by V.I. Kuptsov, Aspekt Press, 1996, pp. 202–250.
13. Savintsev, Aleksei A. "Kant i ѫkopernikanskii povorot' k gumanitarnomu poznaniyu." *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya Filosofiya i filologiya*, no. 1 (5), 2009, pp. 73–81
14. Sokal, Alan D. and Jean Bricmont. *Intellektual'nye ulovki.* Dom intellektual'noi knigi, 2002.
15. Stolyarova, Olga E. "*Kopernikanskaya revolyutsiya* Kanta kak ob''ekt filosofskoi retrospektsii." *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 56, no. 4, 2019, pp. 219–236.
16. Foucault, Michel. "Chto takoe Prosveshchenie?" *Stupeni*, no. 1 (11), 2000, pp. 136–148.
17. Brown, James R. *Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars.* Harvard University Press, 2001.
18. *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*, ed. by Massimiano Bucchi and Brian Trench, Routledge, 2014.
19. *Dupré J.* "Metaphysical Disorder and Scientific Disunity." The Disunity of Science: Boundaries, Context and Power, ed. by Peter Galison and David J. Stump. Stanford University Press, 1996, pp. 101–117.
20. Freeman, Alan, Victoria Chick and Serap Kayatekin. "Samuelson's ghosts: Whig history and the reinterpretation of economic theory." *Cambridge Journal of Economics*, vol. 38, no. 3, 2014, pp. 519–529.
21. Galison, Peter. "Trading Zone: Coordinating Action and Belief." *The Science Studies Reader*, ed. by Mario Biagioli, Routledge, 1999, pp. 137–160.
22. Genov, Nikolai. "Multi-paradigmatic sociology: debates present and perennial." *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no. 1, 2019, pp. 24–46.
23. Guyer, Paul. *Kant.* Routledge, 2006.
24. Holbraad, Martin and Morten A. Pedersen. *The Ontological Turn*. Cambridge University Press, 2017.
25. Mol, Annemarie. *The Body Multiple.* Duke University Press, 2003.
26. Spagnesi, Lorenzo. "Kant's Space of Theoretical Reason and Science: A Perspectival Reading." Kant and the Problem of Knowledge. Rethinking the Contemporary World, ed. by Luigi Caranti and Alessandro Pinzani, Routledge, 2022, pp. 109–135.
27. Turner, Stephen P. *The Politics of Expertise*. Routledge, 2014.

Сведения об авторе:
Шиповалова Лада Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой Философия науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: l.shipovalova@spbu.ru. https://orcid.org/0000-0002-1989-1152

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 001.1 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-63-91

Вяжущая сила познания (небулярная гипотеза И. Канта)

Дмитриев Игорь Сергеевич

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу работы И. Канта 'Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes: nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt' («Всеобщая естественная история и теория неба, или Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания, истолкованных сообразно принципам Ньютона») (1755). Показано, что объяснение происхождения Вселенной, данное в этом трактате хотя и механистично, но в то же время не вмещается в рамки механики, представленной в Principia И. Ньютона. Последний считал, что космогонические вопросы выходят за рамки натурфилософии, ибо происхождение Вселенной – это тайна Бога. Кант расширяет границы натурфилософского умозрения: сам процесс формирования планет и звезд является для него натурфилософской проблемой, решение которой он предлагает в упомянутой книге, тогда как Бог отодвигается в далекую область первопричин, как Создатель, так сказать, исходного материала и начальных условий космогенеза.

Ключевые слова: небулярная гипотеза, Кант, Райт, Бюффон, Ньютон, механика.

The Binding Power of Knowledge (I. Kant's Nebular Hypothesis)

Igor S. Dmitriev

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia

Kant's work "Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes: nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt (Universal Natural History and Theory of the Heavens, or an Attempt to Account for the Constitutional and Mechanical Origin of the Universe upon Newtonian Principles)" (1755). It is shown that the explanation of the origin of the Universe given in this treatise, although mechanistic, does not fit the framework of the mechanics of Newton's "Principia". Newton believed that cosmogonic issues are beyond the scope of natural philosophy, for the origin of the Universe is the mystery of God. Kant expands the boundaries of natural philosophical speculation: for him, the very process of formation of planets and stars is a natural philosophical problem whose solution he offers in the above-mentioned book, while God is relegated to the distant realm of prime causes as the Creator, so to speak, of the initial material and initial conditions for cosmogenesis.

Key words: nebular hypothesis, Immanuel Kant, Thomas Wright, Georges Buffon, Isaac Newton, classical mechanics.

В Природе, взятой в целом, все соединено в непрерывной последовательности градаций благодаря вечной гармонии, соединяющей все звенья этой цепи.

И. Кант. Всеобщая естественная история и теория неба

Когда в 1755 г. в Кенигсберге вышла в свет небольшая анонимная работа под названием «Всеобщая естественная история и теория неба, или Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания, истолкованных сообразно принципам Ньютона» (Kant, 1755) (далее *NTH*)[1], ее автор, Иммануил Кант, которому шел тогда тридцать первый год, стоял на пороге новой этапа своей карьеры. Проработав девять лет в качестве семейного воспитателя, он собирался вернуться в Кенигсбергский университет в качестве приват-доцента, полагая, что его смелая теория происхождения и эволюции Вселенной привлечет внимание и тем самым облегчит ему путь к необременительной профессуре. К сожалению, его издатель, Иоганн Фридрих Петерсон, обанкротился как раз в то время, когда книга вышла из печати. Акции издательства были конфискованы, склад опечатан и в итоге до широкой публики трактат практически не дошел. Даже прусский король Фридрих II Великий не получил дарственного экземпляра посвященного ему труда. Широкую известность это сочинение получило только после двух прижизненных переизданий 1797 и 1798 г. Возможно интерес к *NTH* был вызван публикацией в 1796 г. двухтомника П.-С. Лапласа «Изложение системы мира». Но, как бы то ни

1 Выдержки из *NTH* были приведены магистром И.Ф. Гензихеном (*J.F. Gensichen*), «вторым инспектором выпускников [Кенигсбергского] университета», в качестве приложения к выполненному Г.М. Зоммером (G. Zommer) первому полному немецкому переводу работы У. Гершеля «О строении небес» (Herschel, 1785; Herschel, 1791, фрагменты из трактата Канта: S. 161–200). Гензихен снабдил публикацию своими комментариями, согласованными с Кантом. Кроме того, основные космогонические идеи *NTH* были изложены Кантом в седьмом «Рассуждении» под названием «Космогония» (*Siebente Betrachtung. Cosmogonie*) трактата «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (Kant, 1763, p. 149–179). В 1754 г. Кант кратко упомянул о предстоящей публикации *NTH* в десятистраничном документе *Untersuchung der Frage, ob die Erde in ihrer Umdrehung um die Achse, wodurch sie die Abwechselung des Tages und der Nacht hervorbringt, einige Veränderung seit den ersten Zeiten ihres Ursprungs erlitten habe und woraus man sich ihrer versichern könne, welche von der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin zum Preise fur das jetztlaufende Jahr aufgegeben worden* («Исследование вопроса о том, претерпела ли Земля в своем вращении вокруг оси, благодаря происходит чередование дня и ночи, некоторые изменения с первых времен своего возникновения и на основании чего можно в этом убедиться, которое было представлено Королевской академии наук в Берлине на соискание премии за текущий год»). В нем тематика *NTH* выражалась следующим образом: *Kosmogonie, oder Versuch, den Ursprung des Weltgebäudes, die Bildung der Himmelskörper und die Ursachen ihrer Bewegung aus den allgemeinen Bewegungsgesetzen der Materie der Theorie des Newtons herzuleiten* («Космогония, или попытка вывести устройство мира, образование небесных тел и причины их движения из общих законов движения материи в теории Ньютона» (цит. по: (Krafft, 1971, p. 3)).

было, *NTH* стала одной из важнейших работ Канта докритического периода. И хотя ей посвящена весьма обширная литература (см., например, (Brush, 1996; Ferrini, 2022)), а спектр оценок ее варьируется от восторженных похвал («автор усвоил всю математическую и физическую науку своей эпохи» (Hastie, 1900, p. xvii)) до весьма сдержанных и даже критических суждений (трактат представляет собой «преднамеренную и часто путанную спекуляцию, а не научное сочинение» (Kant, 1981, p. 8)), некоторые аспекты истории формирования гипотезы, получившей с легкой руки А. Шопенгауэра исторически и содержательно не вполне оправданное название «космогонической гипотезы Канта – Лапласа» (Schopenhauer, 1946–1950, Bd. VI, p. 145), требуют обсуждения и детализации. В данной статье я коснусь как методологии, на которую опирался Кант, так и содержания его гипотезы.

Подсказки Райта и Бюффона

В качестве отправной точки своих рассуждений о происхождении Солнечной системы и – шире – Вселенной вообще Кант указывает на мысли, высказанные в брошюре каноника из Виндзора Томаса Райта из Дарема (*Th. Wright de Durham*; 1657–1735) (Wright, 1750)[2] (Hoskin, 1970).. Саму работу Райта Кант не читал, но узнал о ней из пространной рецензии, опубликованной в гамбургском журнале *Freye Urtheile und Nachrichten zum Aufnehmen der Wissenschaft und Historie überhaupt* («Бесплатные суждения и новости для ознакомления с наукой и историей в целом») (номера 1, 5 и 8 за январь 1751 г.). По признанию Канта, «господин Райт Дарем, с трактатом которого я познакомился в *Hamburgische freie Urtheile* за 1751 г., впервые навел меня на мысль рассматривать неподвижные звезды не как рассеянную без видимого порядка кучу (nicht als ein ohne sichtbare Ordnung zerstreutes Gewimmel)[3] начале основной части трактата, «не как беспорядочную и хаотично рассеянную массу (nicht als ein ungeordnetes und ohne Absicht zerstreutes Gewimmel)» (Kant, 1755, p. 3)., а как систему (als ein System)[4] систематическую структуру [Вселенной] в целом (er fand eine systematische Verfassung im Ganzen)» (Kant, 1755, p. 3)., имеющую величайшее сходство с планетной; ибо, как в этой системе планеты находятся очень близко к одной общей плоскости, так и неподвижные звезды расположены максимально близко к определенной плоскости, которую следует представить себе проходящей через все небо; наибольшее скопление звезд около этой плоскости образует ту светлую полосу, которая носит название Млечного пути. Так как этот пояс, светящийся бесчисленными

2 О Райте см. (Hoskin, 1970).

3 Или, как будет сказано в начале основной части трактата, «не как беспорядочную и хаотично рассеянную массу (nicht als ein ungeordnetes und ohne Absicht zerstreutes Gewimmel)» (Kant, 1755, p. 3).

4 Далее, в начале основной части работы, Кант уточняет: «он [Райт] выявил систематическую структуру [Вселенной] в целом (er fand eine systematische Verfassung im Ganzen)» (Kant, 1755, p. 3).

солнцами, имеет точно направление большого круга, то я убедился, что и наше Солнце также должно находиться очень близко к этой общей большой плоскости. Когда я начал исследовать причины этого явления, я счел весьма вероятным, что так называемые неподвижные звезды – это, в сущности, медленно движущиеся планеты высшего порядка» (Kant, 1755, Vorrede, s.p.).

Это признание Канта требует некоторых пояснений. В действительности Кант был обязан не столько Райту, сколько своему неправильному пониманию космологической идеи последнего. В своей великолепно изданной в формате *in quarto*, но написанной тяжелым неясным языком брошюре Райт ставил себе задачу примирить астрономию с сугубо личным пониманием христианской теологии.

В молодости Райт ездил из города в город, читая публичные лекции на научные темы, и, по всей вероятности, именно для одной из таких лекций в 1734 г. он подготовил огромную схему, своего рода карту Творения (увы, не дошедшую до нас), к которой прилагалась небольшой текст под названием «Теории Вселенной». По мысли Райта, «моральный» центр Вселенной, названный им «Священным Троном», т.е. обитель Бога (Abode of God), является также физическим центром мира. Остальное творение, как в моральном, так и в физическом плане, расположено вокруг Священного Трона, распределяясь между тремя концентрическими сферами. Первая, наиболее близкая к Трону – сфера Филистии, или Небес. Внешняя сфера – это сфера наказания, внешняя тьма Ада, простирающаяся бесконечно далеко во всех направлениях. Между ними находится сферическая оболочка, определяющая границу Области Испытания (Probation), в которой находится Солнце и мириады других звезд, каждая со своими планетами и кометами. Поскольку Священный Трон является гравитационным центром творения, Солнце и другие звезды обязательно вращаются вокруг Трона, так как в противном случае тела, находящиеся в Области Испытания, были бы втянуты гравитационными силами внутрь Области Филистии.

Слушатели Райта должны были понять, что они находятся в Области Испытания и после смерти переместятся либо в Область Филистии, либо наружу, в Область Наказания, где лишь далекий отблеск света будет напоминать им о том, чего они лишились.

Перебирая разные модели Вселенной, Райт, в итоге, остановился на той, в которой наша галактика по виду и структуре напоминает планету Сатурн: Божественный центр имеет вид большой сферы, окруженной приплюснутым кольцом звезд, в число которых входит и наше Солнце (рис. 1).

Райт не был виртуозом пера, его изложение не отличалось ясностью, и потому Кант, прочитав даже не оригинальную работу англичанина, а ее пересказ, не содержавший пояснительных рисунков, и не уловив, что божественная область находится в центре кольцевой структуры, не мог понять, что мешало автору предположить, что звездная область не тор, а диск. Зачем предполагать пустое место в центре кольца? Ведь если

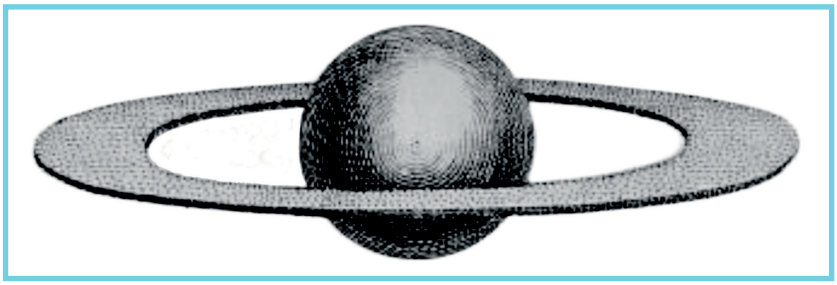


Рис. 1. Один из вариантов модели нашей галактики по Т. Райту
Plate XXVIII. Wright, 1750.

звездная система дискообразна, то земному наблюдателю она будет казаться эллиптической. Кант помнил, что П. Моро де Мопертюи наблюдал туманности (которые он принимал за звездные системы), выглядевшие эллиптическими по своим очертаниям и не имевших в центре никаких разрывов, а значит, они должны быть дискообразными. В итоге Кант пришел к выводу, что Галактика имеет форму диска. (С религиозной точки зрения взгляды Райта были глубоко еретическими, так как он предполагал, что подобных сатурнообразных структур, а значит и областей обитания Бога, бесконечно много.)

Кант был настолько восхищен аналогией между картиной, возникшей в его воображении, и внешним видом Млечного Пути, что удивился, как это не пришло в голову астрономам раньше[5]. А что было раньше?

Вопрос о происхождении мира имеет длинную историю, уходящую своими корнями к временам апокрифическим. Если же говорить о хронологически близких Канту мыслителях, то я бы упомянул в первую очередь Бюффона. В первом томе «Естественной истории» (1749), который был опубликован в немецком переводе под названием *Allgemeine Historie der Natur* в 1750 г. и, несомненно, повлиял на выбор Кантом названия его трактата, высказал предположение, что образование Солнечной системы произошло в результате космической катастрофы. «Разве нельзя с некоторой вероятностью представить, что, возможно, на поверхность Солнца упала комета, которая сдвинула это небесное тело с места и отколола от него несколько маленьких частей (ein Komet auf die Obersfläche der Sonne fiel, welcher dieses Gestirn von seiner Stelle trieb, und etliche kleine Theile davon abschlug), сообщив им движение одним ударом и в одну и ту же сторону, и таким образом планеты, которые когда-то были частями Солнца, оторвались от него общею для них силой удара, которую они сохраняют до сих пор?» (Allgemeine Historie der Natur, 1750, p. 79). В этом переводе используется выражение «stoßende Kraft» (в оригинале «force impulsive» (Buffon, 1749, p. 133)). Действие этой силы Бюффон объясняет следующим образом: все планеты притягиваются к Солнцу, но если бы существовала только ньютоновская сила притяжения, то они неизбежно должны

5 В 1761 г. к этой же идее независимо пришел эльзасский эрудит Иоганн Генрих Ламберт (J.H. Lambert; 1728–1777), известный своими работами по алгебре и астрономии.

были бы падать на него по прямой («en ligne perpendiculaire» (Buffon, 1749, p. 131)), чего, однако, не происходит, поскольку они удаляются от него действием некоторой другой силы («une autre force»), представляющей собою «толчок» («une impultion» в оригинале и «ein Stoß» в переводе (Buffon, 1749, p. 131; Allgemeine Historie der Natur, 1750, p. 78)), которая заставила бы планету двигаться по прямой линии, касательной к траектории ее движения, если бы сила притяжения перестала действовать (Ibid.). Эта сила толчка, по уверению Бюффона, «без сомнения сообщена небесным телам божественной рукой, когда она приводила в движение машину мира» (Ibid.). Высказывания Бюффона наглядно показывают, сколь ошибочно он понимал закон инерции, и то же можно сказать о Канте.

Используя более поздние толкования гипотезы Бюффона, которые дополнили его концепцию некоторыми отсутствующими в оригинале и модернизирующими его деталями, можно с определенной долей условности констатировать, что, по мнению французского ученого, Солнечная система образовалась в результате падения гигантской кометы на Солнце, которое считалось твердым телом и при скользящем столкновении гигантской кометы с Солнцем, последнее должно было приобрести вращение и потерять часть своей массы, которая, расплавившись при ударе, образовала вращающиеся вокруг Солнца тела. При этом все будущие планеты должны приобрести то движение, которое и наблюдается в Солнечной системе: в одном направлении[6] и в плоскости, близкой к плоскости солнечного экватора. Последние два обстоятельства Бюффон считал хорошим подтверждением своей гипотезы, добавив к ним еще одно: уменьшение плотности вещества планет по мере удаления их от Солнца[7]. Эти же доводы использовал впоследствии и Кант, возможно, позаимствовав их у Бюффона, но включив их в иной объяснительный контекст, на котором следует остановиться.

«Удел рассудка»[8]

Анализ небулярной гипотезы[9] Канта будет дан в этом разделе в контексте рассмотрения двух особенностей кантианского *Weltanschauung*[10].

---

6 Это не совсем так. Большинство планет Солнечной системы действительно вращаются в одном направлении, против часовой стрелки, если смотреть с северного полюса Солнца. Но есть два исключения: Венера и Уран, которые вращаются по часовой стрелке.

7 Разумеется, Бюффон ошибался, что стало ясно уже П.-С. Лапласу. В частности, выброшенное Солнцем вещество неминуемо должно было, описав эллиптическую дугу, упасть обратно на светило. И уж совсем невероятно, что образовавшиеся таким способом планеты стали бы двигаться так, как это наблюдали астрономы.

8 «Gewöhnlichen Schicksale des Verstandes im Nachforschen» (Kant, 1786, p. XIX).

9 Среди звезд, перечисленных Птолемеем в «Альмагесте», есть семь, которые он называет νεφελοειδής (облакоподобный), от греч. νεφέλη (облако, туманность), по-латыни *nebula*. Диффузная форма этих звезд отличала их от обычных, выглядевших как светящиеся точки на небе.

10 Тема эта сама по себе неисчерпаема, но я выделю лишь то, что имеет отношение к тематике данной статьи.

1. Кант и в критический, и в докритический период своего творчества отстаивал исключительно механическую трактовку физических явлений: без «принципа механизма природы (Princip des Mechanismus der Natur)», «вообще не может быть науки (keine naturwissenschaft geben kann)» (Kant, 1790, p. 364).

Что могло побудить его к такому подходу? Прежде всего, его философские взгляды. По мысли Канта, природа – это не что иное, как предлагаемая естествознанием конструкция нашего рассудка (ибо мы понимаем мир по модели того, что мы можем построить, связывая средства и цели), творимая трансцендентальным Я, а потому механика, тоже конструирующая свой объект, действует в полном соответствии с тем, что представляет собой природа. Но если природа – это только конструкция трансцендентального Я, то в такой природе нет и не может быть никаких целей[11]. Если же рассуждать более конкретно (на какую именно конструкцию следует опираться?), то сам Кант считал, что работает в ньютонианской традиции, формирование которой привело к глубокому перевороту в нашем понимании земной и небесной механики. Но Ньютон не воспринимал механику как общую модель для описания и понимания всех явлений природы. К примеру, в ходе изучения оптической рефракции он обнаружил, что солнечный свет, преломленный через призму, образует не круглое, а ромбовидное изображение. Для истолкования этого факта Ньютону пришлось отказаться от приверженности корпускулярному микроредукционизму *à la* Бойль как единственной форме объяснения (подробно см. (Gaukroger, 2006, p. 379–387, 391–397)). А когда дело дошло до таких процессов, как брожение, рост растений, тяготение, электрическое притяжение, химические реакции и т.п., он вообще отбросил всякие механические объяснения (Dobbs, 1991).

Модель, которой реально воспользовался Кант, берет свое начало (если не считать умозрительных рассуждений Бюффона и некоторых других авторов) не от самого Ньютона, а от последующего развития идей и подходов, изложенных в *Principia*, особенно от того направления эволюции механики, которое имело место в XVIII столетии. Речь идет о создании так называемой «аналитической механики», наиболее полный вариант которой в первой половине столетия был разработан Л. Эйлером и Д'Аламбером[12]. Создатели аналитической механики задумывали ее как модель физического объяснения вообще, в надежде, что концептуальный и математический аппарат такой механики можно будет с успехом применять к широкому кругу явлений: электрических, магнитных, оптических, химических и т.д., сводя их к аксиоматически структурированной математизированной теории. Однако, как выяснилось, математическая изощренность аналитической механики не соответствовала ее объяснительному потенциалу, и она оказалась фактически изолированной от основной

11 Вне природы есть «вещь в себе», которая есть цель.

12 Иногда используют термин «рациональная механика», но я воспользуюсь терминологией Лагранжа.

массы физических наук, которые восприняли традицию «экспериментальной натурфилософии» XVII века, и в таких областях, как химия и электричество, занимались в основном осмыслением постоянно растущей совокупности экспериментальных результатов.

Для Канта же априорно-дедуктивная структура и общие установки аналитической механики, математический и отчасти идейный аппарат которой оказался вне сферы его осознания, стала моделью научного объяснения, вследствие чего он связывал эту механику с теорией материи гораздо более непосредственно, чем, скажем, Л. Эйлер[13]. Не вдаваясь в тонкости предмета и не различая геометризованную механику Ньютона и «новую», основанную на методах математического анализа и не связанную напрямую с *matter-theories* дисциплину, Кант просто рассматривал все свойства *материи* (вещества) как механические. Если в механике физические свойства тел традиционно трактовались в терминах действующих на них сил, изменяющих их состояние движения, то в теориях материи свойства тел обсуждались в терминах их материальных носителей-компонентов. Разница принципиальная!

Кант исходил из идеи существования в природе двух сил: притяжения и отталкивания. Последней он придавал тот же фундаментальный статус, что и силе тяготения: обе силы рассматривались им как первичные, исключающие вопросы об их природе. Замечу, что Эйлер, с его картезианским желанием основывать механику на чем-то совершенно ясном и прозрачном, видел ситуацию иначе, для него сила (любая) – понятие туманное и требующее разъяснения. Конечно, можно сказать, что у нас есть интуитивное представление о силе, и потому эта концепция может казаться самоочевидной, но такое представление может оказаться ошибочным, в частности, противоречить ньютоновскому закону инерции, который Эйлер, в отличии от Канта, хорошо понимал. Поэтому такому представлению о силе нельзя доверять. Иное дело – непроницаемость тел (т.е. невозможность двум телам одновременно занимать одну и ту же область пространства). Это та идея, которая, по мнению Эйлера, позволяет в полной мере использовать нашу интуицию. Иными словами, для Эйлера непроницаемость тел служила причиной отталкивающей силы (тело сопротивляется давлению другого тела, отталкивая его в некоторой силой). Для Канта, наоборот, изначально присущая телу отталкивательная сила служит причиной его непроницаемости. Эта сила сосредоточена непосредственно в теле, граница ее действия не фиксирована, и, по крайней мере теоретически, тело может быть сжато до бесконечности (в точку), о чем Кант упоминает в теореме (Lehrsatz) 3 трактата «Метафизические начала естествознания»: «Материя может быть сжата до бесконечности, но в нее никогда не может проникнуть другая материя, как бы велика ни была сила ее давления.

13 Замечу, что Эйлер рассуждал о том, как включить гравитацию и электричество в общую программу механики (когда эта программа будет детально разработана), но у него не возникло никаких конкретных плодотворных идей относительно того, как именно следует двигаться в этом направлении.

Доказательство

Изначальная сила (Eine ursprüngliche Kraft), посредством которой та или иная материя стремится расшириться во все стороны за пределы занимаемого ею пространства, будучи заключена в меньшее пространство, должна становиться большей, а сжатая в бесконечно малое пространство – бесконечной. Но для любой данной силы расширения материи можно найти бóльшую сжимающую силу, теснящую ее в меньшее пространство, и так до бесконечности. Это и требовалось доказать в первой части теоремы. Для проникновения же внутрь материи потребовалось бы сжатие ее в бесконечно малое пространство, стало быть, потребовалась бы бесконечно сжимающая сила, а такая сила невозможна. Следовательно, посредством сжатия в одну материю не может проникнуть никакая другая, и это требовалось доказать во второй части теоремы» (Kant, 1786, p. 144–145).

Кантианское представление о неразрывности материи и силы фактически уподобляет одно другому, открывая, казалось бы, возможность механической интерпретации свойств веществ. Беда, однако, в том, что в той механике, к которой апеллировал Кант, не было ничего, что могло бы поддержать подобное расширение ее предметной области.

В химии, в «науках о жизни», в изучении электрических явлений исследователи опирались исключительно на наблюдения и эксперименты, что совершенно не соответствовало кантианскому априорно-дедуктивному идеалу науки[14], поэтому Кант не считал соответствующие дисциплины (многие из которых в его время только начали формироваться и находились, если воспользоваться терминологией Т. Куна, в «предпарадигмальном состоянии») науками. Как отметил С. Гаукроджер, «к середине XVIII в. механика была вытеснена химией в качестве канонической формы теории материи. ...Именно химия давала наиболее полное и надежное представление о том, как поведение тел определяется их составными частями. Но его [Канта] концепция науки исключала такую возможность,

[14] Науки о жизни представляли собой особенно сложную проблему, которая была сопряжена с телеологическим взглядом на мир. Предложенная Кантом стратегия устранения телеологии из сферы живого – введение телеологической аргументации в науку Кант связывал «со свойством нашей познавательной способности (der Beschaffenheit unsers Erkenntnisvermögens)» (Kant, 1790, p. 369), а не с самой природой – мало кого убедила. Дело не только в том, что эту стратегию отвергли Фихте, Шеллинг и Гегель. Даже у тех мыслителей, которые относили себя к кантовской традиции, беспокойство вызывало не только существование вещей самих по себе, но сама механистическая концепция природы. Главные представители кантианства в середине XIX в. (до возникновения неокантианских школ) Адольф Тренделенбург и Герман Лотце настаивали на том, что, хотя мир, как утверждал Кант, управляется механическими законами, он также управляется телеологией (Beiser, 2013). Ситуация осложнилась, когда выяснилось (уже после смерти Канта), что материя на самом фундаментальном уровне не содержит никаких жизненных сил. Для Канта и его современников проблема природы жизни могла быть решена только в рамках теории материи. Клеточные теории М. Шлейдена и Т. Шванна (1838–1839), а также Р. Вирхова (1858) не решили вопрос о природе жизни, однако указали, где в биологическом царстве начинается жизнь. Но до появления этой теории дискуссия неизбежно должна была вестись и велась в терминах теории материи, а в этих терминах проблема жизни была совершенно неразрешимой.

поскольку химия, в отличие от механики (как он ее понимал), не являлась априорной дисциплиной» (Gaukroger, 2016, p. 113).

Но этого мало, ситуация была еще более драматичной, поскольку теоретические методы механики не всегда удавалось применить даже в обсуждении, казалось бы, вполне механических проблем. К примеру, одним из важнейших направлений в развитии механики в XVIII столетии стала, как известно, гидродинамика, которая усилиями Д. Бернулли и Л. Эйлера достигла заметных успехов. И тем не менее в этой области в то время не удалось получить результатов, которые могли бы быть полезными судостроителям. Буксировка моделей судов в резервуарах с водой была (и еще долго оставалась) лучшим способом определения влияния формы судна на его движение в жидкости (Ferreiro, 2006).

Указанные обстоятельства ограничивали возможности чисто механического подхода к анализу природных явлений. Насколько это осознавалось Кантом, вопрос открытый.

2. Кант признавал определяющую роль Бога во всех действиях и проявлениях природы. Приведу несколько характерных цитат из *NTH*:

«Если устройство мира со всем его порядком и красотой есть лишь следствие материи, предоставленной своим собственным универсальным законам, и если слепая механика природных сил (die blinde Mechanik der Naturkräfte) может создать из хаоса столь великолепный продукт и достичь такого совершенства самой себя, то доказательство Божественного Автора (göttlichen Urhebers), вытекающее из зрелища красоты Вселенной, полностью теряет свою силу» (Kant, 1755, Vorrede).

Ключевыми в этом фрагменте являются слова «die blinde Mechanik der Naturkräfte». Механическая философия, казалось бы, лишала природу цели и не позволяла утверждать, что для славы, совершенства и красоты мира необходим божественный архитектор. Но Кант был с этим категорически не согласен. Он прекрасно понимал все подводные камни телеологизации мира и в *NTH* привел несколько примеров, иллюстрирующих возможность избежать телеологических объяснений в естествознании. Вот один из них, который во времена Канта часто приводили «как одно из самых ярких доказательств благодетельного Провидения» (Ibid.). На острове Ямайка вскоре после девяти часов утра, когда температура воздуха становится некомфортно высокой, с моря поднимается бриз, сила которого увеличивается пропорционально высоте Солнца над горизонтом. Около часа дня, когда жара достигает максимума, бриз становится самым сильным. С заходом Солнца ветерок слабеет и вечером на острове царит такая же тишина, как и при восходе светила. Без этого бриза жизнь на острове была бы невыносимой. Разве это не свидетельствует о вмешательстве высшего разума «в интересах человека»? Кант утверждает, что эти и подобные рассуждения совершенно пусты, ибо морские бризы можно объяснить в терминах теплового равновесия, а такое объяснение никак не связано с удобством островитян.

Кенигсбергский мыслитель ясно осознавал обманчивую легкость, с которой естественным причинам можно придать антропоморфное

значение. «Вся природа, – по мысли Канта, – особенно неорганическая, полна доказательств в пользу того, что материя, сама себя определяющая с помощью механики своих сил, приводит к результатам, отличающимся известной правильностью, и сама собой, без принуждения, удовлетворяет правилам гармоничности. Если же благомыслящий человек, желая спасти благое дело религии, станет оспаривать эту способность всеобщих законов природы, то он сам себя поставит в затруднительное положение и плохой защитой даст неверию повод к торжеству.

...Определяя себя по самым общим своим законам, материя своим естественным поведением или, если угодно, под действием слепой механики приводит к подходящим результатам, которые кажутся замыслом высшей мудрости (die der Entwurf einer höchsten Weisheit zu sein scheinen)» (Ibid.).

Кант полагал, что именно подчиненность материи известным законам, вынуждающая ее с необходимостью «давать прекрасные сочетания (schöne Verbindungen hervorbringen muß)», свидетельствует о ее (материи) подчиненности «некоему в высшей степени мудрому замыслу (einer höchst weisen Absicht unterworfen befindet)», иными словами, материя «необходимо была поставлена в такие гармоничные соотношения некой господствующей над ней первопричиной (über sie herrschende erste Ursache). Этой причиной должен быть Бог уже по одному тому, что природа даже в состоянии хаоса может действовать только правильно и слаженно (regelmäßig und ordentlich verfahren kann)» (Ibid.).

В итоге, «материя, которая кажется просто пассивной и не имеющей формы и устройства, в своем простейшем состоянии имеет тенденцию к тому, чтобы путем естественной эволюции превратиться в более совершенную структуру (*einer vollkommenern Verfassung zu bilden*)» (Kant, 1755, p. 28), и потому нет оснований приписывать случайности то, что имеет признаки «обдуманного мудрого выбора (*eine überlegte kluge Wahl*)» (Kant, 1755, Vorrede). Не следует думать, будто Бог использует ту часть природы, которая *случайно* оказалась у него под рукой, подобно человеку, взявшему попавший ему под руку молоток, лом или палку, чтобы вбить кол. Если для Ньютона Бог – это, прежде всего, Пантократор, Властитель и Управитель Вселенной, то для Канта Всевышний – прежде всего «Гармонизатор» мира.

Кант постоянно варьирует одну и ту же важную для него мысль: «Существенные свойства природы не могут иметь какую-то независимую необходимость (ihre [природы] wesentlichen Eigenschaften keine unabhängige Nothwendigkeit haben können), а должны иметь свое происхождение в едином разуме как основе и источнике всего бытия – разуме, в котором они были замышлены так, чтобы пребывать во всеобщих связях. Все, что находится во взаимной гармонии, должно быть связано друг с другом в одной сущности, от которой оно зависит. Стало быть, имеется сущность всех сущностей, бесконечный разум и самостоятельная мудрость, откуда природа со всеми своими возможностями и свойствами берет свое начало. ...Ее [природы] порождения уже не дело случая, не результат стечения обстоятельств; все проистекает из нее по неизменным законам,

которые потому именно должны порождать одно лишь искусное, что они претворение премудрого замысла, исключающего все беспорядочное» (Kant, 1755, p. 147–148).

Только исходя из этих предпосылок, т.е. допуская, что «Бог вложил в силы природы таинственную способность само собою подняться из хаоса к совершенному устройству мира» (Kant, 1755, Vorrede), можно получить космологию, достойную Бога и свободную от колкостей вольнодумцев.

Кант и Ньютон: пределы совместимости

Кант неоднократно подчеркивал, в том числе и в подзаголовке *NTH*, сколь многим он обязан И. Ньютону. Действительно, кроме выяснения роли Бога в управлении природными процессами немецкий философ, отвечая реальным и возможным оппонентам, вынужден был обратиться к вопросу о том, способен ли слабый человеческий интеллект познать глубинные тайны и механизмы природы. Однако из текста *NTH* не видно, что в период написания этого трактата он был сильно озабочен поисками ответа. Кант просто ссылается на пример *Principia* И. Ньютона: «Из всех задач естествознания ни одна не была разрешена столь правильно и точно, как вопрос об истинном строении Вселенной в целом, о законах движения и внутреннем механизме обращения всех планет – область, в которой Ньютонова философия может дать такие познания, каких мы не встречаем ни в какой иной части философии» (Kant, 1755, Vorrede).

Цель Канта, которая представлялась ему вполне достижимой: завершить работу, начатую Ньютоном, т.е. сделать для физики то, что сэр Исаак сделал для математики. Иными словами, Кант надеялся поднять «физическую часть всеобщей науки» «до того же совершенства, до которого Ньютон поднял математическую ее половину» (Kant, 1755, Vorrede). Однако на деле его космогония по своему характеру в большей мере отвечала *Principia Philosophiae* Декарта, чем *Principia* Ньютона.

И это не случайно. Какие бы заявления Кант ни делал, его отношение к идейному наследию английского ученого было весьма неоднозначным. Ньютон в глазах философа представал «великим почитателем атрибутов Бога (große Bewunderer der Eigenschaften Gottes), проявляющихся в совершенстве Его творений, сочетавший глубочайшее понимание слаженности природы с величайшим благоговением перед проявлением божественного всемогущества» (Kant, 1755, p. 120). Такое понимание взглядов Ньютона отвечало общей направленности интеллектуального движения XVIII века, получившего название физико-теология, под влиянием которой Кант находился в период написания *NTH*. И тем не менее во многих отношениях позиции Канта и Ньютона различаются весьма существенно.

Здесь необходимо сделать важное пояснение. Я не имею намерения сравнивать космогонические идеи Ньютона и Канта. Это неуместно хотя бы потому, что первый не сформулировал никаких физических гипотез относительно происхождения Солнечной системы и Вселенной в целом. Сэр Исаак вообще не касался вопросов космогонии по причине, ясно им

сформулированной в *Opticks*: «При помощи этих начал (речь идет о «началах движения (Principles of Motion)». – *И.Д.*) составлены, по-видимому, все вещи из жестких, твердый частиц, указанных выше, различным образом сочетавшихся при первом творении по замыслу разумного агента. Ибо тот, кто создал их, расположил их в порядке. И если он сделал так, то не должно философии искать другое происхождение мира, или полагать, что мир мог возникнуть из хаоса только по законам природы; но, будучи раз созданным, мир может существовать по этим законам многие века» (Newton, 1730, p. 377–378).

Таким образом, согласно Ньютону, Бог сотворил мир по собственному замыслу («Counsel») и то, как это было Им сделано – божественная тайна, которая не может быть предметом натуральной философии. Дело последней – открывать законы уже сотворенного мира.

Позиция Канта совершенно иная: во Вселенной есть явления, которые мы наблюдаем и которые объяснимы, только если мы их сопоставим, предположив некоторый единый механизм происхождения мира. Иными словами, Кант не только понимал (в отличие от своих предшественников) образование Солнечной системы не как катаклизм, а как непрерывный процесс, но и ввел в науку всеохватывающий исторический элемент, поскольку, по его глубокому убеждению, понять мир можно только опираясь на знание (пусть предположительное) механизма его происхождения.

В своей теории «механического происхождения мироздания (mechanischen Erzeugungsart des Weltbaues)» (Kant, 1755, Vorrede) Кант расширяет границы натурфилософского умозрения: сам процесс формирования планет и звезд является для него натурфилософской проблемой, решение которой он предлагает, тогда как Бог отодвигается в далекую область первопричин, как Создатель, так сказать, исходного материала и начальных условий космогенеза. Поэтому вопрос, обсуждаемый в данном разделе этой статьи, сводится к тому, насколько гипотеза «механического происхождения мироздания» Канта совместима с механикой Ньютона и общими взглядами последнего на задачи и возможности натурфилософии?

Как уже было сказано, Кант исходил из того, что в природе действуют две фундаментальные силы (притяжения и отталкивания), и дал им следующие определения: «Сила притяжения есть движущая сила, благодаря которой одна материя может быть причиной приближения к ней других материй (или, что то же самое, благодаря которой она противится отдалению других от нее).

Сила отталкивания есть та, благодаря которой одна материя может быть причиной отдаления других материй от нее (или, что то же самое, благодаря которой она противится приближению других материй к ней). Эту силу мы будем иногда называть также толкающей (treibende), а первую – тянущей (ziehende) силой» (Kant, 1786, p. 34–35). При этом он признает, что «притяжение, существенное для всякой материи, есть непосредственное действие одной материи на другую через пустое пространство (Die aller Materie wesentliche Anziehung ist eine unmittelbare Wirkung derselben auf andere durch den leeren Raum)» (Kant, 1786, p. 60).

В предисловии к *NTH* Кант ставит себе в заслугу, что «не применял никаких других сил, кроме сил притяжения и отталкивания, при рассмотрении эволюции великого порядка природы: две силы, которые обе одинаково определенны, одинаково просты... Обе заимствованы из натурфилософии Ньютона. Первая – это закон природы, который теперь установлен без сомнения (т.е. закон всемирного тяготения. – *И.Д.*). Вторая, которая, возможно, не продемонстрирована наукой Ньютона с такой отчетливостью, как первая, принимается здесь только в том ее понимании, которое никто не оспаривает, а именно в связи с тончайшим разряжением материи, как, например, в парах» (Kant, 1755, Vorrede).

Ньютон использует понятие «отталкивательных сил» в 31 вопросе *Opticks*, где упоминает о действии «attractive and repelling Powers» (Newton, 1730, 372). Объяснение основных оптических явлений сводится, по мнению английского ученого, к проявлению молекулярных притягательных и отталкивательных сил. То есть Ньютон допускает действие сил отталкивания только в области «малых движений частиц... тел (almost all the small ones [Motions] of ... Particles)» (Ibid.). В свою очередь Кант предложил некий динамический механизм, объясняющий образование и вращение планет в терминах сил притяжения и отталкивания, чего Ньютон в *Principia* не делал, поскольку не считал космогонические вопросы относящимися к области натурфилософии. (В этом аспекте подзаголовок *NTH – Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes: nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt – не вполне точен и уместен*.)

Первые признаки одобрения Кантом ньютоновской физики появились в эссе 1754 г. об осевом вращении Земли (Kant, 1754). В этом небольшом сочинении он отходит от теории вихрей Лейбница и предлагает гипотезу о тонкой и «бесконечно менее сопротивляющейся» материи, заполняющей небесное пространство – мировом эфире (Kant, 1754, No. 23, p. 2)[15]. Кант прямо приписывает Ньютону эту гипотезу. Однако Ньютон в третьей книге *Principia* (Предложение XLI, задача XXI), обсуждая движение кометы 1680 г., выражается более категорично: «Небесные пространства не имеют никакой силы сопротивления (spatia coelestia vi resistendi destitui)» (Newton, 1726, p. 514), и потому небесные тела движутся «без какого-либо заметного сопротивления (sine omni resistentia sensibili)» (Ibid., p. 407).

Впрочем, отношение Ньютона к идее мирового эфира, заполняющего все космическое пространство, со временем менялось. В первом издании *Principia* (1687) об эфире не упоминалось, но он фигурирует в первом латинском издании *Opticks* (1706) и во втором издании *Principia* (1713). Р. Уэстфолл объяснял это так: «[Ньютон] ввел эфир, чтобы дать механическое объяснение силам, которые казались оккультными поколению, воспитанному на механической философии» (Westfall, 1971, p. 395). Но в отличие от плотного материального эфира Декарта или жидкого эфира

15 Имеется в виду, что материя, заполняющая небесное пространство, оказывает много меньшее сопротивление движению тел, чем воздух.

Лейбница, эфир Ньютона должен был быть очень тонким и почти не оказывать сопротивления движению небесных тел. Бертолони Мели цитирует письмо Ньютона к Лейбницу от 17 марта 1693 г., где англичанин защищает пустое пространство и бросает вызов своему оппоненту, требуя, чтобы тот объяснил, как планеты и кометы могут беспрепятственно перемещаться через эфирную жидкость (Bertoloni Meli, 1993, p. 199). Таким образом, когда в 1755 г. Кант упоминал о «желеобразном веществе», рассеянном в первозданном космическом пространстве, его рассуждения отражали все еще продолжающуюся натурфилософскую полемику между сторонниками теории вихрей Лейбница и концепции крайне слабо сопротивляющегося движению тел эфира Ньютона. И все же важнее в контексте тематики данной статьи использование Кантом в его космогонической гипотезе идеи двух мировых сил: *Anziehung* и *Zurückstoßungskraft*.

По убеждению философа силы притяжения как таковой было совершенно недостаточно для объяснения происхождения небесных тел. Именно сочетание ньютоновского притяжения и того, что Кант назвал «механическими следствиями общих законов сопротивления (einen mechanischen Erfolg der allgemeinen Gesetze des Widerstandes)» (Kant, 1755, p. 33), объясняло, по его мнению, образование небесных тел из совершающих вихревые движения частиц первоматерии. Другой силой, ответственной за образование космических тел, была сила отталкивания, чья главная роль заключалась в том, чтобы уравновешивать силу притяжения и заставлять тонкую материю кружиться в вихрях.

Если притяжение считалось ответственным за образование все более крупных сгустков материи, которые в конечном итоге привели к появлению планет и звезд, то отталкиванию отводилась решающая роль в объяснении того, как частицы первоматерии, не сливаясь в один большой комок, начали закручиваться в вихри различной плотности. Сила отталкивания вынуждала частицы отклоняться от их прямолинейного движения, обусловленного силой тяготения, и в итоге они совершали круговые движения вокруг центра, постепенно приближаясь к нему. Для понимания сути космогонической гипотезы Канта и нюансов ее обоснования мне придется привести пространную цитату из *NTH*: «Я полагаю, что все вещества, из которых состоят небесные тела нашей солнечной системы, т.е. все планеты и кометы, были вначале разложены на свои первичные части (im Anfange aller Dinge in ihren elementarischen Grundstoff aufgelöset)[16] и заполняли все мировое пространство, в котором ныне обращаются эти уже сложившиеся тела (gebildete Körper). Такое состояние природы, если даже рассматривать его само по себе, без всякого отношения к какой-либо системе, представляется наиболее простым, какое только может последовать за небытием (das Nichts). В то время все было еще бесформенно. Образование обособленных друг от друга небесных тел, расстояние их в зависимости от силы притяжения, их форма, определяемая равновесием

16 То есть изначально существовали лишь первичные частицы.

сгустившейся материи, – все это уже позднейшее состояние (ein späterer Zustand). Непосредственно после сотворения мира природа находилась в первичном состоянии и была совершенно бесформенна. Но уже в существенных свойствах элементов, составляющих этот хаос, можно заметить признаки того совершенства, которым они обладали с самого начала, поскольку их бытие вытекает из вечной идеи божественного разума. ...И более всего способствует упорядочению природы и выходу ее из состояния хаоса наличие различных видов элементов, благодаря чему нарушается покой, который царил бы, если бы рассеянные элементы были во всех отношениях одинаковы, и в точках, где притяжение частиц наиболее сильно, начинает зарождаться хаос (das Chaos in den Punkten der stärker anziehenden Partikeln sich zu bilden anfängt). ...Поэтому вещества с наибольшей плотностью и силой притяжения, которые сами по себе занимают меньше пространства и более редки, оказываются при равномерном распределении в мировом пространстве более рассеянными, чем более легкие виды. <...>

В наполненном указанным образом пространстве всеобщий покой длится только одно мгновение. Элементы, коим присущи силы для приведения друг друга в движение, имеют источник жизни в самих себе. Материя с самого начала стремится к формированию. Рассеянные элементы с большей плотностью благодаря притяжению собирают вокруг себя всю материю с меньшим удельным весом; сами же они вместе с материей, которую они присоединили к себе, собираются в тех точках, где находятся еще более плотные частицы, а эти частицы точно так же собираются вокруг еще более плотных и т.д. Мысленно прослеживая это формирование природы на всем пространстве хаоса, можно легко увидеть, что конечным результатом этого взаимодействия было бы образование различных сгустков (Klumpen), которые, завершив свое формирование, вечно находились бы в состоянии покоя и неподвижности благодаря равенству притяжения.

Однако природа имеет в запасе еще другие силы (andere Kräfte), которые проявляются главным образом тогда, когда материя разложена на мельчайшие частицы; благодаря им эти частицы отталкивают друг друга и своим сопротивлением силе притяжения порождают то движение, которое представляет собой как бы долговечную жизнь природы (ein dauerhaftes Leben der Natur). Благодаря этой отталкивающей силе, которая обнаруживается в упругости паров, в истечении сильно пахнущих тел и в летучести всех веществ, содержащих спирт, и которая есть неоспоримое явление природы, элементы, стремящиеся к точкам притяжения, отклоняют друг друга в сторону от прямолинейного движения и вертикальное падение преобразуется в круговые движения (Kreisbewegungen) около центра притяжения. Чтобы ясно представить себе формирование мироздания, мы рассмотрим не всю бесконечную природу в целом, а отдельную систему, какова, например, наша солнечная система. Выяснив ее образование, мы по аналогии решим вопрос о происхождении миров высшего порядка и сможем охватить всю бесконечность творения единой теорией.

Итак, если в очень большом пространстве имеется точка, где притяжение находящихся там элементов действует около себя сильнее, чем в

любом другом месте, то рассеянные во всем окружающем пространстве частицы основного вещества будут падать по направлению к этой точке. В результате этого всеобщего падения прежде всего образуется в этом центре притяжения тело, которое, начавшись, так сказать, с бесконечно малого зародыша, быстро растет. Но, по мере того как увеличивается его масса, оно все с большей силой побуждает окружающие частицы присоединиться к нему. Когда масса этого центрального тела возрастает настолько, что скорость (Geschwindigkeit), с какой оно притягивает к себе частицы с больших расстояний, отклоняется в сторону из-за слабого отталкивания, коим эти частицы мешают друг другу, и превращается в боковые движения (Seitenbewegungen), которые благодаря центробежной силе могут совершаться по кругу около центрального тела, тогда возникают сильные вихри частиц, из которых каждая сама по себе описывает кривые линии, что объясняется совместным действием притягивающей силы и направленной вбок поворотной силы (durch die Zusammensetzung der anziehenden und der seitwärts gelenkten Umwendungskraft); пути этих криволинейных движений пересекают друг друга, чему содействует значительная степень рассеяния частиц в этом пространстве. В то же время эти различным образом противодействующие друг другу движения, естественно, стремятся к взаимному равновесию, т.е. к такому состоянию, при котором одно движение возможно меньше мешало бы другому. Это происходит, во-первых, потому, что частицы ограничивают движения друг друга до тех пор, пока все они не станут двигаться в одном и том же направлении; во-вторых, потому, что частицы изменяют свое вертикальное движение по направлению к центру притяжения на горизонтальное, т.е. на движение по параллельным кругам вокруг Солнца как их центра, и, стало быть, перестают взаимно пересекаться; при этом благодаря равновесию между центробежной силой и силой притяжения (durch die Gleichheit der Schwungskraft mit der senkenden) они навсегда сохраняют свободное круговое движение на той высоте, на которой они парят. Таким образом, в конце концов только те частицы остаются парящими в пространстве, которые благодаря своему падению приобрели такую скорость, а благодаря сопротивлению других частиц – такое направление, что они могут продолжать свободное круговое движение. В этом состоянии, когда благодаря приобретенным центробежным силам все частицы несутся в одном направлении и по параллельным кругам, совершая свободные круговые движения вокруг центрального тела, прекращаются борьба и соединение элементов, и взаимодействие их становится чрезвычайно слабым. Это естественный результат, к которому всегда приходит материя, охваченная взаимно противодействующими движениями. ... Тело в центре притяжения, ставшее, таким образом, главной частью планетного мира благодаря большому количеству материи, которую оно привлекло к себе, и есть Солнце, хотя в это время оно еще не обладает тем пылающим жаром, который возникает на его поверхности после того, как оно окончательно сформировалось» (Kant, 1755, p. 27–32).

Итак, свободные круговые движения первозданных частиц были результатом совместного действия двух «основных сил (*wesentliche Kräfte*)» (Ibid., p. 29) – притяжения и отталкивания, что породило вихревые движения, игравшие ключевую роль в кантовой космогонии.

Кроме того, Кант, во избежание ложных ассоциаций, подчеркивает, что его механическое объяснение образования вихрей частиц никак не могло соответствовать представлениям Эпикура и Лукреция Кара, с их «совершенно бессмысленными мнениями (*unsinnigsten Meinungen*)» относительно «самопроизвольного отклонения частиц от прямой линии (Abweichung von der geradlinigten Bewegung des Falles)» (Kant, 1755, Vorrede). Не было ничего подобного и в теории вихрей Декарта, и в *Principia* Ньютона. Хотя последний использовал понятия притяжения и отталкивания уже в первом издании *Principia*, он не предполагал для них той роли, которую Кант отводил им в своей небулярной гипотезе. Кроме того, в отличие от Ньютона, Кант искал для сил, действующих в космосе, динамическое обоснование на микроуровне: силы притяжения и отталкивания в его космогонии являются результатом суммарного действия аналогичных сил между частицами первоматерии. Более того, Кант представил ньютоновское притяжение как силу, присущую материи, тогда как Ньютон, всячески открещивался от обвинений своих оппонентов (от Лейбница до Беркли) в том, что притяжение является «врожденной силой материи (vis insita; innate force)» и, возможно, оккультным качеством.

Так, во втором письме к Р. Бентли (17 января 1692 /1693) сэр Исаак писал: «Иногда вы говорите о тяготении, как о чем-то существенном и внутренне присущем материи (essential and inherent to Matter). Умоляю вас не приписывать этого мне, ибо я отнюдь не претендую на то, чтобы знать причину тяготения» (The Correspondence of Isaac Newton, vol. 3, p. 240). В четвертом письме к Бентли (25 февраля 1692/1693) он детализирует свою позицию: «Невозможно представить, чтобы неодушевленная грубая материя без посредства (Mediation) чего-либо еще нематериального могла бы действовать и оказывать влияние на другую материю без взаимного соприкосновения с ней, как это должно было быть, если тяготение, как полагал Эпикур, сущностно для материи и присуще (inherent) ей. Это одна из причин, по которой я не хотел бы, чтобы вы приписывали мне [идею] врожденного тяготения (innate Gravity). То, что тяготение должно быть врожденным, внутренне присущим материи и сущностным для нее, дабы одно тело могло воздействовать на другое на расстоянии через пустоту, без посредства какого-либо агента, посредством и при участии которого действие и сила [тел] могли бы передаваться от одного [тела] к другому, представляется мне столь вопиющей нелепостью (so great an Absurdity), что, по моему убеждению, ни один человек, способный со знанием дела судить о философских материях, не впадает в нее. Тяготение должно вызываться неким агентом, постоянно действующим по определенным законам (acting constantly according to certain Laws); материален ли этот агент или нематериален, я предоставляю судить читателям» (Ibid., p. 253–254).

Кроме того, Кант полагал, что можно, не отказываясь от представления о мире как результате воплощения божественного замысла, обойтись без идеи Бога, как «агента, *постоянно действующего* по определенным законам», т.е. обойтись без, по выражению М. Массими, «Бога, занятого поденной работой (work-day God)» (Massimi, 2011, p. 529). Кант понимал ньютоновское притяжение как имманентное тонкой эфирной материи, которая, в свою очередь, рассматривалась как каузальный агент, ответственный за конституирование Вселенной. Он исходил из того, что «пространство, в котором обращаются планеты нашей системы... совершенно пустое (vollkommen leer)[17] и лишено всякой материи, которая могла бы оказать одинаковое воздействие на эти небесные тела и вызвать у них сходные движения» (Kant, 1755, p. 24–25). И далее он ссылается на Ньютона, который, в трактовке Канта, «именно на этом основании не счел возможным допустить существование материальной причины, которая поддерживала бы своим действием общность движений во всем пространстве планетного мира. Он утверждал, что рука божья непосредственно установила этот порядок, без применения сил природы (die unmittelbare Hand Gottes habe diese Anordnung ohne die Anwendung der Kräfte der Natur ausgerichtet)» (Ibid., p. 25). Изложение Кантом физико-теологических взглядов Ньютона, конечно, не вполне точное и скорее отражает неоднозначность восприятия мыслей сэра Исаака на континенте, нежели реальные мнения и сомнения английского ученого.

Из признания того, что «при настоящем состоянии пространства, в котором обращаются тела всего планетного мира, нет материальной причины, которая могла бы сообщить им (планетам и другим небесным телам. – *И.Д.*) движения или направлять их» в силу того, что «это пространство совершенно пусто или по меньшей мере почти что пусто...», Кант делает вывод, что так *не могло быть изначально*: «Значит, когда-то оно должно было быть иначе устроенным и наполненным материей (also muß er ehemals anders beschaffen und mit genugsam vermögen der Materie erfüllet gewesen seyn), в достаточной мере способной передавать движение всем находящимся в нем небесным телам, согласуя его со своим собственным движением и, следовательно, согласуя между собой все движения». Когда же притяжение «очистило рассматриваемое пространство, собрав всю рассеянную в нем материю в отдельные сгустки (in besondere Klumpen)», планеты должны были отныне продолжать свободно и неизменно свое движение по орбитам в пространстве, уже не сопротивляющемся их движению» (Kant, 1755, p. 25–26). Таким образом, Кант, соглашаясь с Ньютоном в том, что межпланетное пространство «совершенно пусто», настаивает, что в период формирования Вселенной ситуация была иной: космическое

17 Кант делает в сноске следующее пояснение: «Я не исследую здесь вопроса о том, можно ли назвать это пространство пустым в буквальном смысле слова. Ибо здесь достаточно лишь отметить, что вся материя, которая, возможно, находится в этом пространстве, далеко не способна оказать какое-нибудь влияние на движение масс, о которых здесь идет речь».

пространство было заполнено очень слабо сопротивляющейся материей, являвшейся материальной причиной движения формирующихся планет.

Более того, по мысли Канта, в рамках представлений, изложенных в ньютоновских *Principia*, никакие объяснения образования планет и их движений невозможны, поскольку теория Ньютона описывала *уже созданный*, устоявшийся, стационарный мир. Кантовское объяснение происхождения Вселенной в конечном счете, разумеется, механистично, но в то же время оно не вмещается в рамки механики, представленной в *Principia*. На взгляд Канта – и так же полагали многие интеллектуалы его времени – Ньютон был не в состоянии объяснить, что привело планеты в движение в самом начале зарождения Вселенной, если, конечно, не прибегать к вмешательству Бога.

Замечу, что свои космогонические взгляды Кант называл «гипотезой» («я предпочитаю излагать свое мнение скорее в форме гипотезы (ich will meine Meinungen lieber in der Gestalt einer Hypothese vortragen)» (Kant, 1755, p. 26)). Возможно, причина тому коренилась в религиозных соображениях: кантианская космогония вступала в противоречие с христианской идеей творения *ex nihilo*. Неслучайно в предисловии к *NTH* он детально разъясняет, ссылаясь на пример Декарта, что его взгляды вполне совместимы с требованиями теологии. Но вполне возможно, была и другая причина представления Кантом своих идей об образовании космоса как гипотезы, причина, о которой писала М. Массими: «Называя свою точку зрения “гипотезой”, [Кант], возможно, давал понять своим читателям, что он следует почтенной традиции, допускавшей спекулятивные гипотезы в качестве инструментов научного исследования (несмотря на ортодоксальное ньютоновское “hypotheses non fingo”). Иными словами, именно спекулятивный метод ньютоновской “Оптики”, образцово представленный в “Вопросах”, прекрасно сочетается с динамическим корпускуляризмом кантианской космогонии» (Massimi, 2011, p. 529).

Кант полагал также, что различные элементы первоматерии обладают разной плотностью, при этом скопления более плотных элементов стали центрами зарождения планетарных тел. В итоге, «несмотря на то, что планеты представляют собой смесь весьма различных веществ, их массы, вообще говоря, должны быть тем плотнее, чем ближе они к Солнцу, и тем менее плотными, чем дальше они расположены от Солнца» (Kant, 1755, p. 40).

Свое объяснение «закона» изменения плотности вещества планет Кант противопоставлял ньютонианскому: «Ньютон, определивший путем вычисления плотность некоторых планет, полагал, что причину соотношения между плотностью и расстоянием следует искать в воле Бога и в мотивах конечной Его цели. Ньютон говорил, что ближайшие к Солнцу планеты должны выдерживать больший жар, а более далекие – довольствоваться меньшей степенью тепла (иными словами, планеты, расположенные ближе к центру Солнечной системы, должны быть плотнее, поскольку им приходится выдерживать мощный жар Солнца, и если бы они

имели меньшую плотность, то воспламенились бы подобно кометам. – *И.Д.*). Это представляется возможным только в том случае, если планеты, близко расположенные к Солнцу, обладают большей плотностью, а более далекие составлены из более легкого вещества. Однако не требуется большого размышления, чтобы убедиться в неудовлетворительности подобного объяснения. Планеты, например, наша Земля, состоят из очень различных видов материи; необходимо лишь, чтобы на поверхности были расположены более легкие и более проницаемые виды ее, которые легче приводятся в движение одинаковым действием Солнца и состав которых находится в определенной зависимости от излучаемого Солнцем тепла. Но отсюда вовсе не следует, что это касается смеси всей остальной материи; ведь на внутренние части планет Солнце не оказывает никакого воздействия» (Ibid., p. 40–41). Как видим, общий характер изменения средней плотности вещества планет у Ньютона и у Канта одинаковый. Но последнего не устраивало ньютонианское *объяснение* этого изменения. По мнению Канта, Ньютон ошибся, спутав плотность поверхности каждой планеты с плотностью ее внутренней части, на которую солнечное тепло повлиять не может. Для более удовлетворительного объяснения того, почему планеты имеют разную плотность, по мнению Канта, не требовалось вмешательства Бога или какого-либо божественного выбора, достаточно чисто механического представления. Таким образом, Кант отмежевывается не только от теологической позиции Ньютона, но и (в некоторых аспектах) от механики *Principia*.

И еще об одной стороне кантовской космогонии следует упомянуть. В дополнении к седьмой главе *NTH* Кант утверждал, что Солнце представляет собой смесь легких и тяжелых частиц, причем доля первых много больше. Это, по его мнению, объясняло, почему Солнце имеет плотность в четыре раза меньшую, чем Земля, и почему оно «пылающее тело, а не масса расплавленной и раскаленной материи, нагретой до высшей степени» (Ibid., p. 132). Действительно, поскольку легкие летучие частицы «наиболее активны в поддержании огня» (Ibid., p. 130), то их повышенное содержание в центральном теле Солнца привело к тому, что оно превратилось в «пылающий шар». Вместе с тем, поскольку легкие частицы считались некоторыми авторитетными исследователями активными началами огня, а «ни один огонь не горит без воздуха» (Ibid., p. 133), Кант пришел к выводу, что внутри Солнца должен находиться воздух. Более того, там должен находиться «упругий воздух (elastischer Luft)», способный «поддерживать самые сильные степени огня», и в то же время «огонь также порождает воздух путем разложения некоторых видов материи», следовательно, «в недрах Солнца есть много веществ, которые, подобно селитре, неистощимы в получении упругого воздуха, и, таким образом, огонь Солнца может продолжаться в течение очень долгих периодов, не страдая в значительной степени от недостатка всегда обновляемого воздуха» (Ibid., p. 135). Таким образом, Кант отождествлял легкие частицы первоматерии (которыми изобилует Солнце) с упругим воздухом,

образующимся при разложении селитры и питающим, в свою очередь, солнечное тепло. Как было показано в статье М. Массими, эти рассуждения опирались на эксперименты и гипотезы, изложенные в *Opticks* Ньютона, а также в работах С. Хейлса (Hales, 1727) и Г. Бургаве (Boerhaave, 1732) (Massimi, 2011, p. 532–541). Кроме того, в этой же статье было показано, что представления Канта о природе сил отталкивания опирались «на популярную традицию, идущую от Бойля к Ньютону и от Хейлса к Бургаве. ... Кант заимствовал и адаптировал оптический эфир Ньютона и упругий воздух Хейлса и использовал их так, как того не делали ни Ньютон, ни Хейлс. Кантовская идея отталкивания как упругой расширяющей силы глубоко коренится в *Opticks* Ньютона и в последующей традиции экспериментального ньютонианства, которая процветала как в Англии, так и в Нидерландах.

Эта важная экспериментальная традиция, которая изучала природу огня, задавалась вопросом об упругости воздуха, верила в эфирную жидкость как источник силы отталкивания... и которая была весьма далека от ньютоновской математической физики, которую мы так привыкли ассоциировать с философией естествознания Канта. Это вызывало у его комментаторов такое чувство неловкости, что Льюис Бек в предисловии к английскому переводу эссе [Канта] *De igne* («Об огне». – *И.Д.*) счел нужным пояснить, что эта работа является завершением давней традиции, с которой вскоре покончили Пристли, Лавуазье и Румфорд» (Massimi, 2011, p. 542).

«Руководствуясь аналогией и разумным правдоподобием»[18]

Как уже отмечалось в литературе, основа умозаключений Канта была «пугающе тонкой (erschreckend dünn)» (Krafft, 1971, p. 4): философ в основном опирался на рассуждения по аналогии, как это ранее делали Лейбниц, отчасти Ньютон и многие другие (Sticker, 1969).

Объясняя (и в известной мере оправдывая) свой стиль рассуждения, Кант писал: «От трактата такого рода вообще нельзя требовать величайшей геометрической строгости и математической непогрешимости (die größte geometrische Schärfe und mathematische Unfehlbarkeit). Когда система основана на аналогии и соответствиях (Uebereinstimmungen) и согласуется с правилами правдоподобия (Regeln der Glaubwürdigkeit) и правильного построения суждений, она достаточно удовлетворяет всем требованиям своего предмета» (Kant, 1755, Vorrede), ибо, как уверяет Кант, «поскольку предположения, в которых аналогия и наблюдение находятся в полном согласии, имеют такую же ценность для поддержки друг друга, как и формальные доказательства, то достоверность (die Gewißheit) таких систем должна считаться установленной» (Kant, 1755, p. 15), что напоминает сильные эпистемологические претензии Декарта. Кант не прописывает упомянутые им «Regeln der Glaubwürdigkeit» сколь-либо детально, но

[18] «An dem Leitfaden der Analogie und einer vernüunftigen Glaubwürdikeit» (Kant, 1755, Vorrede).

отмечает, что те его утверждения и выводы, которые относятся к вопросам происхождения Солнечной системы, им вполне удовлетворяют.

В этот период своей жизни Кант, как до него Декарт, полагал, что задача философа сводится к тому, чтобы найти методологические средства, которые не только позволят сделать надежные научные выводы, но и приведут к новым открытиям.

Движущей силой его обращения к методу аналогии стала не только психологическая уверенность в силе этого метода («*paene omne quod dicimus metaphora est*»[19]), а более масштабный метафизический принцип, который использовал Лейбниц, и который был образно сформулирован в строках любимого Кантом А. Поупа:

> *Is the great chain, that draws all to agree*
> *And draws support, upheld by God, or thee*?
>
> (Богом или тобою поддерживается та великая цепь,
> что ведет к согласию и дает опору)[20].

Именно этот принцип «великой цепи бытия» или, иначе, «принцип непрерывной шкалы творения (the Principle of the Continuous Scale of Creation) придавал аналогии в глазах Канта почти доказательную силу. Как отмечал Артур О. Лавджой: «Выражение “Великая цепь Бытия” наряду со словом “природа” было священной фразой восемнадцатого века, играя роль, аналогичную роли благословенного слова ”эволюция” в конце века девятнадцатого» (Lovejoy, 1960, p. 184). Если Кант в своих рассуждениях по аналогии с легкостью переходил от «возможного» к «вероятному», то только в силу убежденности в непрерывности и плотности градаций сущностей в сотворенной Вселенной, в уверенности, что в природе имеют место «неощутимые градации и... цепи промежуточных сущностей», позволяющие ей действовать «незаметными изменениями, и, проходя через все ступени изменений, связывать дальние свойства с ближними с помощью цепи промежуточных звеньев (vermittelst einer Kette von Zwischengliedern)» (Ibid., p. 52). Принцип непрерывности также допускал сравнение между меньшим и большим, между микро- и макрокосмами. В качестве примера можно привести рассуждения Канта об устройстве планетной системы: «то, чем является Солнце с его планетами в большом масштабе, планета с обширной сферой притяжения представляет собой в меньшем масштабе» (Kant, 1755, p. 62). Языковая конструкция «*im grossen... im kleinen*» не раз повторяется на страницах *NTH*.

Кант убежден, что аналогия «сама по себе может поднять существующую теорию механического образования небесных тел выше вероятности гипотезы и довести ее до формальной уверенности (über die

---

19 «Почти все, что мы говорим – это метафора».

20 Немецкий перевод этих строк (*Seht jene grosse Wunderkette, die alle Teile dieser Welt / Vereinet und zusammenzieht und die das grosse Ganz erhalt*) Кант привел в качестве эпиграфа к первой части *NTH* (Kant, 1755).

Wahrscheinlichkeit der Hypothese, zu einer förmlichen Gewißheit)» (Kant, 1755, p. 50).

Таким образом, Кант, опираясь на разнообразные аналогии, приходит к определенным выводам, которые преподносятся как следствия из основных положений гипотезы, после чего эти выводы сопоставляются с данными наблюдений и/или экспериментов других исследователей и в случае совпадения, философ может радостно заявить: «Если естественные и необходимые следствия теории находят такое счастливое подтверждение в действительных отношениях природы, то можно ли верить, что случайность обусловливает это согласие между теорией и наблюдением?» (Kant, 1755, p. 51). Вообще говоря, можно! И Канту пришлось в этом убедиться на опыте собственной гипотезы (о чем далее).

Разумеется, кенигсбергский философ действовал с излишней поспешностью. По сути, он воспользовался приемом «А почему бы и нет?». Из правомерного утверждения, что аналогия «всегда должна вести нас в тех случаях, когда понимание не может следовать за нитью непогрешимых демонстраций» (Ibid., p. 116), Кант, по-видимому, сделал вывод, что аналогия не может не вести нас к верному выводу. Притяжение управляет Солнечной системой, следовательно, притяжение управляет везде! Предлагая единый механизм возникновения Солнечной системы и Вселенной в целом, он исходил из аналогии, которая, по его словам, «не позволяет нам сомневаться в том, что эти системы образовались и возникли таким же образом, как и та, в которой мы находимся» (Ibid., p. 101). И это срабатывало далеко не всегда.

К примеру, Кант был уверен, что из его гипотезы следует вывод о постепенном увеличении эксцентриситета от планет к кометам (Ibid.), а также постепенном уменьшения средней плотности планет от Меркурия к Сатурну.

И в том, и в другом случае он ошибся. Эксцентриситеты планет в действительности меняются не монотонно (по совр. данным: Меркурий – 0,2056, Венера – 0,0068, Земля – 0,0167, Марс – 0,0934, Юпитер – 0,0485, Сатурн – 0,0555; по данным Канта: Венера – 1/126, Земля – 1/58, Юпитер – 1/20, Сатурн – 1/17)[21]. Кант, исходя их того, что величины эксцентриситета комет много больше планетных (скажем, эксцентриситет кометы Галлея равен 0.967), предположил, что за Сатурном есть несколько планет, которые «по непрерывной лестнице (beständige Leiter)» переходят в семейство комет (Ibid., p. 18)[22]. И угадал! Седьмая планета, Уран, была открыта

21 Кант не указал орбитальные эксцентриситеты для Меркурия и Марса (по данным его времени: 1/5 и 1/11 соответственно), ограничившись лишь упоминанием, что у этих планет «гораздо больший эксцентриситет, чем это допускается их расстоянием от Солнца», и квазиобъяснением этого факта («на долю некоторых планет пришлась при их образовании меньшая масса, что повлекло за собой слабость толчка, необходимого для кругового движения») (Kant, 1755, p. 18).

22 Кант предположил, что Сатурн когда-то был кометой, эксцентриситет которой медленно уменьшался, пока эта комета не стала планетой (Ibid., p. 62).

Гершелем в 1781 г. Но оказалось, что ее орбита, вопреки ожиданиям Канта, имеет меньший эксцентриситет (0.0463), чем орбита Сатурна.

Когда в 1791 г. И.Ф. Гензихен попросил у Канта разрешения опубликовать отрывки из *NTH*, последний ответил: «... Я прошу вас добавить пояснение примерно такого рода. ... Опасение, что несколько публичных и частных запросов, касающихся «Естественной истории и теории небес» Канта 1755 года, могут послужить поводом к появлению нежелательного нового издания, подвигло ее автора предложить мне сделать выписку из этого труда, содержащую самое существенное, с учетом, однако, большого прогресса, который был сделан астрономией со времени его публикации, которую я и помещаю здесь, после его просмотра и одобрения автором» (Kant, 1922, Bd. 12 (2), p. 252)[23].

Просьба Канта была исполнена, в опубликованном Гензихеном реферате *NTH* о монотонно возрастающем изменении эксцентриситетов планет не упоминалось.

Более того, в 1797 г. Кант писал Й.Х. Тифтрунку (*J.H. Tieftrunk*), планировавшему издать ранние работы философа: «Я согласен с вашим предложением собрать и опубликовать мои небольшие сочинения, однако я бы хотел, чтобы мои работы, вышедшие ранее 1770 года в него бы не вошли...» (Ibid., Bd. 12 (3), p. 208).

Кант не дожил до того времени, когда выяснилось, что средние плотности планет, опять-таки вопреки его гипотезе, не убывают монотонно по мере их удаления от Солнца (совр. значения в г/см^3: Солнце – 1,41, Меркурий – 5,42, Венера – 5,25, Земля – 5,515, Марс – 3,94, Юпитер – 1,33. Сатурн – 0,69, Уран – 1,29). Между тем этот «закон», как будет показано далее, играл в космологических фантазиях Канта весьма важную роль.

Воодушевленный своим представлением о звездных системах как «членах великой цепи всей природы (Glieder an der grossen Kette der gesammten Natur)» (Kant, 1755, p. 103) и добавляя к этому концепцию множественности миров, а также учитывая некоторые божественные атрибуты, Кант делает вывод о бесконечной протяженности физической Вселенной. Поскольку мы должны мыслить творение «как соразмерное силе Бесконечного Существа, оно не должно иметь границ», ведь «было бы нелепо представлять Божество начинающим свои действия с бесконечно малой частью Своей потенции и думать о Его бесконечной силе – хранилище истинно безмерного множества природ и миров – как о бездействующей, как о вечно закрытой в состоянии неосуществления. Не разумнее ли, или, лучше сказать, не необходимо ли представить систему Творения такой, какой она должна быть, чтобы стать свидетелем той силы, которую нельзя измерить никакими стандартами? По этой причине область раскрытия Божественных атрибутов (das Feld der Offenbarung göttlicher Eigenschaften) столь же бесконечна, как и сами эти атрибуты» (Kant, 1755, p. 105–106).

Следовательно, «Творение никогда не бывает ни законченным, ни завершенным. Оно действительно однажды началось, но никогда не

23 Это письмо Канта сохранилось только в английском переводе.

прекратится. Оно всегда занято созданием новых картин природы, новых предметов и новых миров... Ему нужно не что иное, как вечность, чтобы одушевить весь безграничный простор бесконечного протяжения пространства мирами, без числа и без конца» (Kant, 1755, p. 114–115).

Однако Кант не ограничивается приведенными выше суждениями и выдвигает еще более смелую гипотезу. Поскольку законы природы таковы, что жизнь может существовать только при определенных физических условиях, то небесные тела, на которых эти условия еще не сложились, естественно, будут необитаемы. Принцип множественности миров подразумевал, что каждое звено «великой цепи бытия» существует не столько ради всех остальных звеньев, сколько ради себя самого, точнее, ради полноты ряда форм, реализация которых была главной целью Бога при сотворении мира.

Развивая эти мысли, Кант пришел к выводу, что психические функции разумных существ, населяющих планеты Солнечной системы, обусловлены физическими характеристиками самих планет. «Несомненно, что все свои понятия и представления человек черпает из впечатлений, которые Вселенная производит на него через его тело»; даже «способность сравнивать и сочетать» эти впечатления, «которую можно назвать способностью мыслить, полностью зависит от строения материи, с которой его соединил Творец» (Ibid., p. 180). В частности, чем больше расстояние планеты от Солнца, тем меньше она получает солнечного тепла и энергии. Поэтому для того, чтобы на удаленных планетах могли существовать жизнь и разум, материя, из которой там создаются живые существа, должна быть «легче и тоньше» (т.е. обладать малой плотностью), а физиологическая структура организмов, как животных, так и растительных, должна быть более тонко и сложно организована. Следовательно, разум, обитателей Сатурна или Юпитера должен быть проворнее, чем разум землян. Отсюда, заключает Кант, вытекает закон, «степень вероятности которого немногим уступает полной уверенности» (!), согласно которому «совершенство мыслящих натур, быстрота их восприятия, ясность и живость их понятий, дошедших до них через внешние впечатления, их способность комбинировать эти понятия и, наконец, их умение пользоваться ими, словом, вся степень их совершенства, подчиняются определенному правилу, согласно которому эти натуры становятся все совершеннее и совершеннее пропорционально удаленности места их обитания от Солнца» (Ibid., p. 186–187). Но земному человеку не надо по этому поводу сильно расстраиваться, утешает читателей Кант. Да, юпитериане и сатурниане живее умом будут, но обитатели Меркурия и Венеры, если принять во внимание кантовский закон убывания плотности планет, до землян явно не дотягивают, что, конечно, радует. И в самом деле: «Какое изумительное зрелище! С одной стороны, мы видели мыслящие существа, для которых какой-нибудь гренландец или готтентот показался бы Ньютоном, а с другой, существа, которые на Ньютона смотрели бы с таким же удивлением, как мы на обезьяну» (Ibid., p. 187).

И самое любопытное, что Кант, предлагая эти захватывающие дух описания частично дематериализованных интеллигенций далеких планет,

был искренне убежден, что он действует с максимальной осторожностью и трезвостью (Ibid., p. 174). И отчасти он был прав, по крайней мере, если сравнить его живописания с тем, что можно встретить, скажем, на страницах «Бесед о множественности миров» (1686) Б. Фонтенеля и *Cosmotheoros* (1698) Х. Гюйгенса, где авторы со знанием дела детально обсуждали психологию и моральные качества инопланетян[24].

Тупость человеческого ума, путаница его представлений, крайняя склонность к ошибкам, испорченность нравственной природы человека – все это необходимые следствия зависимости его разума от средней плотности планеты Земля. Кант становится необычайно красноречивым и почти лиричным, когда рассматривает счастливое состояние юпитериан и сатурниан, коим повезло жить на планетах небольшой средней плотности: «каких только успехов в познании не достигнет проницательность этих блаженных существ, населяющих высшие небесные сферы! И сколь замечательно эта ясность познания может отразиться на их нравственном состоянии!» (Ibid., p. 188)[25].

Две вещи, изумлявшие Канта – звездное небо над нами и голос категорического императива в нас – оказались тесно связанными в его небулярной гипотезе.

«Я вижу, как... начинает формироваться вещество»[26]

Разумеется, Кант, комбинируя идеи Райта, Бюффона, Декарта, Ньютона, Хейлса, Бургаве и других натурфилософов, кое-что, по-видимому, угадал, чем его работа в историко-научном плане интересна. Главное, *что* было им угадано (или по крайней мере, хотя бы относительно сопоставимо с тем, что стало известно науке за без малого три столетия после публикации *NTH*), это идея образования Солнечной системы из пылевой туманности. И все! Остальное – это в основном лихтенберговский нож без ручки, у которого нет лезвия.

За пределами этой главной, в общем-то умозрительной, идеи начинается длинная череда столь же умозрительных суждений, своего рода выборов пути на развилках мысли:

– была ли эта туманность изначально холодной или горячей? Кант выбирает первое допущение;

– по каким причинам в исходном облаке образовались уплотнения, из которых затем сформировались планеты, в результате игры двух сил (притяжения и отталкивания) или по причине остывания исходного вращающегося газового облака? Кант склоняется к первой возможности;

---

24 Возможно, интерес к интеллектуальным и моральным качествам инопланетян возник у Канта после прочтения *Arcana Coelestia* (1749–1756) Сведенборга, сочинения, которое он позднее спародировал в своей анонимно изданной брошюре «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766).

25 Разумеется, Кант не преминул воспользоваться тем фактом, что период вращения Юпитера равен десяти часам. Это обстоятельство, в его понимании, вполне соответствовало превосходным способностям юпитериан, которые за пять часов светового дня достигают столько же, сколько земляне за двенадцать (Ibid., p. 190).

26 «Jch sehe... den Stoff sichbilden» (Kant, 1755, Vorrede).

– расслоилась ли первоначальная туманность на вращающиеся вокруг Солнца кольца, которые затем стали сгущаться в планетные массы или в самой исходной туманности начали образовываться отдельные сгустки вещества, которые постепенно превращались в планеты? Кант предпочитает вторую гипотезу и т.д. и т.п.

Когда же философ писал: «Я испытываю чувство удовлетворения, убеждаясь, как без помощи произвольных вымыслов (ohne Beyhülfe willkührlicher Erdichtungen) созидается под действием всем известных законов движения благоустроенное целое, столь схожее с той системой мира, которая находится у нас перед глазами, что я не могу не принять его за эту самую систему» (Kant, 1755, Vorrede), он либо лукавил (в том, что касается «без помощи произвольных вымыслов»), либо пребывал в плену иллюзий. Произвольных вымыслов в *NTH* столько, что это сочинение напоминает пружину с весьма широкой растяжкой.

Для философа в этом нет ничего плохого в силу специфики философского умозрения, и Канта, не желавшего переиздавать свои работы до 1770 г., понять можно. Но в *NTH* его претензии не были чисто философскими. Если прочитать этот труд, не зная, кто был его автором, то при всех его достоинствах, он не будет выделяться в ряду многих аналогичных по жанру и стилю сочинений XVIII столетия. Но когда выясняется, что оно вышло из-под пера И. Канта... *Quod licet Jovi*...

References

1. *Allgemeine Historie der Natur nach allen ihren besondern Theilen abgehandelt; nebst einer Beschreibung der Naturalienkammer Sr. Majestät des Königes von Frankreich*. Georg Christian Grund und Adam Heinrich Holle, 1750.
2. Beiser, Frederick C. *Late German idealism: Trendelenburg and Lotze*. Oxford University Press, 2013.
3. Bertoloni Meli, Domenico. *Equivalence and priority: Newton versus Leibniz*. Clarendon Press, 1993.
4. Boerhaave, Hermannus. *Elementa Chemiae.* Apud Isaacum Severinum, 1732.
5. Brush, Stephen G. *Fruitful Encounters: The Origin of the Solar System and of the Moon from Chamberlin to Apollo*. Cambridge University Press, 1996.
6. Buffon. *Histoire naturelle, générale et particulière: avec la description du cabinet du roy. Tome premier*. De l'Imprimerie Royale, 1749.
7. *The Correspondence of Isaac Newton*. In 7 vols. Cambridge Univ. press, 1959–1977.
8. Dobbs, Betty J.T. *The Janus faces of genius: the role of alchemy in Newton's thought*. Cambridge Univ. Press, 1991.
9. Ferreiro, Larry D. *Ships and Science: The Birth of Naval Architecture in the Scientific Revolution, 1600–1800*. The MIT Press, 2006.
10. Ferrini, Cinzia. "A 'Physiogony' of the Heavens: Kant's Early View of Universal Natural History." *HOPOS*, vol. 12, no. 1, 2022, p. 261–285.
11. Gaukroger, Stephen. *The emergence of a scientific culture: science and the shaping of modernity, 1210–1685.* Oxford University Press, 2006.
12. Gaukroger, Stephen. "Kant and the nature of matter: Mechanics, chemistry, and the life sciences." *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 58A, iss. 1, 2016, p. 108–114.
13. Hales, Stephen. *Vegetable Staticks: or, an Account of some Statical Experiments on the Sap in Vegetables*. W. & J. Innys, 1727.
14. Hastie, William. *Kant's Cosmogony: As in his essay on the retardation of the rotation of the earth and his Natural history and theory of the heavens*. J. Maclehose & Sons, 1900.
15. Herschel, William. "On the Construction of the Heavens." *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, vol. 75, 1785, p. 213–266.

16. Herschel, William. *Ueber den Bau des Himmels*. Nicolovius, 1791.
17. Hoskin, Michael. “The cosmology of Thomas Wright of Durham.” *Journal for the HIstory of Astronomy*, vol. 1, no 1, 1970, p. 44–52.
18. Kant, Immanuel. “Untersuchung der Frage, ob die Erde in ihre Umdrehung um die Achse, wodurch sie die Abwechselung des Tages und der Nacht hervorbringt, einige Veraenderung seit den ersten Zeiten ihres Ursprungs erlitten habe und woraus man sich ihrer versichern koenne, welche von der Koenigl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin zum Preise fuer das jetztlaufende Jahr aufgegeben worden.” *Wochentliche Königsbergische Frag- und Anzeigungs-Nachrichten*, no. 23, 8 Jun., 1754, p. 2–4, no. 24, 15 Jun., p. 4–5.
19. Kant, Immanuel. *Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes: nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt*. Petersen, 1755.
20. Kant, Immanuel. *Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseyns Gottes*. Johann Jacob Kanter, 1763.
21. Kant, Immanuel. *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*. Johann Friedrich Hartknoch, 1786.
22. Kant, Immanuel. *Kritik der Urtheilskraft*. Lagarde und Friederich, 1790.
23. Kant, Immanuel. *Gesammelte Schriften*. *Zweite Abteilung: Briefwechsel (Bd. 1–4).* Walter de Gruyter, 1922.
24. Kant, Immanuel. *Universal Natural History and Theory of the Heavens.* Transl. with introd. and notes by Stanley L. Jaki, Scottish University Press, 1981.
25. Krafft, Fritz. “Analogie–Theodizee–Aktualismus. Wissenschsaftshistorische Einführung in Kants Kosmogonie.” *Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels by Immanuel Kant.* Kindler-Verlag, 1971, p. 1–41.
26. Lovejoy, Arthur O. *The great chain of being: a study of the history of an idea.* Harper, 1960.
27. Massimi, Michela. “Kant’s dynamical theory of matter in 1755, and its debt to speculative Newtonian experimentalism.” *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 42A, iss. 4, 2011, p. 525–543.
28. Newton, Isaac. *Philosophiae naturalis Principia mathematica*. Apud Guil. & Joh. Innys, 1726.
29. Newton, Isaac. *Opticks: Or, a Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light*. William Innys, 1730.
30. Schopenhauer, Arthur. *Parerga und Paralipomena. Teil 2. (1851)*. Eberhard Brokhaus Verlag, 1947.
31. Sticker, Bernhard. “Naturam cognosci per analogiam. Das Prinzip der Analogie in der Naturforschung bei Leibniz.” *Akten des internationalen Leibniz-Kongresses Hannover, 14.–19. November 1966*. *Band 2: Mathematik–Naturwissenschaften*. F. Steiner, 1969, p. 176–196.
32. Westfall, Richard S. *Force in Newton’s Physics. The Science of Dynamics in the Seventeenth century*. MacDonald, 1971.
33. Wright, Thomas (de Durham). *An Original Theory or New Hypothesis of the Universe, Founded upon the Laws of Nature, And Solving by Mathematical Principles the General Phænomena of the Visible Creation, and Particularly the Via Lactea*. H. Chapelle, 1750.

Сведения об авторе:
Дмитриев Игорь Сергеевич, доктор химических наук, профессор, старший научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: isdmitriev@gmail.com. https://orcid.org/0000-0003-0412-4177

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 001 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-92-105

Философское построение географической научной картины мира: размышление над книгой Иммануила Канта «Физическая география»

Камкин Глеб Григорьевич

Институт географии РАН, Большая Российская энциклопедия, Москва, Россия

В статье проанализирована работа И. Канта «Физическая география», представляющая собой конспект лекций, которые философ на протяжении более 40 лет читал для студентов университета Кенигсберга. Кант разработал теорию и методологию преподавания физической географии как отрасли академического знания. Труд ученого создан в рамках «всеобщей географии» как совокупность вводных курсов лекций по основным направлениям физической географии с основами астрономии, биологии, геологии, физики и химии. Большое внимание уделено описанию мореходства того времени. Утверждается, что Кант построил обобщающую философскую картину физико-географического знания, накопленного европейцами к XVIII столетию, и подчеркнул, что изучение географии имеет важнейшее мировоззренческое значение для воспитания юношества.

Ключевые слова: физическая география, географическая научная картина мира, преподавание географической науки, XVIII век.

Philosophical Construction Of Scientific Geographical Picture of the World: Pondering on Immanuel Kant's "Physical Geography"

Gleb G. Kamkin

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Great Russian Encyclopedia, Moscow, Russia

The article analyzes the "Physical Geography" by I. Kant, a compendium of lectures the philosopher had been reading at the University of Königsberg for over 40 years. Kant developed the theory and methodology for teaching geography as a branch of academic knowledge. This work was created within the framework of universal geography as a combination of introductory courses of lectures in the main areas of physical geography with the fundamentals of astronomy, biology, geology, physics, and chemistry. Much attention is given to navigation of the time. It is argued that Kant created a general philosophical picture of geographical knowledge, accumulated by the Europeans by the 18th century, and emphasized that studying geography is of greatest worldview significance for the education of youth.

Keywords: physical geography, scientific geographical picture of the world, teaching geography, 18th century.

В преддверии торжественных мероприятий в честь 300-летия Иммануила Канта русскоязычные читатели получили замечательный подарок – впервые выполнен перевод с немецкого языка курса лекций по физической географии, прочитанных философом в XVIII столетии для студентов университета Кенигсберга.

О подготовке издания этой уникальной книги сообщала в свое время заместитель директора музея-заповедника «Музей Мирового океана» Лариса Зубина: «“Физическая география” Канта, составленная на немецком языке из записей его слушателей, увидела свет еще при жизни философа, а затем была переиздана в Германии в 1905 г. Калининградские переводчики Светлана Колбанева и Андрей Портнягин вместе с научным редактором Андреем Левченковым и редакторами Ларисой Зубиной, Людмилой Гимбицкой и Анной Сивковой выполнили перевод всей первой части данного издания, начиная с предисловия издателя Гедана (Paul Gedan) 1905 года, включая предисловие издателя Ринка (Friedrich Theodor Rinck (Rink)) 1802 года.

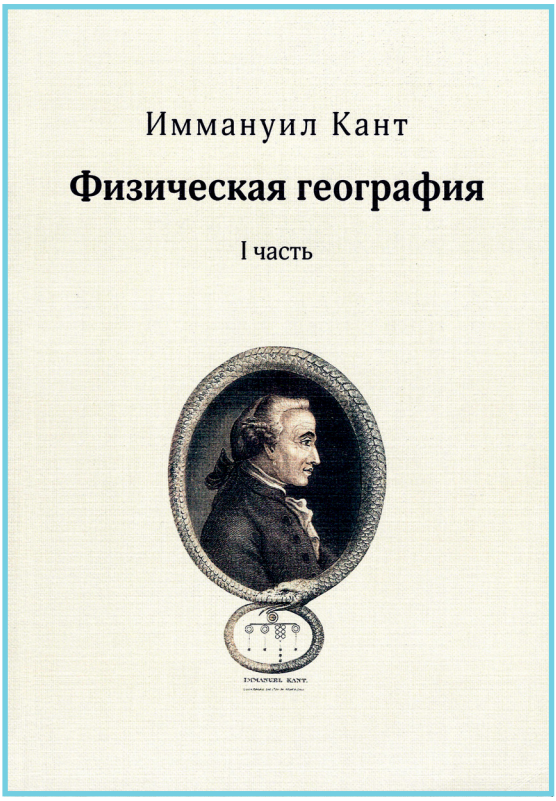


Рис. 1. И. Кант. Физическая география

Кант был одним из первых европейских мыслителей, кто начал преподавать географию в университете. Более сорока лет он разрабатывал теорию и методику преподавания географической науки, видел в географии важнейшую отрасль академического знания. Вся деятельность Музея Мирового океана направлена на представление культурного и природного наследия. И мы как музей, посвященный географии, мореплаванию, кораблестроению, не могли не обратиться к труду Иммануила Канта – первого географа Кенигсберга и одного из первых географов Западной Европы» (Информация о выходе книги «Физическая география» Иммануила Канта на русском языке на сайте музея-заповедника «Музей Мирового океана»).

Данное издание подготовлено при финансовой поддержке компании «ЛУКОЙЛ»: музей-заповедник «Музей Мирового океана» с проектом «Записи великого Канта – физическая география» является одним из победителей XVI конкурса социальных и культурных проектов ПАО «ЛУКОЙЛ»

на территории Калининградской области в 2023 г. в номинации «Духовность и культура» (Список победителей номинаций XVI конкурса социальных и культурных проектов ПАО «ЛУКОЙЛ» на территории Калининградской области в 2023 году).

Действительно, в педагогической деятельности Канта работа над курсом «Физической географии» занимает особое место. Задолго до того, как он был прославлен как философ, создавший фундаментальную систему трансцендентальной метафизики, Кант приобрел огромную популярность как лектор, поражающий воображение слушателей рассказами о путешествиях в далекие края, хотя, как хорошо известно, ни разу не покидал Кенигсберг и его окрестности. Наиболее дальние его поездки – в деревню Юдшен близ Гумбиннена (ныне находящийся в центральной части Калининградской области, почти посередине между Гусевым и Черняховском, поселок Веселовка Черняховского муниципального округа), в Остероде (ныне город Оструда Варминьско-Мазурского воеводства на северо-востоке Польши), в поместье графа Кайзерлинга под Тильзитом (ныне город Советск на севере Калининградской области на границей с Литвой) и на побережье Балтийского моря (в том числе в места добычи янтаря на морском побережье Калининградской области). Таким образом, Кант никогда не выезжал дальше 150 км от Кенигсберга.

Известный отечественный биограф «кенигсбергского затворника» А.В. Гулыга отмечал, что первый план лекций по физической географии Кант составил весной 1755 г., а осенью уже приступил к аудиторным занятиям. В годы работы в звании магистра и далее в должности приват-доцента философ имел огромную педагогическую нагрузку: минимальная была 16 часов, а максимальная – 28 часов в неделю. Биограф подчеркивал: «Особой гордостью Канта был курс физической географии. География, говорил он, – фундамент истории. Кант принадлежал к тем, кто впервые стал преподавать географию как самостоятельную дисциплину. Другие предметы он вел по готовым учебникам (при этом чем дальше, тем больше интерпретировал их по-своему), география не имела ни учебных пособий, ни обобщающих трудов. Не располагал Кант и собственными, вынесенными из путешествий впечатлениями. Их отсутствие компенсировалось чтением. Хорошая память, живое воображение, внимание к деталям и способность создать из них целостный образ помогали ему живо и точно описывать чужие края. Не покидая своего кабинета, Кант совершал кругосветные путешествия, переплывал моря, преодолевал пустыни. Преподаватель географии никогда не видел горных хребтов, а рассказывал о них так увлекательно, будто сам взбирался на недоступные вершины» (Гулыга, 1977, с. 31–32).

Известный философ Э.Ю. Соловьев упоминает выразительную деталь, подчеркивающую значимость увлечения географией для философского мышления Канта: «Широко распространено мнение, будто Кант был человеком рассудочным, которого природа просто обделила даром фантазии. В действительности все обстояло как раз наоборот. Кант был

наделен поразительно живым и мощным воображением, и главная сфера, где он давал ему волю, – это глубоко любимая им физическая география. «Кенигсбергский затворник» жил в иллюзии живого присутствия Англии, Франции, Испании. Во всех биографиях Канта приводится удивительный случай беседы с английским капитаном. Философ поинтересовался судьбой одного из возводившихся в Лондоне мостов и описал его конструкцию с такой детальной точностью, что капитан просто не мог поверить тому, что Кант никогда не бывал в Англии и не видел Лондона» (Соловьев, 2005, с. 26).

Курс «Физической географии», согласно плану Канта, выглядит следующим образом:

Два первых раздела относятся ко всей «Физической географии» и являются фактически вводными:

«Описательная география. Введение» (совокупность общегеографических рассуждений, подходов и методов),

«Основные математические понятия» (форма и размеры Земли, некоторые данные о климатических зонах и месте планеты в Солнечной системе согласно тогдашним представлениям).

Первая часть «Физической географии» (перевод ее представлен в данном издании) состоит из четырех разделов и Приложения «О судоходстве». Далее следует «Указатель имен» (181 автор).

1. «О воде» (основы океанологии и в меньшей степени гидрологии),
2. «О суше» (общие понятия и концепции геоморфологии и частично геологии),
3. «Атмосфера» (основы климатологии и метеорологии),
4. «История больших изменений» (описание динамики процессов и явлений Земли).

В предисловии 1802 г. издателя Фридриха Ринка (F.T. Rink) указано, что физическая география «требует от занимающегося ею, помимо большой начитанности в области описаний путешествий, еще и чрезвычайно точного знания природоведения, физики и химии, в некотором отношении даже математики, а также наличия опытного философского взгляда на вещи» (Кант, 2023, с. 264). Издатель точно подметил особенность физической географии, которая сохраняется и поныне: эта дисциплина является синтезом нескольких наук (геоморфологии, гидрологии, океанологии, метеорологии и климатологии, географии почв, ландшафтоведения). Именно эти области знаний, по Канту, имманентно присущи географии. Тем самым изучение процессов и явлений в физической географии требует использования многообразия методов, связанных со смежными науками (в первую очередь астрономия, математика, физика, химия, биология). Но – зададим риторический вопрос – не утратила ли современная география того, что называлось в далекие кантовские времена «философским взглядом на вещи»? Насколько уместен «философский взгляд» при современном состоянии физико-географических знаний? Об этом стоит поразмышлять в процессе чтения этого прекрасного издания.

Первый раздел начинается с общих положений. Для описания совокупностей таких сложных систем, которые представлены в географии, Кант указывает на необходимость выявления источников знаний: «При всех наших познаниях мы должны прежде всего направить наше внимание на их источники или происхождение, а затем также на план их упорядочения или на форму, а именно на то, как эти знания могут быть приведены в порядок, потому что в противном случае мы были бы не в состоянии восстановить их в памяти в тех случаях, когда они нам нужны» (Кант, 2023, с. 269). Для любого современного исследования источник происхождения знания является определяющим фактором оценки достоверности информации, ее соответствия критериям научной ценности и непротиворечивости, чтобы претендовать на представление объективной действительности. Интересно отметить особое рассуждение философа относительно использования в познании не только своего, но и чужого опыта. И это порождает некоторую познавательную проблему: «Нам, вероятно, следует заниматься только собственным опытом, но поскольку его недостаточно, чтобы познать все, ибо человек переживает лишь небольшую его часть, ввиду времени, а значит, при этом мало что может испытать, но относительно пространства, если он как раз путешествует, он сам не в состоянии наблюдать и воспринимать многие вещи, так что мы поставлены перед необходимостью использовать чужой опыт. При всем том он должен быть достоверным, и поэтому опыт, зафиксированный в письменной форме, предпочтительнее, чем опыт, выраженный лишь в устной форме» (Кант, 2023, с. 274).

«План упорядочения», по Канту, является сочетанием логической схемы стабильного состояния системы с математически и логически описанным процессом динамики ее формирования, развития, существования и разрушения (деградации, распада, энтропии в современных терминах). «Форма», согласно Канту, (организационная структура системы) позволяет определить методы, с помощью которых возможно проводить географическое исследование, и проблемы, возникающие при получении тех или иных результатов.

Кант предполагает, что природа – это мир как предмет внешнего восприятия (в то время как душа или человек являются предметами внутреннего восприятия). Здесь в какой-то мере появляется сформулированное значительно позже, в начале XX в., представление о географических объектах как о внележащих данностях (Баранский, 1960). Такое утверждение очевидно для Канта и соответствовало географической науке вплоть до середины XX в.

Почему Кант полагает, что опыт в письменной форме предпочтительнее, чем в устной? Обратим внимание: если картина мира человека статична или малоизменяема, тогда наличие письменной фиксации опыта (с учетом отсутствия «забывания информации» как фактора трансформации данных) является ключом к принятию корректных систем решений. Если же картина мира человека существенно меняется под воздействием

тех или иных факторов, тогда наличие письменного опыта в лучшем случае позволяет оценить предыдущее состояние и потенциальные тенденции, но не позволит точно определить наиболее рациональные последовательности действий и размышлений в контексте переменившихся условий. Например, в конце XX в. в развитых странах обращение за получением государственной услуги требовало личного присутствия заказчика (или его представителя) в здании или помещении, в котором работали служащие, предоставляющие соответствующие услуги. В начале XXI в. при сохранении устаревшей формы стремительно развивается цифровая система оказания государственных услуг. При этом изменения произошли в течение не нескольких поколений, а одного-двух десятилетий.

Статика в рассуждениях Канта проявляется, когда он полагает, что «вещи рассматриваются в точном соответствии с тем местом, которое они занимают на Земле» (Кант, 2023, с. 275). Сегодня такой подход называют «географическим детерминизмом», согласно которому существует строго определенное математическое решение задачи местонахождения и задачи распространения физико-географического процесса или явления.

Далее Кант выделяет «физическую географию» из множества географических наук, перечисляя наличествующие дисциплины:

«математическая география» (форма, размеры и движение Земли, взаимосвязь Земли и Солнечной системы; в современной классификации наук преимущественно относится к астрономии и космологии, в небольшой степени к общей географии; в XX в. математической географией начали называть совокупности математических моделей и методов, применяемых для изучения сложных динамических географических систем);

«моральная география» (обычаи и характеры людей в зависимости от страны; в XIX в. на этой основе возникли самостоятельные научные дисциплины – этнография и этнология),

«политическая география» (отличается от современной дисциплины указанием на высокую роль физико-географических ресурсов и особенностей для развития стран);

«география торговли» (в XX–XXI вв. расширенная до географии сферы услуг, включая географию обслуживания, в их совокупности с многочисленными взаимными пересечениями),

«теологическая география» (распространение и особенности религий в зависимости от различных природных условий).

Таким образом, с точки зрения Канта, «физическая география» не включает в себя человека в его взаимодействии с природой (поэтому, с его точки зрения, было бы странным изучение в физической географии природно-антропогенных ландшафтов и техногенных географических систем, которое типично в современном ландшафтоведении и культурной географии, начиная со второй половины XX в.).

Во втором разделе «Основные математические понятия» на базе простых рассуждений Кант показывает сферическую форму Земли и делает вывод в духе того времени об обязательном существовании на юге

Южного полушария неведомой земли (континента), которая хотя бы частично уравновешивает материки Северного полушария. Здесь интересным выводом, хотя и неверным с точки зрения современной научной картины мира, является следующее: если все силы, воздействующие на Землю, уравновешивают друг друга, то даже при движении материков и океанов полюса Земли не могут смещаться. Историко-научное «заблуждение» Канта связано с использованием механики Ньютона. Однако очевидно, что, если планета Земля не является правильным шаром или сфероидом, то воздействие всех сил, действующих на планету, приводит к смещению и материков, и океанов, и полюсов, и любых других физико-географических объектов. Другой вопрос, что колебания значений параметров функционирования географических систем могут быть в ряде случаев столь незначительными, что расширенный ареал распространения явления или процесса может восприниматься как определенное стабильное существование (хотя в общем плане методически и методологически это неверно).

Третий раздел «О воде» начинается с описания собственно воды как химического явления (с учетом новых знаний, распространенных в Европе того времени). Кант упоминает эксперименты, которые «привели к весьма вероятному предположению, что вода состоит из водорода и кислорода, причем в такой смеси, которая на сто частей содержит 15 частей первого вещества и 85 последнего. Пока еще неясно, смогут ли новейшие эксперименты с батареей Гальвани – Вольты убедить нас в обратном. Кстати, с высокой долей вероятности предполагалось, что вода может сама по себе превращаться в атмосферный воздух в результате химических изменений» (Кант, 2023, с. 306).

Далее следует описание океанов Земли, их морей, заливов и проливов. Интересно, что, несмотря на заявленный интерес Канта к математическим описаниям, он не приводит никаких данных о форме и размерах отдельных океанов, морей и других объектов. Общими словами он говорит о солености вод океана как явлении, о морских волнах и течениях (особенно связывая последние с притяжением Луны). Обращает на себя внимание контраст между строго логическим подходом и недостаточно точным и конкретным изложением материала.

Данную особенность необходимо отметить в новом историческом контексте: книга философа, изданная Фридрихом Ринком в 1802 и 1805 гг., кардинально отличается от «Картин природы» Александра фон Гумбольдта, которая увидела свет в 1808 г. (Гумбольдт, 1959) и была переиздана с изменениями и дополнениями в 1826 г. и 1849 г. У великого естествоиспытателя-эмпирика Гумбольдта живописное и красочное описание неразрывно сцеплено с рядами измерений географических зон и поясов (территориальных систем в современном понимании), а также их геометрических и тригонометрических характеристик. Можно сказать, что Кант работал в переходный период между логически выверенной, но фактологически бедной наукой XVII–XVIII вв., и менее логичной, но существенно более

содержательной наукой следующего века. В XIX столетии количество географических фактов и выявленных закономерностей стало исчисляться десятками и сотнями, и все их связать между собой в единую логически обоснованную систему стало невозможно. По этой причине исследователи-географы впоследствии сосредоточились на выявлении закономерностей в рамках частных научных дисциплин. К идеям «всеобщей географии» отдельные исследователи попытались вернуться в последней трети XX в., однако большинство научного сообщества в разных странах их не поддержало.

Четвертый раздел «О суше» написан более конкретно. Кант выделяет 6 типов стран: «протяженность и внутренние области известны», «известны лишь частично», «известны лишь побережья», те, которые «доподлинно видели, но вновь уже не нашли», «известны древним, но теперь как бы утеряны», и те, «о существовании которых можно только догадываться». Данное логическое рассуждение покрывает всю агрегированную совокупность научных географических знаний просвещенных европейцев XVIII столетия. Здесь заметно экспансионистское географическое мышление, которое соответствует расширению европейской территориальной, экономической, культурной и политической ойкумены.

Любопытно замечание Канта о пустынях как незаселенных территориях. Здесь видна как дихотомия («заселенный» / «пустой»), так и строгая формальная логика, которая «населенной» называет лишь ту территорию, где постоянно проживает какое-либо количество людей. Существенно позже, уже в XX в., географы заметили, что некоторым социальным группам свойственно вести образ жизни, напоминающий полукочевой: они имеют какое-либо постоянное жилище, но одновременно реализуют различные практики, перемещаясь в течение любых значимых временных периодов на существенные расстояния. Так, в современной Монголии на окраине Улан-Батора зимой вырастают крупные районы, состоящие из юрт, расположенных вблизи друг друга; летом владельцы юрт кочуют по степям в окрестностях столицы республики, а после выпадения снега предпочитают временно осесть там, где можно найти работу зимой, в крупном городе. В результате фактические пустыни (даже в Арктике, Антарктике и северной Африке) отсутствуют как территории, не имеющие никакого хозяйственного значения. Современное понимание термина «пустыня» следующее: это территория с крайне засушливым климатом (годичная сумма атмосферных осадков варьирует от 50 до 200–250 мм, а испаряемость намного, до 10 раз, превышает ее). Обычно в пустынях очень низкая плотность населения (менее 1 чел./км^2); большинство жителей проживают в оазисах (местах, где имеются естественные источники воды или близко к поверхности расположены грунтовые воды).

Географический детерминизм Канта приводит его к несколько неожиданному выводу о различии степеней свободы для жителей гор (преимущественно скотоводов) и равнин (в основном земледельцев); у последних часто возникает рабовладение. По мнению Канта, тоска жителя

малоплодной холодной земли по Родине является результатом неудовлетворенности жизнью и необходимости аскетизма в быту. Аргументы следующие: «Тоска по Родине ощущается особенно остро в плохих местностях, о которых природа мало позаботилась; ибо, чем больше простота жизни, тем сильнее влияние ума и желаний. Неудовлетворенность возрастает вместе с ростом последних, особенно когда человек помнит о лучшем образе жизни или видит, что в других местах дела обстоят намного лучше. Привязанность к семье тем сильнее, чем более нуждается семья и чем больше аскетизма наложила на нее природа. С другой стороны, чем больше человек обременен корыстью, как это происходит в случае с роскошью, тем меньше у него связей» (Кант, 2023, с. 390). Данный тезис, как нам кажется, не доказан и не опровергнут, так как понятие любви к Родине может быть связано с семьей, территорией, социальной группой, государством, и во всех этих случаях понимаются разные вещи. В целом кантовская дихотомия во всех приведенных им случаях выглядит рациональной, но несколько устаревшей.

Существенное внимание Кант уделяет пещерам, в том числе рукотворным, и описывает несоответствие температуры внутри пещер температуре окружающих территорий. В то же время обращает на себя внимание отсутствие изучения конкретных практических опытов, которые бы показали относительную температурную стабильность подземных объектов. Отдельное внимание Кант уделяет «истории источников, родников и истории рек». Впрочем, здесь преобладают общие рассуждения, не подкрепленные установленными фактами (за исключением указания высоты некоторых водопадов).

Пятый раздел «Атмосфера» начинается с параграфа «История воздушной сферы». Речь идет о классификации и типологии природных атмосферных процессов и явлений. Кант указывает на то, что атмосфера Земли дифференцирована на различные по своей высоте области, и перечисляет наиболее значимые, с его точки зрения, свойства атмосферного воздуха. К ним относятся влажность, сухость, соленость (к примеру, морской воздух), «чистота» (имеется в виду прозрачность и отсутствие облачности, значимые для Канта в первую очередь как идеальные условия для осуществления регулярного наблюдения астрономических явлений), полезность или вредность для здоровья (территории с таким микроклиматом, который способствует возникновению смертельно опасных заболеваний), наличие мест обитания «паразитических видов». «Воздух в каких-то местах, кажется, не выносят определенные паразиты и животные. На Мальте, в Кандии[1] нет кошек, на Гоцо[2], в Фаицце[3] отсутствуют

1 Так Кант называл остров Крит по существовавшему в XIII–XVII вв. одноименному королевству – колонии Венецианской республики и его столице (современное название – Ираклион).

2 Второй по величине остров в составе современного государства Мальта.

3 Возможно, Кант описывает область Феццан на юго-западе Ливии, южнее Триполитании и западнее Киренаики (крупнейший город – Сабха).

ядовитые змеи, в Ирландии вообще нет ядовитых животных, в охотничьем домике Айнзидель в Вюртемберге[4] нет крыс» (Кант, 2023, с. 434). Отметим: вместо «истории происхождения атмосферы» в современном смысле слова мы видим набор отдельных фактов и некоторые попытки их объяснения. Очевидно, здесь наглядно проявляется различие понятийно-терминологической базы науки XVIII и XXI вв., когда одни и те же понятия и термины употребляются в абсолютно несопоставимых контекстах.

В параграфе «О ветрах в общих чертах» Кант делает попытку показать основные причины постоянных ветров, указывая различия в температуре воздуха, циклы нагрева и охлаждения воздушных масс и некую силу «упругости воздуха» (зависящую, по его мнению, от появляющихся во время кратковременных бурь паров серы и минералов). В морской практике была создана система обозначений направлений постоянных ветров в виде модели компаса с его 32 румбами (первый вариант, заметим, таких обозначений для мореплавателей появился в XIV или XV вв. в Средиземноморье).

Следующий параграф – «Классификация ветров по их свойствам, влажности, сухости, теплу, холоду и воздействию на здоровье». Для современного исследователя было бы естественно построить такой текст, который был перенасыщен таблицами, графиками и схемами. Однако у Канта видим лишь отдельные факты и априорные заявления в духе «Западные ветры в большинстве мест влажные». Что, впрочем, имеется в виду под словом «место»? Утверждение, что западные ветры всегда влажные, для сегодняшнего дня заведомо неверно. Для определения влажности ветров требуется наличие их списка и распределение по критериям влажности и сухости. С точки зрения современной географии влажными являются западные ветра в экваториальной зоне.

В параграфе «Скорость ветров» Кант приводит весьма небольшое количество информации о скоростях различных ветров. Сущностно значимый вывод этого параграфа связан с зональностью ветров в зависимости от климатических поясов и расположения по отношению к экватору и полюсам. Последний параграф этого раздела – «О связи погоды с климатом и временами года» – посвящен отдельным примерам различий климата в разных частях планеты.

Четвертый раздел «История больших изменений, которые Земля претерпевала ранее, и претерпевает ныне» при его расширенном объеме представляет для нас особый интерес. Именно здесь появляется ряд ценных замечаний и прозорливых утверждений. Кант указывает, что на изменение облика Земли влияют землетрясения и «огнедышащие горы» (вулканы), причем верно утверждение о погружениях земель (субдукции в современной терминологии) и появлении новых островов. Кант отмечает деятельность рек и дождей, которые образуют новую сушу за счет

4 Имеется в виду Schloss Einsiedel (Kirchentellinsfurt) – дворец герцога Вюртемберга Карла Евгения, построенный в 1767–1772 гг.

наносов иловых масс. Седиментацию (в современной терминологии) философ обнаруживает и в деятельности моря. Еще один важный вывод Канта – наличие существенного влияния ветров и морозов на физико-географические процессы на Земле. Кант упоминает также об изменениях Земли под воздействием деятельности людей. В XXI в. антропогенные изменения поверхности планеты Земля считаются ведущим фактором трансформации физико-географических (не геологических!) систем.

В параграфе «Признаки изменений, которые перенесла Земля в древнейшие времена» Кант приводит известные на тот момент доказательства, что ранее море покрывало всю поверхность Земли. В современных представлениях это является заблуждением, не учитывающим динамику соотношения суши и моря в разные времена, и того, что за продолжительную геологическую историю планеты каждый элемент ее суши в какой-то момент был дном моря, и наоборот. Приведенные Кантом доказательства того, что море подчас превращается в твердую сушу и вновь в море, интересны, хотя и недостаточны. С современной точки зрения это происходит на основе стратификации верхней коры Земли; здесь логика рассуждений не нарушена, но объяснения будут в дальнейшем ходе познания скорректированы.

Далее следует «Теория Земли, или Причины ее древней истории». Добросовестно перечислены теоретические выкладки известных Канту исследователей: Бонне, Бюффона, Вудворда, Лейбница, Линнея, Моро, Уинстона. Во всех таких выкладках фигурировала некая «первичная Земля», существенно отличная от той, которая за счет резких изменений пришла к современному состоянию. Статика проявляется в том, что когда-то существовала «первичная Земля», на которой впоследствии произошли резкие изменения физико-географических параметров, приведшие нашу планету в современное, стабильное состояние. Такие теоретические представления были характерны для научной картины мира XVIII столетия.

Следующий параграф – «Попытка всестороннего объяснения древней истории Земли». В нем семь тезисов. Рассмотрим некоторые из них. Кант считал, что изначально Земля была жидкой (аналогично Фалесу Милетскому и Книге Бытия). Современные представления указывают на газообразное состояние нашей планеты в начальный период ее формирования. По мнению Канта, твердые породы изначально были морским дном.

С его точки зрения, горы тем выше, чем ближе они к экватору. Сегодня мы точно знаем, что наиболее высокие вершины расположены в Гималаях на широте между 27 и 36 градусами северной широты, но не в непосредственной близости от экватора. Следовательно, утверждение Канта лишь частично верно. По Канту, Земля под верхней корой везде полая (с современной точки зрения внутренняя часть Земли состоит из твердого ядра и раскаленной жидкой мантии; взаимодействие мантии и земной коры наиболее активно в зонах вулканической активности, где мантийная жидкость превращается в лаву).

Далее следует Приложение «О судоходстве». Само по себе оно состоит из очень краткого параграфа «О кораблях» (преимущественно о полезном объеме существовавших тогда кораблей) и более объемного параграфа «Об искусстве судоходства». В последнем параграфе Кант перечисляет, что именно, по его мнению, должен непременно знать моряк. Во-первых, философ подчеркивает значимость местонахождения, определяемого с помощью сочетания компаса и обсервации неба (наблюдения явлений в ночном небе). Во-вторых, говорится о необходимости выбора оптимального маршрута с учетом попутного ветра (что имело в те времена существенное значение ввиду использования парусного флота). В-третьих, по Канту, чтобы узнать долготу места необходимо «использовать солнечные и лунные затмения, затмение звезд Луной; однако при всем этом остаются важные ошибки, избежать которых невозможно» (Кант, 2023, с. 462).

В-четвертых, значимым умением моряка, как считает Кант, является оценка пути с помощью лаглиня (веревка с узлами, к которой привязывался деревянный треугольник – лаг, используемая для замера скорости судна в узлах) и песочных часов. Здесь Кант несколько отстает от современной ему действительности. В XVIII в. английский изобретатель, часовщик-самоучка Джон Гаррисон создал морской хронометр, т.е. первые часы, которые точно определяли время в любой точке Земли. В течение этого столетия морские хронометры получили широкое распространение и позволили значительно упростить мореплавание. Вместо прежних приключений и сопутствующих им географических открытий моряки могли теперь совершать регулярные рейсы, четко определяя свои маршруты, рассчитывая примерно время в пути, указывая все основные промежуточные порты и ключевые точки на маршрутах.

Пятый важный навык моряка, по Канту, умение отметить расхождение подсчетов дней, проведенных на суше, и дней, проведенных на море. При кругосветных путешествиях, как он указывает, можно либо «проиграть», либо «выиграть» день в зависимости от генерального направления движения. Помимо того, Кант полагает необходимым (во вторую очередь) знание контуров побережий, глубин морей, свойств якорного грунта, скал и утесов, преобладающего прибоя, постоянных ветров, муссонов и штормов.

Далее следует значительный по объему именной указатель, 181 автор. В нем представлены известные ученые, в том числе в области естественнонаучного познания, при этом – десятки физиков и астрономов, но мало географов (что объясняется, вероятно, как еще относительно небольшим количеством специалистов, так и научными интересами Канта).

Характеризуя эту работу известнейшего философа в целом, можно сказать следующее.

Первое: перед нами конспект университетского курса по физической географии – сухой, логически четкий, ясный и достаточно понятный. (Не будем забывать, что перед нами – конспект, который делали слушатели, а

не собственный текст философа!) Кант пытался выстроить целостную научную картину географии, пусть и с многочисленными «ошибками» и кажущимися, на первый взгляд, «странными» утверждениями. Последние, впрочем, вполне соответствовали философскому мышлению XVIII в., но уже не были совместимы с географической картиной мира, которая активно строилась исследователями начала XIX в. Издание «Физической географии» Канта крайне интересно для историка науки как некая граница, «водораздел» между научным мышлением раннего и позднего Нового времени.

Второе. При изучении конкретных примеров, упомянутых в тексте Канта, привлекает внимание следующий факт: географические явления, характерные для родной автору Восточной Пруссии, описаны подробно, достаточно точно, а предположения (не являвшиеся еще научными истинами на момент написания книги) в значительной мере оправданны. В то же время ряд кантовских суждений общего характера и информация о дальних странах и многих географических процессах и явлениях, конечно, не отличаются высокой степенью достоверности, даже для его времени.

Третье. Кант всегда пытается выявить причины изучаемых им процессов и явлений. Казуальность (причинность) в XIX в. становится основой научного мировоззрения и преобладает вплоть до середины XX в., полностью соответствуя рациональности так называемой «классической науки» (Степин, 2013, с. 45–47). Исследования причин процессов и явлений при признании их независимыми от деятельности человека были основой естественнонаучного познания. Именно такая причинность становится как сильной стороной мышления Канта (позволяя четко, ясно и понятно описывать многие процессы и явления), так и слабой (когда из-за недостоверных посылок и допущений следовали ошибочные выводы).

Очевидно при этом, что многолетняя педагогическая работа Канта в области географии требует не восхваления и не умаления ее значения, а четкого критического разбора и использования как базы для осмысления и развития методик преподавания современной географической науки. Помимо прочего, можно заметить, что данный курс включает изложение взглядов различных ученых, философов, путешественников и государственных деятелей, наглядно демонстрируя тем самым разнообразные элементы сложной и противоречивой географической картины мира, характерной для второй половины XVIII столетия.

Самое главное в том, что очень ярко представлено и акцентировано Кантом мировоззренческое значение изучения географии. При адаптации к современным научным представлениям аналогичный курс «Всеобщей географии» мог бы быть вполне целесообразен в программах «классического университета» любого направления (подобные курсы успешно читаются сегодня как вводные на географическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова).

Источники и литература

1. *Баранский Н.Н.* Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1960. 452 с.

2. *Гулыга А.В.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. 305 с.

3. *Гумбольдт А.* Картины природы. М.: Географгиз, 1959. 286 с.

4. Информация о выходе книги «Физическая география» Иммануила Канта на русском языке на сайте Музея-заповедника «Музей мирового океана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.world-ocean.ru/events/fizicheskaya-geografiya-kanta-vpervye-budet-izdana-na-russkom-yazyke (дата обращения 28.07.2024).

5. *Кант И.* Физическая география. I часть. / Иммануил Кант; перевод с немецкого С.Б. Колбаневой, А.П. Портнягина по изданию: Immanuel Kant. Physische Geographie, Leipzig, 1905; научный редактор А.В. Левченков; под редакцией Л.В. Зубиной, Л.А. Гимбицкой, А.В. Сивковой; ФГБКУ «Музей-заповедник “Музей мирового океана”». Калининград, 2023. 500 с.: ил.

6. *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.

7. Список победителей номинаций XVI конкурса социальных и культурных проектов ПАО «ЛУКОЙЛ» на территории Калининградской области в 2023 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kmn.lukoil.ru/FileSystem/9/620145.pdf (дата обращения 28.07.2024).

8. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

References

1. Baranskii, Nikolai N. *Ekonomicheskaya geografiya. Ekonomicheskaya kartografiya*. Geografgiz, 1960.

2. Gulyga, Arsenii V. *Kant*. Molodaya gvardiya, 1977.

3. Humboldt, Aleksander. *Kartiny prirody*. Geografgiz, 1959.

4. *Informatsiya o vykhode knigi “Fizicheskaya geografiya” Immanuila Kanta na russkom yazyke na saite Muzeya-zapovednika “Muzei mirovogo okeana”*. https://www.world-ocean.ru/events/fizicheskaya-geografiya-kanta-vpervye-budet-izdana-na-russkom-yazyke (data obrashcheniya 28. 07. 2024)

5. Kant, Immanuel. *Fizicheskaya geografiya. I chast’.* FGBKU “Muzei-zapovednik ‘Muzei mirovogo okeana’”, 2023.

6. Solov’ev, Erikh Yu. *Kategoricheskii imperativ nravstvennosti i prava*. Progress-Traditsiya, 2005.

7. *Spisok pobeditelei nominatsii XVI konkursa sotsial’nykh i kul’turnykh proektov PAO “LUKOIL” na territorii Kaliningradskoi oblasti v 2023 godu*. https://kmn.lukoil.ru/FileSystem/9/620145.pdf (data obrashcheniya 28. 07. 2024)

8. Stepin, Vyacheslav S. “Tipy nauchnoi ratsional’nosti i sinergeticheskaya paradigma.” *Slozhnost’. Razum. Postneklassika*, no. 4, 2013, pp. 45–59.

Сведения об авторе:

Камкин Глеб Григорьевич, выпускник аспирантуры Института географии РАН, научный редактор редакции российских субъектов и городов Большой Российской энциклопедии. E-mail: glebassono@mail.ru https://istina.msu.ru/workers/14967855/all/ https://bigenc.ru/a/g-kamkin-bee8fd https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-2126-8025

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 77.041.5 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-106-115

Первый живописный портрет Иммануила Канта

Кожевникова Ирина Васильевна

Независимый исследователь, Калининград, Россия

Статья посвящена первому живописному портрету И. Канта, созданному художником И.Г. Беккером в трех вариантах. Описана история создания и прослежены судьбы всех вариантов портрета.

Ключевые слова: Иммануил Кант, Иоганн Готтлиб Беккер, Кенигсберг, образ Канта в искусстве, Пермская художественная галерея, Калининградский музей изобразительных искусств.

The First Painted Portrait of Immanuel Kant

Irina V. Kozhevnikova

Independent researcher, Kaliningrad, Russia

The article is devoted to the first painted portrait of I. Kant, created in three versions by the artist I.G. Becker. The history of this portrait is described and it is traced down what happened to each of its variants.

Keywords: Immanuel Kant, Johann Gottlieb Becker, Konigsberg, Kant's image in art, Perm Art Gallery, Kaliningrad Museum of Fine Arts.

Накануне 300-летнего юбилея Иммануила Канта в Калининградском областном музее изобразительных искусств открылась выставка одной картины под названием «Кант. Калининград – Кенигсберг». В экспозиции представлен прижизненный портрет Иммануила Канта из коллекции Пермской художественной галереи – почти через 80 лет после исчезновения портрет временно вернулся в город, где был создан (Пермская государственная художественная галерея).

Присутствие, казалось, давно утраченного портрета Иммануила Канта в Музее изобразительных искусств (и шире – в городе) стало, пожалуй, самым удивительным и событием «Года Канта» в Калининграде. Перед зрителями буквально открылся портал для прямого диалога без слов, возможность заглянуть в глаза великого философа.

На портрете Иоганна Готтлиба Беккера мы видим 44-летнего Канта: создание философской системы еще впереди, но художник увидел и сумел передать в облике «элегантного магистра» предчувствие великого будущего.

На момент написания портрета, в 1768 г., Кант уже 13 лет приват-доцент Кенигсбергского университета и читает лекции по философии, математике, физике, географии и антропологии, а также два года работает помощником библиотекаря Королевской библиотеки. Его лекции вызывают большой интерес в интеллектуальных кругах города, и их посещают не



Рис. 1. Книжный магазин Кантера в бывшей ратуше Лёбенихта. Вход в магазин справа. Фото до 1876 г.

только студенты. Иоганн Готфрид Гердер[1] с 1762 по 1764 гг. учился в Альбертине и о своих студенческих годах написал в воспоминаниях: «Я наслаждался счастьем быть лично знакомым с философом, который был моим учителем. В цветущую пору своей жизни он отличался веселою бодростью юности, которая, я надеюсь, сопровождала его и в старости. Его открытый, как бы построенный для мышления лоб освещался ненарушимой ясностью и радостью, богатая мыслью речь текла с его уст, шутки, остроты и хорошее расположение духа всегда находились в его распоряжении, и его поучительная лекция была в высшей степени занимательна...» (Паульсен, 1899, с. 42).

В этот период нестабильный доход от лекций и скромное жалование (62 талера в год) в библиотеке хоть и дают материальный достаток, но не позволяют купить собственное жилье. Кант снимает две комнаты в мансарде дома издателя и книготорговца Иоганна Якоба Кантера[2]: одна – жилая, другая – учебная аудитория для проведения лекций. Дом находился на углу Альтштедтише Ланггассе (Altstädtische Langgasse) и Шмидегассе (Schmiedegasse). На первом этаже размещался книжный магазин, который И.Я. Кантер унаследовал от отца и сумел превратить в литературный

1 *Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder; 1744–1803)* – поэт, философ, один из самых влиятельных мыслителей Просвещения. В 1762 г. поступил в Альбертину, где слушал лекции Канта, а благодаря покровительству Кантера вошел в круг кенигсбергских интеллектуалов.

2 *Иоганн Якоб Кантер (Johann Jakob Kanter; 1731–1786)* был крупным книготорговцем и издателем в Кенигсберге. Сын кенигсбергского издателя Христофа Филиппа Кантера (Christoph Philipp Kanter; ум. 1764), родился в Кенигсберге, изучил книжное дело в Лейпциге и по возвращении в октябре 1760 г. принял книжный магазин отца. Другие части бизнеса перешли братьям: Даниэль Христоф Кантер (Daniel Christoph Kanter; 1725–1812) получил типографию, Филипп Христоф Кантер (Philipp Christoph Kanter; 1736–1816) – бумажное и переплетное производство, Александр Кантер (Alexander Kanter) – литейню шрифтов.

клуб и один из центров интеллектуальной жизни Кенигсберга (Карль, 1991, с. 16–17; Мир Иммануила Канта). В 1768 г. Кантер занимался перемещением магазина в здание Лебенихтской ратуши[3], которое после большого городского пожара 1764 г. было перестроено и сдавалось в аренду (Мир Иммануила Канта; Gause, 1974, s. 86–88).

Новые просторные помещения Кантер стремился украсить в духе интеллектуально-эстетических вкусов времени. Он заказал копии двенадцати бюстов античных мыслителей, привез из Берлина бюст «философа на троне» Фридриха II, а также живописные портреты философа Моисея Мендельсона (Moses Mendelssohn) и высоко ценимого в то время поэта Карла Вильгельма Рамлера (Karl Wilhelm Ramler). Портреты «своих ларов и пенатов», по образному выражению Гамана[4], Кантер заказал талантливому кенигсбергскому художнику Иоганну Готтлибу Беккеру[5].

Портреты были закончены к концу августа 1768 г. Мы это знаем из письма И.Г. Гамана к И.Г. Гердеру от 28 августа: «Кантер переедет в свой магазин на этой неделе, и он приложил немало усилий, чтобы угодить публике. Обстановка, по моему мнению, заслуживает аплодисментов. Он вырезал более дюжины старинных бюстов и привез из Берлина великолепный портрет короля, который должен стоять между Пиндаром, Цезарем, Тацитом и Плутархом... В кабинете магазина [Schreibstube des Ladens] будут живописные портреты; он привез Моисея и Рамлера из Берлина, а здесь собрал Шеффнера[6], Вилламова[7], Гиппеля[8], Линднера[9] и т.д. Кант уже также занял свое место, и вы наверняка с удовольствием увидите в

3 После объединения трех городов, составлявших Кенигсберг (1724) и реформы городского управления, единый городской магистрат с 1731 г. находился в ратуше Альтштадта.

4 *Иоганн Георг Гаман (Johann Georg Hamann; 1730–1788)* – философ и литератор, прозванный «Северным магом». Уроженец Кенигсберга и выпускник Альбертины, был мистиком и антикантианцем, но другом Канта.

5 *Иоганн Готтлиб Беккер (Johann Gottlieb Becker; 1720–1782)* – кенигсбергский художник, о котором известно мало. Родился (и, вероятно, учился) в Данциге. Преимущественно портретист, работал также в Курляндии. (Биографические справки составлены на основе данных Википедии.)

6 *Иоганн Георг Шеффнер (Johann Georg Scheffner; 1736–1820)* окончил юридический факультет и с 1765 по 1775 г. находился на госслужбе и занимался литературным творчеством. Покинув службу в 1775 г., управлял своими имениями, в 1795 г. поселился в Кенигсберге и входил в круг друзей Канта.

7 *Иоганн Готтлиб Вилламов (Johann Gottlieb Willamov; 1736–1777)* – поэт, изучал теологию и математику в Кенигсберге; в 1758 г. стал профессором греческого и латыни, в 1767 г. принял приглашение работать в Петербурге.

8 *Готтлиб фон Гиппель (Theodor Gottlieb von Hippel; 1741–1796)* окончил юридический факультет Альбертины и быстро сделал карьеру, занимал административные должности: директор Королевской уголовной коллегии, бургомистр (с 1780), обер-бургомистр (1782–1796) и провел ряд прогрессивных городских реформ. Во время учебы посещал лекции Канта, а затем стал одним из его ближайших друзей. Анонимно писал публицистические статьи, а также романы, комедии, стихи и философские трактаты. Собранная им коллекция произведений искусства стала основой Художественных собраний Кенигсберга. Теодор Гиппель послужил прообразом волшебника Дроссельмайера из сказки «Щелкунчик и мышиный король» Э.Т.А. Гофмана.

следующем году своих ларов и пенатов» (Johann Georg Hamann – Johann Gottfried Herder).

Кого подразумевал Гаман под «и т.д.», мы точно не знаем. На это есть несколько поздних мнений – например, Ф. Гаузе[10] вполне логично включает в это список Ф.С. Бока[11] (Gause, 1974, S. 88). К XX в. у наследников бизнеса И. Кантера сохранялся только портрет Канта.

Иоганн Готтлиб Беккер в 1768 г. создал три портрета Канта: эскиз пастелью, сделанный с натуры, и два схожих портрета маслом на его основе.

Эскизный портрет (45 × 36 см, бумага, пастель)

Эскизный портрет (Clasen, 1924, S. 12–13, Taf. 2) меньшего формата, написан пастелью и имеет графическую сетку – дополнительное указание на то, что это эскиз. Этот портрет Кант подарил своему брату Иоганну Генриху Канту (1735–1800), жившему в Курляндии. После его кончины вдова переехала в семью дочери Минны Шарлотты и Карла Кристофа Шен (пастора в Дурбене). В пасторском доме портрет, по свидетельствам очевидцев, висел до 1854 г. Далее он перешел к внуку, пастору Карлу Генриху Шёну (1805–1867), а затем – его внуку, учителю музыки Альфонсу Карлу Шёну (1881 – после 1930) в Либаве (Хаупт В. От Петербурга до Панамы). В настоящее время местонахождение портрета неизвестно.

На основе этого натурного эскиза были написаны два живописных портрета, немного различных в деталях. Один занял место в книжном магазине Кантера – его судьба сплелась с этим местом и прослеживается без лакун – он переходил из рук в руки вместе с помещением. Второй портрет оказался у Канта и его судьба очень витиевата.

Как уже говорилось, картина предназначалась для книжного магазина-салона в бывшей Лебенихтской ратуше, где и была размещена. В 1781 г. Кантеру пришлось отказаться от своего магазина. Помещение приобрел другой известный издатель, Готтлиб Лебрехт Гартунг (Hartung), после смерти которого (1797) магазин перешел в собственность Иоганна Филиппа Геббельса (Gebbels) и Августа Вильгельма Унцера (Unzer).

---

9 *Иоганн Готтхельф Линднер (Johann Lindner; 1729–1776)* изучал теологию и философию в Альбертине, получил степень магистра философии (1749). Занял должность преподавателя Соборной школы в Риге (1753), став ректором в 1755 г.; с 1765 г. стал профессором поэтики в Альбертине и возглавил Королевское немецкое общество (1766), посвященное литературе и языку.

10 *Фриц Гаузе (Fritz Gause; 1893–1973)* окончил Альбертину, в 1921 г. получил докторскую степень. В 1938 г. он возглавил Городской архив и Музей города Кенигсберга. После войны написал «Историю города Кенигсберга в Пруссии» в трех томах и множество статей, под его руководством был создан Музей города Кенигсберга (1968) в Дуйсбурге.

11 *Фридрих Самуэль Бок (Friedrich Samuel Bock; 1716–1785),* окончил Альбертину, в 1753 г. назначен профессором греческого языка, а в 1754 г. – богословия, в 1770 г. оставил преподавание, но сохранял должность библиотекаря до 1779 г. – эта должность связала Бока с И. Кантом, который пять лет был его помощником. Бок имел широкий круг интересов: написал первую биографию герцога Альбрехта Прусского и исследовал свойства янтаря, заново открыл утраченное знание, что янтарь является окаменевшей смолой деревьев.



Рис. 2. Портрет Канта в магазине «Грэфе унд Унцер».
Источник: Baltzer U. Eine vorbildlich Stätte deutscher Kultur im Osten // Ostdeutsche Monatshefte. September 1922, S. 248

Геббельс покинул компанию в 1808 г. В 1832 г. А.В. Унцер передал магазин своим сыну Иоганну Отто Унцеру и зятю Генриху Эдуарду Грэфе. С тех пор и до сего дня книгоиздательская компания работает под названием Gräfe und Unzer[12].

Книжный магазин Gräfe & Unzer долгое время располагался в бывшем помещении Кантера в Лебенихтской ратуше, затем в октябре 1866 г. переехал на Юнкерштрассе 17 (Junkerstraße) и, наконец, в 1873 г. – на Парадеплац 6 (Paradeplatz). Портрет Канта переходил новым владельцам как часть интерьера и менял адреса вместе с магазином.

Портрет был отреставрирован профессором Розенфельдером[13] в 1844 г. Вероятно, тогда же была добавлена табличка с каллиграфически выписанным пояснением: «Иммануил Кант, родился 22 апреля 1724 года / жил у книготорговца Кантера с 1766 по 1769 год[14] / для этого магазина написан в августе 1768 года / портретистом Беккером, умер в 1804 году 12 февраля».

В 1881 г. издательство впервые выпустило фотокопию портрета: еженедельный новостной журнал Illustrierte Zeitung (Лейпциг) 5 ноября

12 См.: https://graefe-und-unzer.de/ unternehmen/ verlagsgeschichte/

13 *Людвиг Розенфельдер (Ludwig Rosenfelder; 1813–1881)* – живописец, в 1845 г. он стал первым директором Кенигсбергской академии художеств.

14 Даты ошибочны: Кант жил у Кантера до 1777 года.

опубликовал следующее рекламное объявление: «Портрет Иммануила Канта с картины маслом августа 1768 года, написанной портретистом Беккером для книготорговца Кантера в Кенигсберге, теперь фотографически воспроизведен книготорговцем Gräfe & Unzer в Кенигсберге, которому принадлежит оригинал картины» (Illustrierte Zeitung, S. 407).

В 1944 г. портрет был вывезен из города, а в 1980 г. Национальный музей Шиллера в Марбахе-на-Неккаре, приобрел его у издательства Gräfe & Unzer (Deutsches Literaturarchiv Marbach).

Портрет, которым владел Кант (67 × 49 см, холст, масло)

Второй портрет долгое время находился вне поля зрения публики – нет сведений о том, что Беккер исполнил два портрета и нет о нем упоминаний при описаниях обстановки дома Канта современниками.

Об этом портрете мы узнаем уже после смерти Канта. Картина досталась Иоганну Людвигу Мейеру (Johann Ludwig Meyer), купившему дом Канта на Принцессин-штрассе (Prinzessinstrasse). Интересным обстоятельством является то, что изначально дом принадлежал Иоганну Готтлибу Беккеру. Кант приобрел его у вдовы художника в 1783 г. (Карль, 1991, с. 18).

Исследователь наследия Канта Ганс Файхингер[15] опубликовал письмо одной из дочерей Мейера, Йоханны Гомберт (Johanna Gombert) от 17 ноября 1898 г., в котором рассказана история портрета: «Портрет Канта находился в нашем распоряжении десятилетия, но затем, после смерти моего отца и замужества моего и сестер, мать, к нашему глубочайшему сожалению, передала его шурину моего брата, г-ну Сеттнику (Settnick) по его неоднократным просьбам; после смерти последнего портрет перешел зятю Сеттника, господину Рентиру Кинце (Rentier Kinze) в Дрездене». Это также подтверждено письмом А.В. Мейера-младшего от 13 августа 1885 г. В 1899 г. Кинце обратился к профессору Густаву Дистелю[16] с предложением продать картину. Несмотря на очень высокую цену в 1800 марок, Вальтер Симон[17] согласился приобрести ее для города Кенигсберга (1899) (Clasen, 1924). После доставки в Кенигсберг портрет выставлялся сначала в «Комнате Канта» в Городской библиотеке, а с 1928 г. – в Музее истории города, что зафиксировано в каталоге музея (Anderson, 1936, S. 17). После войны картина считалось утраченной.

---

15 *Ханс Файхингер (Hans Vaihinger; 1852–1933)* – философ и исследователь Канта; написал комментарий к «Критике чистого разума» Канта (1881/92), а также был создателем и главным редактором Kant-Studien (1897–1922) и основателем Кантовского общества (1904).

16 *Густав Дистель (Gustav Diestel)* – историк, профессор Дрезденского технического ун-та, родом из Кенигсберга. В 1897 г. он был консультантом при покупке городом Кенигсбергом другого прижизненного портрета Канта у дрезденского антиквара, эта история получила резонанс в прессе. Портрет был приобретен за 500 марок.

17 *Вальтер Симон (Walter Simon; 1857–1920)* принадлежал к семье финансовых магнатов и благотворителей, его отец был преуспевающим банкиром и возглавлял сообщество кенигсбергского купечества. Вальтер Симон изучал право, медицину и философию в университетах Тюбингена и Кенигсберга, был банкиром, благотворителем и неоплачиваемым членом городского совета, где курировал вопросы народного образования.



Рис. 3. Портрет Канта в «Комнате Канта» Музея истории города.
Открытка. 1930 г.

Как мы теперь знаем, Пермская художественная галерея приобрела портрет в 1957 г. Образ Канта был идентифицирован по надписи на подрамнике, а имя художника оставалось неизвестным. Обстоятельства покупки не были зафиксированы, а сам портрет пребывал в относительной безвестности до 2011 г., пока в рамках подготовки форума «Российский регион в глобальном мире: обретая гражданскую идентичность» (Пермь, 7–8 апреля 2011 г.) не началась работа над выставкой «Мера вещей: образ человека в русском искусстве». Куратор выставки, искусствовед и философ Евгений Барабанов[18] при знакомстве с фондами музея опознал портрет Канта как работу Беккера и сделал его «собирающей точкой» выставки. «В начале экспозиции у нас будет портрет Канта, который я обнаружил в запасниках Пермской галереи. Автор значился как «неизвестный художник», но я считаю, что это портрет работы Иоганна Готлиба Беккера, старшего современника и земляка Канта. Кант здесь не только потому, что этот портрет – интересная находка, но и потому, что пафос Московской школы политических исследований – просвещение. Кант говорит: “Просвещение – это совершеннолетие, совершеннолетие человека”. Просвещение – это то, что человек несет как ответственность, отвечает за свои поступки без каких-либо ссылок на авторитеты, власть и принимает решения сам»[19]. Портрет Канта стал камертоном форума, был замечен прессой, вышел из тени и переместился в постоянную экспозицию.

В феврале 2023 г. в Пермскую галерею пришло письмо из Манчестерского университета, в котором профессор философии Стив Нарагон (Steve Naragon) сообщил о результатах сопоставления фотоизображений. Он

18 *Евгений Викторович Барабанов (р. 1943)* – советский и российский искусствовед, историк русской философии и литературы, теолог, почетный доктор теологии Тюбингенского университета.

19 *Баталина Ю.* Горизонты Евгения Барабанова // Новый компаньон. 19.04.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newsko.ru/articles/nk-438268.html.



Рис. 4. Портрет Иммануила Канта.
И.Г. Беккер. Этюд. Пастель. 1768 г.
Источник: Clasen K.H. Kant-Bildnisse. Königsberg, 1923. Tafel 2



Рис. 5. Портрет Иммануила Канта.
И.Г. Беккер. 1768 г.
Коллекция Национального музея Шиллера. Марбах-на-Неккаре, Германия. Источник: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/BI00029184/

подтвердил, что в собрании галереи хранится портрет Канта, находившийся в доме философа при его жизни и утерянный в годы Второй мировой войны, и что портрет принадлежит кисти Иоганна Готлиба Беккера[20].

Благодаря музейному сотрудничеству в год 300-летия рождения Канта Калининградский музей изобразительных искусств принял портрет для экспонирования, и горожане получили возможность увидеть своего гениального земляка. Выставка «Кант. Калининград – Кенигсберг» стала для многих самым значимым событием «Года Канта» в Калининграде.

Для профессора университета Леонарда Александровича Калинникова, исследователя влияния идей Канта на русскую культуру, встреча с прижизненным портретом философа явилась глубоко личной историей и большой радостью. Поздравление профессора с 88-летием ознаменовалось трогательной встречей с портретом «духовного учителя»[21]. Тогда же возникла идея создания «художественного послесловия» к выставке портрета Канта. Профессора Л.А. Калинникова пригласили рассказать о

20 Пермская галерея участвует в событиях 300-летия Иммануила Канта в Калининграде. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://permartmuseum.ru/new/1082.

21 Встреча у портрета: профессор Леонард Калинников в день своего 88-летия пришел к 44-летнему Канту. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kaliningradartmuseum.ru/ about/news/ vstrecha-u-portreta-professor-leonard-kalinnikov-v-den-svoego-88-letiya- prishel-k-44-letnemu-kantu/.

своей новой книге, посвященной идеям Канта в творчестве Пушкина и Фета, а параллельно молодые художники Екатерина Гурина и Евгений Северин делали эскизы.

Перед художниками стояла задача создания «двойного портрета» с несколькими внутренними диалогами. Это диалог художников и диалог философов, к которым подключается зритель. Перекличка с сюжетом из 1768 г., а также развитие одной из значимых традиционных тем – «учитель и ученик», при этом присутствует необычный аспект – на момент визуальной встречи ученик по возрасту вдвое старше учителя.

Живописцы завершат свои работы в студийных условиях, и музей получит художественные произведения в свою коллекцию. Портрет Канта вернется в Пермь, а мы, фиксируя память о событии, закрепляем «память места» – продолжается традиция, укрепляется интеллектуальная и духовная связь через поколения.

Таким образом, и в XXI в. портрет Канта продолжает активную жизнь, участвуя в актуальных событиях общественной и художественной жизни.

В заключение хочется добавить одно предположение, косвенно связанное с портретом Канта. В Калининградском областном историко-художественном музее 16 апреля 2024 г. состоялось открытие выставки «Иммануил Кант. Время и место» на которой был представлен портрет Теодора фон Гиппеля, младшего друга Канта (Калининградский областной историко-художественный музей). Этот живописный портрет XVIII в. (64 × 51 см) стилистически близок портрету Канта. На нас жизнерадостно смотрит молодой человек с энергичным характером. Мы помним, что Гаман называет Гиппеля в числе портретируемых Беккером (Johann Georg Hamann – Johann Gottfried Herder). В 1768 г. Гиппелю было 27 лет, что вполне соответствует впечатлению от портрета.

Как сообщили сотрудники музея, этот портрет передан в 2003 г. Карлом Герхардом фон Гиппелем (Karl Gerhard von Hippel), правнучатым троюродным племянником Готтлиба Гиппеля. Вполне вероятно, что мы увидели еще один портрет, созданный Иоганном Беккером из серии, заказанной Иоганном Кантером.

Источники и литература

1. *Карль Г.* Кант и старый Кенигсберг / Пер. с нем. А.Н. Хованского. Калининград: Битекар, 1991. 32 с.

2. Мир Иммануила Канта. Трехмерная реконструкция Кенигсберга времен жизни великого философа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://worldkant.ru/

3. Калининградский областной историко-художественный музей. Предметы коллекции // Госкаталог РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10847442

4. Пермская государственная художественная галерея. Предметы коллекции // Госкаталог РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16139257

5. *Паульсен Ф.* Иммануил Кант: его жизнь и учение / Пер. с нем. Н. Лосского. СПб.: ред. журн. «Образование», 1899. 356 с.

6. Хаупт В. От Петербурга до Панамы. Генеалогия семейства Кант // Друзья Канта и Кенигсберга. [Электронный-ресурс]. Режим доступа: https://freunde-kants.wixsite.com/ freunde-kants-ru/istoriya

7. *Anderson E.* Das Kantzimmer. Verzeichnis der Kant-Andenken im Stadtgeschichtlichen Museum der Stadt Königsberg. Königsberg: Museum der Stadt Königsberg, 1936. 23 S.

8. *Clasen K.-H.* Kant-Bildnisse. Königsberg: Gräfe & Unzer, 1924. 30 S.

9. Deutsches Literaturarchiv Marbach. Schiller-Nationalmuseum. Porträt Immanuel Kant [Gemälde]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/BI00029184/

10. *Gause F.* Kant und Königsberg: Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974. Leer: Gerhard Rautenberg, 1974. 191 S.

11. Illustrierte Zeitung (Leipzig). 5 November 1881. № 2001.

12. Johann Georg Hamann – Johann Gottfried Herder. Königsberg, 28. August 1768 // Hamann, Johann Georg. Kommentierte Briefausgabe. Hrsg. Von L. Keidel und J. Reibold. Heidelberg, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hamann-ausgabe.de/HKB/Briefe/351

References

1. Karl', G. *Kant i staryj Kenigsberg*. Bitekar, 1991.

2. *Mir Immanuila Kanta. Trehmernaja rekonstrukcija Kenigsberga vremen zhizni velikogo filosofa*. [Electronic resource]. Access mode: https://worldkant.ru/

3. Kaliningradskij oblastnoj istoriko-hudozhestvennyj muzej. Predmety kollekcii. *Goskatalog RF*. [Electronic resource]. Access mode: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10847442

4. Permskaja gosudarstvennaja hudozhestvennaja galereja. Predmety kollekcii. *Goskatalog RF*. [Electronic resource]. Access mode: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16139257

5. Paul'sen, F. *Immanuil Kant: ego zhizn' i uchenie*. Ed. journal "Education", 1899.

6. Haupt, V. Ot Peterburga do Panamy. Genealogija sem'i Kantov. *Druz'ja Kanta i Kjonigsberga*. [Electronic resource]. Access mode: https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/istoriya

7. Anderson, E. *Das Kantzimmer. Verzeichnis der Kant-Andenken im Stadtgeschichtlichen Museum der Stadt Königsberg*. Museum der Stadt Königsberg, 1936.

8. Clasen, K.-H. *Kant-Bildnisse*. Gräfe & Unzer, 1924.

9. *Deutsches Literaturarchiv Marbach. Schiller-Nationalmuseum. Porträt Immanuel Kant [Gemälde]*. [Electronic resource]. Access mode: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/BI00029184/

10. Gause, F. *Kant und Königsberg: Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974*. Gerhard Rautenberg, 1974.

11. *Illustrierte Zeitung (Leipzig)*. 5 November 1881. No. 2001.

12. "Johann Georg Hamann – Johann Gottfried Herder. Königsberg, 28. August 1768." Hamann, Johann Georg. *Kommentierte Briefausgabe*. Hrsg. Von L. Keidel und J. Reibold. Heidelberg, 2000. [Electronic resource]. Access mode: https://hamann-ausgabe.de/HKB/Briefe/351

Сведения об авторе:
Кожевникова Ирина Васильевна, искусствовед, историк искусства, Калининград
E-mail: koenig.irina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

300-летие Российской академии наук

УДК 001.32 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-116-131

Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге

Аваков Петр Ашотович

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

Изучение истории создания Академии наук в Санкт-Петербурге имеет давнюю традицию, но до сих пор отсутствует ясность, каким именно распорядительным актом и в какой день она была учреждена. Последние полвека ее основание принято связывать с неверно квалифицированным указом Правительствующего Сената от 28 января 1724 г. о целевом финансировании. Указ же об «определении» академии и ее президента, в соответствии с проектом, утвержденным Петром I 22 января 1724 г., был издан уже 20 ноября 1725 г. его преемницей Екатериной I. Однако основополагающее значение в данном случае имеет разработанный Л.Л. Блюментростом по поручению Петра I проект положения о «сочинении» Академии наук, на котором император оставил несколько резолюций, что послужило толчком для воплощения задуманного.

Ключевые слова: Академия наук, Петр I, Екатерина I, юбилей.

Revisiting the Date of Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg

Pyotr A. Avakov

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Studies on the history of the establishment of the Academy of Sciences in St. Petersburg have a long tradition. However, it remains unclear what particular administrative act had instituted it and on what date. For the last half-a-century, its foundation has been associated with a misconstrued Governing Senate Ordinance of 28 January 1724 regarding its targeted funding. The ordinance on the establishment of the Academy and appointment of its President, in accordance with the draft approved by Peter the Great on 22 January 1724, was issued on 20 November 1725 by his successor, Catherine I. What is of crucial

importance, however, is the draft regulation on the creation of the Academy of Sciences, developed by Laurentius Blumentrost on Peter the Great's instruction and bearing several resolutions left by the Emperor himself, which prompted the implementation of the plan.

Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, Peter the Great, Catherine I, jubilee.

Поставленный в названии статьи вопрос отнюдь не риторический, особенно в свете того факта, что при праздновании юбилеев Академии наук начиная с 1776 г. их отчитывали строго от 1725 г. (Павлова, 1974; Кольцов, 1974; Корзун, Груздинская, 2020; Лиманова, 2023; Лиманова, 2021; Юбилеи, 2024). При этом в имперский период юбилеи отмечали с опозданием на год: 50-летие в 1776 г., 100-летие в 1826 г. и 150-летие в 1876 г. (Санкт-Петербургские ведомости, 1776, [с. 1]; Собрание актов, 1827; Торжественное собрание, 1877) Лишь в 1974 г. дату передвинули на год раньше (Комков, 1974), что получило законодательное оформление в связи с празднованием 275-летия Российской академии наук в 1999 г. Тогда указом президента России Б.Н. Ельцина № 717 от 7 июня был установлен День российской науки, приуроченный к 8 февраля (или 28 января по старому стилю) 1724 г., когда якобы была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге[1].

Изучение истории создания первого научного учреждения России имеет давнюю традицию, над этой проблемой работала целая плеяда выдающихся ученых: Г.Ф. Миллер, П.П. Пекарский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.И. Андреев, Ю.Х. Копелевич и др. (Миллер, 2006; Пекарский, 1862; Пекарский, 1870; Лаппо-Данилевский, 1914; Андреев, 1947; История, 1957, с. 30–36; Левшин,1974b; Копелевич, 1977) В 1938–1953 гг. даже функционировала специальная Комиссия по истории Академии наук (Чумакова, 2013, с. 27–37). Но некоторые аспекты данной проблемы до сих пор недостаточно изучены. В частности, отсутствует ясность, каким именно распорядительным актом и в какой день была учреждена академия. Именно поэтому при подготовке к празднованию 200-летия Академии наук СССР «долго искали дату для юбилея» и из шести возможных вариантов остановились на ее «открытии» в 1725 г., как писал в декабре 1944 г. директор академического архива Г.А. Князев (Лиманова, 2021, с. 221).

Прояснить обозначенные вопросы позволяет источниковедческий анализ оригиналов соответствующих делопроизводственных документов, а также не вполне доброкачественных публикаций некоторых из них.

Несмотря на известную вариативность при исчислении возраста Академии наук от юбилея к юбилею, в литературе впервые была названа именно та дата ее основания, которая считается в наши дни официальной. У истоков этой традиции стоит Й.Д. Шумахер, принимавший непосредственное участие в подготовке создания первого научного учреждения в России (см.: Пекарский, 1862, с. 48–52; Копелевич, 1977, с. 47–52).

1 Инициатором введения праздника был тогдашний министр науки и технологий Российской Федерации академик М.П. Кирпичников, недавно рассказавший об этом в интервью (В зоне, 2023).

В своем «Кратком изъяснении о состоянии Академии наук...», впервые опубликованном в 1741 г., он писал: «Когда Его императорское величество Петр Первый, блаженныя и вечнодостойныя памяти, по собственному мудрому усмотрению, за благо рассудил в своем государстве учредить Академию наук и художеств, то Его величество 28 генваря 1724 года[2] учиненной о Академии прожект совершено поттвердить и своеручно подписать изволил» (Палаты, 1741, с. [6]; новейшая публикация: Шумахер, 1999, с. 759–770).

Пионер исследования истории Академии наук Г.Ф. Миллер вкратце описал обстоятельства ее основания и показал, что уже в сентябре – октябре 1725 г. она фактически функционировала: проводились конференции ее членов, где заслушивались научные доклады[3]. Однако первое запротоколированное «собрание» академиков состоялось 13 ноября 1725 г., затем 27 декабря торжественно прошло «первое публичное заседание» академии, куда были приглашены «наиболее знатные особы петербургского света», а 5 января 1726 г. – «первое открытое собрание», но уже очередное, будничное (Миллер, 2006, с. 481, 483, 487–494, 533–538).

П.П. Пекарский гораздо более подробно осветил подготовительную стадию учреждения Академии наук в Санкт-Петербурге и, в частности, подчеркнул большое значение соответствующего проекта, разработанного лейб-медиком Л.Л. Блюментростом и одобренного Петром I 22 января 1724 г. (Пекарский, 1870, с. XXX–XXXI).

Исследуя роль Петра I в основании Академии наук, А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на предшествовавший появлению данного «проекта устава» так называемый «указ» императора от 20 января 1724 г. «о академии», на поверку оказавшийся его «определением» от 12 января (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 31, 38, 39) (об иной датировке данного распоряжения речь пойдет далее). Кроме того, историк назвал Шумахера соавтором Блюментроста по составлению «проекта устава» академии (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 33).

Ученик Лаппо-Данилевского А.И. Андреев, обстоятельно проанализировав широкий круг источников и историографии, представил детализированную реконструкцию процесса законодательной подготовки к созданию Академии наук и организации ее бюджетного финансирования, а также показал роль в этом Петра I и Екатерины I (Андреев, 1947, с. 303–333). Историк сделал важные источниковедческие наблюдения, которые, к сожалению, впоследствии оказались мало востребованы другими исследователями. Возможно, отчасти это объясняется нелегкой судьбой как самого Андреева (см.: Копанева, 2013, с. 314–324; Простоволосова, Станиславский, 1990, с. 14–33, 44–50; Тихонов, 2017), так и сборника статей о

2 Здесь и далее все даты приведены по Юлианскому календарю (старый стиль).

3 Два доклада академиков Я. Германа и Г.Б. Бюльфингера, сделанные в сентябре и октябре, позже были опубликованы в академическом журнале с соответствующими отметками (Hermanni, 1728, p. 1; Bülffingeri, 1728, p. 43).

Петре Великом 1947 г., в котором он опубликовал свою работу. Издание, вышедшее под его же редакцией, было подвергнуто жесткой критике идеологического характера (см.: Тихонов, 2012; Простоволосова, Станиславский, 1990, с. 28–30). И если Г.А. Князев в «Кратком очерке истории Академии наук СССР» 1945 г. безапелляционно утверждал, что задуманный и дополненный Петром I проект Академии наук 28 января 1724 г. «был объявлен именным указом из Сената» (Князев, 1945, с. 9–10), то Андреев не придавал основополагающего значения этому распоряжению. Более того, он квалифицировал его как сенатское постановление об обеспечении целевого финансирования учреждаемой Академии наук, имевшее подчиненный характер по отношению к резолюциям императора на проекте Блюментроста (Андреев, 1947, с. 318–320). Текст документа ученый процитировал по архивному подлиннику, что немаловажно. Однако при переиздании в 1957 и 1964 гг. очерка Князева, дополненного в соавторстве с А.В. Кольцовым, выводы Андреева учтены не были (Князев, Кольцов, 1957, с. 9–10; Князев, Кольцов, 1964, с. 11–12).

Кроме того, Андреев отметил, что указ императрицы Екатерины I от 20 ноября 1725 г. об «определении» Академии наук и ее президента в лице Блюментроста имел завершающий характер в ситуации, когда академики уже не один месяц проводили свои конференции (Андреев, 1947, с. 331–332).

В фундаментальной монографии Ю.Х. Копелевич, посвященной непосредственно основанию Академии наук, подведен своеобразный итог изучения этой темы отечественными историками. Примечательно, что указ Правительствующего Сената от 28 января 1724 г. она почему-то назвала «указом Сенату», ссылаясь при этом как на статью Андреева, так и на «Полное собрание законов Российской империи» и очерк Князева и Кольцова (Копелевич, 1977, с. 79). Налицо, по меньшей мере, понятийно-терминологическая путаница. В отдельной статье, пытаясь определить конкретную дату основания учреждения, Копелевич предложила рассматривать три упоминавшихся выше документа от 20, 22 и 28 января 1724 г. «как единое целое» и считать все три дня «датами официального создания Академии наук» (Копелевич, 1997, с. 153). С такой трактовкой событий сложно согласиться, поскольку эти три документа имеют разные характер, юридическую силу и направленность, а в данной ситуации основополагающее значение должен иметь первичный распорядительный документ.

Чтобы разобраться во всей этой историографической разноголосице и понять, каким образом и когда именно была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге, следует проанализировать каждый из распорядительных актов и прочих учредительных документов, которые, с точки зрения историков, могли послужить правовым основанием для ее создания. При этом важно обращать внимание на археографическую сторону вопроса, ведь от времени и качества публикации того или иного источника зачастую зависят его последующие атрибуции и интерпретации исследователями.

Итак, первым в этом ряду стоит так называемый именной указ Петра I «о академии ученья языкам»[4] от 20 января 1724 г., впервые опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи» около 1830 г. (ПСЗ, 1830, с. 207) Более качественную публикацию документа предпринял в 1945 г. Н.А. Воскресенский, назвавший его «указом Петра I Сенату о разработке законоположений о... » (Воскресенский, 1945, с. 140). При обращении к архивному подлиннику, хранящемуся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), обнаруживается, что это не указ в буквальном смысле, а составленная в канцелярии Правительствующего Сената записка под № 22 с перечнем шести вопросов (без номеров), которые предстоит решить (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 50–50 об.). Был еще седьмой, а по очереди – первый пункт «о кирпиче на Котлин», записанный вверху листа, но затем тщательно перечеркнутый. Содержание интересующего нас предпоследнего пункта предельно кратко: «О академии, в которой бы языкам учились, также протчим наукам и знатным художествам, и переводили б книги – назначить место для сего и доход» (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 50). Текст документа написан с двух сторон первой половины сложенного вдвое крупноформатного листа писчей бумаги, на обороте второй половины которого сделана заметка: «В 13 день генваря 1724 году. К записке отдано 20-го» (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 50а). Предыдущий и последующий документы архивного дела тоже датированы 20 января (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 51). То есть распоряжение о решении этих вопросов в Сенате было отдано 13 января, а 20-го его лишь записали, как верно заметил А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 38). Инициатором в данном случае, несомненно, являлся Петр I.

Вполне очевидно, что это его распоряжение не имеет учредительного характера, не связано с разработкой какого-либо законоположения и не может считаться указом о создании Академии наук, поскольку в тексте соответствующего пункта не использовано слово «учинить» или его синонимы, на что обращала внимание Ю.Х. Копелевич. Есть лишь указание Сенату определить помещение и назначить финансы для будущей академии, функции которой «обозначены здесь весьма поверхностно» (Копелевич, 1997, с. 153). Скорее, это декларация о намерении учредить ее. Более того, журнал заседаний Правительствующего Сената свидетельствует, что 13 января 1724 г. сенаторы – как с участием Петра I, так и в его отсутствие – не обсуждали вопросы, связанные с учреждением академии (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 6 об. – 7 об.). Из этого факта следует, что записка № 22 хотя и фиксирует инициативу монарха и формально может считаться его именным указом, но лишена свойства прямого действия. Кроме того, эта инициатива была облечена в письменную форму в сенатской канцелярии лишь семь дней спустя и доведена до сведения сенаторов не ранее 20 января, что, впрочем, не привело к принятию каких-либо срочных решений.

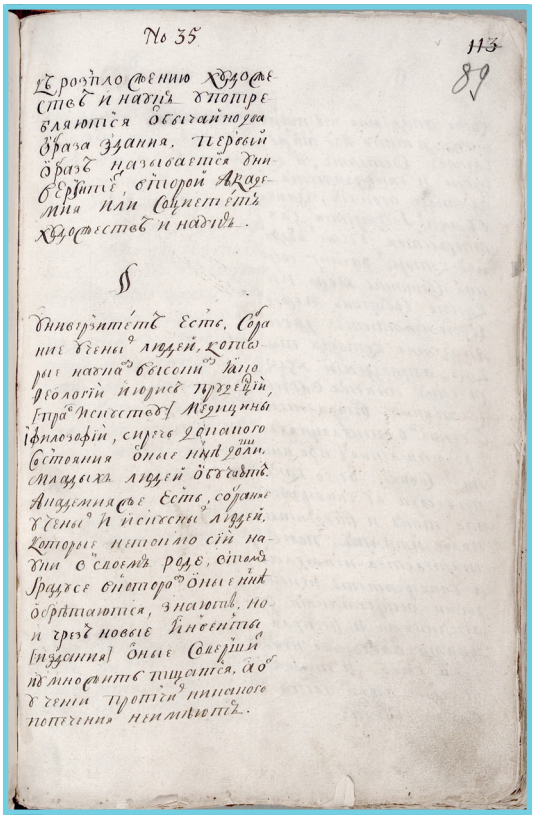
4 Цитата из публикационного заголовка.

21 января Петр I подал в Сенат собственноручную записку из шести пунктов (тоже без номеров), которая дошла до нас в копии. Ее пятый, предпоследний пункт содержит резюме будущего распоряжения «О определении почтовых денег на академию» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 53. Л. 571–571 об.). Однако указ о создании Академии наук на средства доходов почтового ведомства так и не последовал, поскольку в ближайшие дни император пересмотрел свое решение.

Прямым следствием инициативы от 13 января, как известно, стала подготовка Блюментростом другого документа без названия, впервые опубликованного в «Полном собрании законов» под заголовком «Проэкт учреждения академии с назначением на содержание оной доходов» (ПСЗ, 1830, с. 220–224). Впоследствии на протяжении 192 лет текст источника не раз перепечатывался (Материалы, 1885, с. 14–22; Уставы, 1975, с. 31–39; Уставы, 2009, с. 47–56), но еще Лаппо-Данилевский признал имевшиеся к 1914 г. публикации проекта неудовлетворительными, что спустя 33 года подтвердил и Андреев (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 40; Андреев, 1947, с. 311–313). Первая археографическая публикация документа по архивному подлиннику с резолюциями Петра I была предпринята составителями 1-го тома «Истории Академии наук СССР» (История, 1957, с. 429–435). На этот раз публикаторы точнее своих предшественников атрибутировали и озаглавили документ как «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств». В юбилейном 1974 г. директор Архива Академии наук СССР Б.В. Левшин еще раз опубликовал проект Блюментроста по подлиннику в журнале «История СССР» (Левшин, 1974a, с. 97–102). К сожалению, публикатор неверно указал место хранения документа, приведя в ссылке аббревиатуру Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА)[5]. Однако там соответствующее архивное дело хранилось до 8 февраля 1967 г., когда по акту № 1 было передано в Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА, ныне – РГАДА), где находится и по сей день (Письмо, 2020; РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 89–100). Недавно источник был частично опубликован в коллективном труде «Петр Великий и основание Петербургской академии наук», но почему-то по современной оригиналу копии из собрания Санкт-Петербургского архива РАН, что противоречит археографическим правилам (Петр Великий, 2022, с. 55–57).

Император внес в текст документа небольшую стилистическую правку и оставил на полях свои резолюции, что позволяет считать его отчасти распорядительным (рис. 1–2). Всего резолюций пять, и они касаются вопросов штатного состава и финансирования будущей Академии наук, а также организации преподавания в академическом университете и научной аттестации академиков (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 98 об. – 100; Левшин, 1974a, с. 101–102). Принципиальное значение в свете принятия последующих решений имеет последняя резолюция о выделении для

5 См. также: Левшин, 1974b, с. 18.



№ 35

113

89

К произложению художеств и наук принадлежащих вступаются обыкновенно образа здания. Первый образ называется университет, второй Академии или собрание художеств и наук.

§

Университет есть собрание ученых людей, которые наука высокой языка, диалектики, риторики, грамматики, философии, через долгого состояния оные науки знают, молодых людей обучают.

Академия есть собрание ученых и искусных людей, которые непрестанно сии науки с словесных родов, отчасти другие от авторов оные в книгах обретающихся, знающих, но и чрез новые изобретения [издания] оные совершенно умножить тщатся, а от ученых против написанного почтения не имеют.

Рис. 1. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств. Между 13 и 22 января 1724 г. (первая страница). *РГАДА*

содержания академии суммы в размере 24 912 руб. из таможенных и лицентных сборов в четырех городах Санкт-Петербургской и Рижской губерний: Нарве, Дерпте, Пернове и Аренсбурге (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 100; Левшин, 1974а, с. 102).

22 января проект Блюментроста и все вопросы, связанные с учреждением Академии наук, обсуждались в Правительствующем Сенате в присутствии Петра I. Андреев отметил, что обсуждение продолжалось четыре часа с 8 до 12 часов дня, после чего император удалился (Андреев, 1947, с. 318, 320). Данные сведения нуждаются в уточнении. Указанные четыре часа, согласно неопубликованному сенатскому журналу, длилось все утреннее заседание Сената с участием монарха, и на повестке тогда стоял ряд других вопросов, требующих решения (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 18 об. – 19). Также историк процитировал зарегистрированное в журнале распоряжение о выделении для академии подобающего каменного здания[6]: «На академию на первое время занять Шафировской двор, а потом, достроя, дом государынь царевен к тому взять, и к тому ж пристроить, что надлежит, деревянное» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 18 об.).

Итогом сенатского совещания и стал выход 28 января 1724 г. того самого указа, с которым историографическая традиция с 1741 г. связывает основание Академии наук. Первая его публикация под названием «О академии и о сумме на содержание оной» состоялась в сборнике указов Петра Великого 1714–1725 гг., вышедшем в 1739 г. и многократно переиздававшимся до 1799 г. (Сводный каталог, 1966, с. 259–260). Следует отметить, что подготовившие издание сотрудники Академии наук не только довольно точно сформулировали заголовок указа, но и поместили под его текстом археографическое примечание: «Подлинной за подписанием Правительствующаго Сената» (Указы, 1739, с. 28). Само собой

6 При передаче текста документа А.И. Андреев допустил незначительную ошибку – пропустил вторую букву «н» в слове «деревянное»; либо это опечатка наборщика (Андреев, 1947, с. 318).

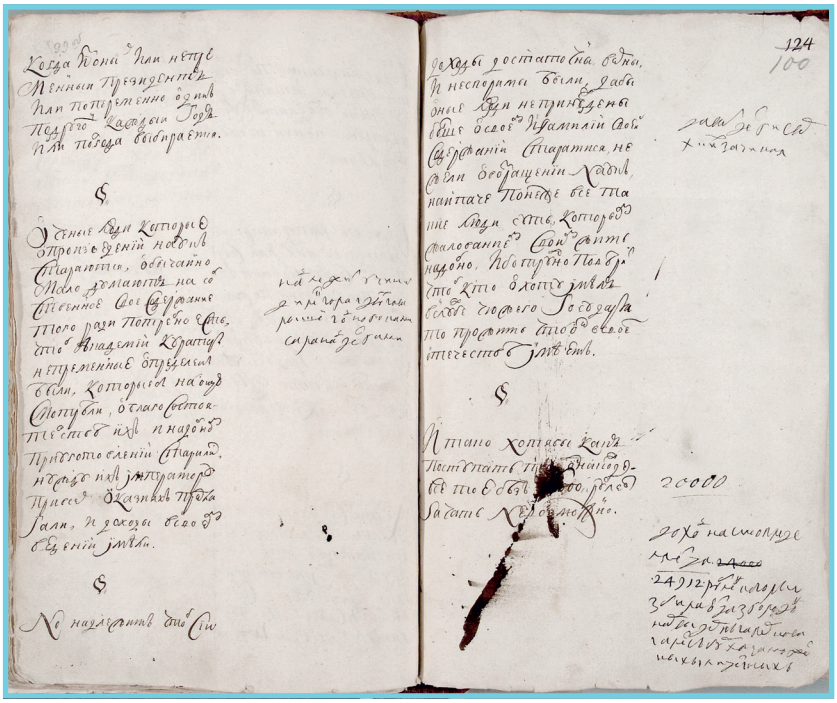


Рис. 2. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств с резолюциями императора Петра I от 22 января 1724 г. (последние страницы). *РГАДА*

разумеется, что сенатский указ не может быть именным указом монарха. К сожалению, это не было очевидно кодификаторам II отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, опубликовавшим указ в «Полном собрании законов» как «именной, объявленный из Сената». Также они неточно передали суть распоряжения в заголовке: «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов» (ПСЗ, 1830, с. 220). Предложенная Князевым и Кольцовым формулировка и вовсе абсурдна: «краткий именной указа Сената» (Князев, Кольцов, 1964, с. 11).

Делопроизводственный подлинник этого документа, представляющий собой протокол, подписанный четырьмя сенаторами (графами Ф.М. Апраксиным, А.А. Матвеевым, Г.И. Головкиным и князем В.Л. Долгоруковым) и закрепленный обер-секретарем А.А. Масловым и секретарем И.К. Кирилловым, сохранился в РГАДА (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98). Впервые текст сенатского протокола по подлиннику целиком процитировал А.И. Андреев, отметивший наличие в нем «подробностей, которые имели значение в последующей истории академии» (Андреев, 1947, с. 318–319). Отдельно источник был опубликован директором ЦГАДА М.И. Автократовой в 1974 г. в журнале «Вестник Академии наук Украинской ССР», вместе с факсимильным изображением подлинника (Автократова, 1974, с. 103–104). При этом оказалась опущенной дополнительная канцелярская помета на обороте листа: «С вышеписанного протоколу

копию взял Копнин[7] генваря 30-го дня» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98 об.). Публикатор определил документ как указ Сената «об основании в России Академии наук» (Автократова, 1974, с. 103). Однако поскольку журнал выходил в Киеве и на украинском языке, публикация осталась малоизвестной и подавляющее большинство историков продолжают использовать устаревшую публикацию в «Полном собрании законов...», повторяя характеристику документа из его ошибочного заголовка.

При чтении сенатского определения от 28 января нетрудно заметить, что в нем нет прямого распоряжения учредить Академию наук. Речь об этом действительно идет, но в мотивировочной преамбуле, где констатируется, что Петр I «указал учинить академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили б книги»[8]. Поэтому 22 января император, «будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той академии проекта, на котором собственною... рукою подписать изволил: на содержание оных определить доходы», собираемые в четырех прибалтийских городах. Далее следует прямое распоряжение, адресованное Камер-коллегии и Штатс-конторе: «И по тому его императорского величества указу Правительствующий Сенат приказал оныя доходы собирая, содержать в Рентереи, из которых отпускать в тое академию по указам из Сената, а кроме того ни на какие росходы не употреблять» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98; Автократова, 1974, с. 103–104). В «Регистере протоколу» Сената за январь 1724 г. суть этого распоряжения передана лаконичной и вполне конкретной записью: «О зборе на содержание академии денег» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Л. 47 об.).

Как заметил Андреев, сенатское постановление от 28 января касалось не всех резолюций Петра I на проекте Блюметроста, а только той, «которая была важна для финансовых коллегий» (Андреев, 1947, с. 319). Более того, из содержания документа недвусмысленно следует, что причиной выхода распоряжения Сената о целевом финансирования Академии наук являлся указ императора о ее учреждении. Поэтому нет оснований считать утвержденный монархом шестью днями ранее проект положения об учреждении академии приложением к еще не принятому тогда сенатскому указу, как это делает О.А. Кирикова в новейшем юбилейном труде (Российская академия наук, 2024, с. 23). Исходя из содержания и происхождения обоих документов, делопроизводственная связь между ними имела обратный характер.

Примечательно, что преамбула сенатского определения от 28 января 1724 г. дословно повторяет текст соответствующего пункта сенатской записки от 20 января, но не содержит информации о том, когда именно Петр I «указал учинить академию». Судя по контексту, это произошло до 22 января. Не исключено, что здесь подразумевается устное

7 Речь идет о сенатском канцеляристе Иване Копнине (Овсянников, 2020, с. 435).

8 Ю.Х. Копелевич ошибалась, утверждая, что «здесь перед нами уже прямой указ “учинить академию”» (Копелевич, 1997, с. 153).

распоряжение императора о создании материальной базы будущей академии, отданное 13 января и записанное в Сенате 20 января.

Последним звеном в цепи анализируемых источников является именной указ, изданный в 1725 г. уже императрицей Екатериной I. В «Полном собрании законов...» он датирован 7 декабря и озаглавлен как данный Сенату именной указ «о заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста» (ПСЗ, 1830, с. 553–554). Правда, в самом тексте документа слова «завести» и производных от него нет. Кроме того, на сохранившемся в Российском государственном историческом архиве оригинале документа стоит другая дата: «20 де[нь] ноября 1725 го[да]». Ниже сделана канцелярская помета: «В Сенате получен декабря 7-го дня 1725 г. Записать в книгу» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131). Получается, публикаторы выдали время объявления указа в Сенате за время его подписания монархиней, состоявшегося на 17 дней раньше. В сборнике документов «Материалы для истории Императорской академии наук» эта ошибка исправлена (Материалы, 1885, с. 158–159). Однако в «Истории Академии наук СССР» документ опять был напечатан с неверной датой – даром, что по архивному подлиннику (История, 1957, с. 435). Б.В. Левшин, тоже опубликовавший «указ господам Сенату» по оригиналу, но с правильной датой, ошибочно определил его как копию, хотя на нем видна четкая и разборчивая собственноручная подпись Екатерины I (Левшин, 1974а, с. 107). Новейшая публикация указа в коллективном труде 2022 г. сопровождается его цветной фотокопией (Петр Великий, 2022, с. 60).

Указ от 20 ноября 1725 г. имеет подробную мотивировочную часть (рис. 3). Екатерина I как бы напоминает сенаторам, что ее покойный супруг заботился «о обучении народа своего», для чего был «намерен учинить Академию наук, о которой и определение в Сенате изволил учинить в прошлом 1724-м году, генваря во 12 де[нь], и собственною своею рукою подписал; а потом профессоров и протчих потребных людей для той академии... указал выписать, которые сюда уже и прибыли» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131; Левшин, 1974а, с. 107). Здесь не вполне ясно, о каком подписанном Петром I определении от 12 января 1724 г. идет речь. А.С. Лаппо-Данилевский считал это число ошибкой – в том числе потому, что в тот день император не посещал Сенат (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 38–39). Этот вывод историка, сделанный на основании изучения «походного журнала» императора 1724 г., подтверждают и данные сенатского журнала (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 5 об. – 6). Лаппо-Данилевский был настолько убежден в своей правоте, что даже позволил себе опрометчивый шаг: при цитировании указа Екатерины I он исправил «неправильную» дату на 13 января. Однако такая датировка противоречит фактам, ведь согласно сенатскому журналу 13 января 1724 г. Петр I обсуждал с сенаторами совсем иные вопросы и не оставлял никаких резолюций на «определении» об академии, поскольку таких решений в тот день не было принято (РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 6 об. – 7 об.) – это произошло как раз 22 января.

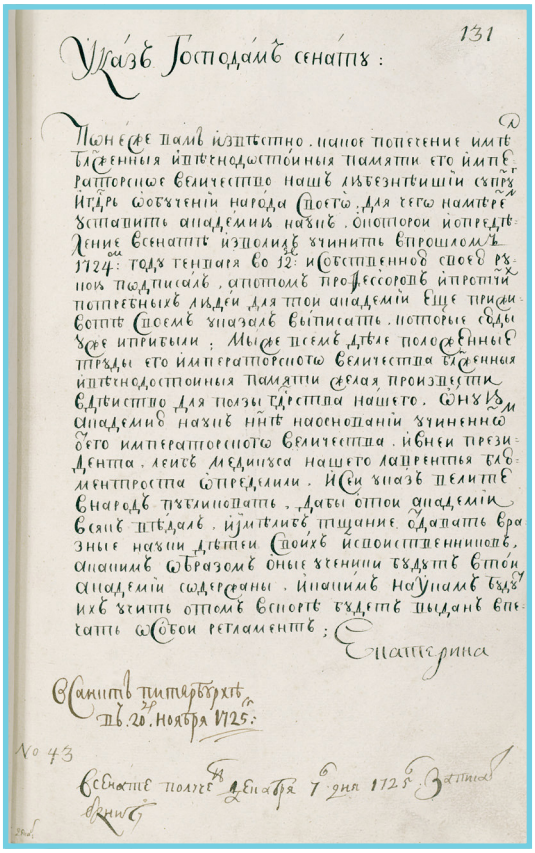


Рис. 3. Именной указ императрицы Екатерины I Правительствующему Сенату от 20 ноября 1725 г. *РГВИА*

Одновременно Лаппо-Данилевский обратил внимание на служебную «заметку», составитель которой «относит, по-видимому, дату – 12 января – к утверждению проекта» (Лаппо-Данилевский, 1914, с. 39). Содержание первого абзаца этого недатированного документа, лишенного заголовка, следующее: «В 1724-м году генваря 12-го дня по опробованному и собственноручно подписанному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государем императором Петром Великим о Академии наук проэкту на содержании оной академии определен доход – 24912 рублев, которые збираются з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенных и лицентных, которые в тое академию и отпускались по асигнациям Статс-канторы» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 1). Историк почему-то умолчал, что данная «заметка» представляет собой справку, составленную сенатским секретарем Стефаном Рогачевым для Кабинета императрицы Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. – после выхода ее указа от 24 июля 1747 г. (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 1 – 1 об.), упомянутого в тексте документа, но не ранее 14 декабря 1748 г., когда этот чиновник был переведен на службу из Канцелярии конфискации в Правительствующий Сенат (Сенатский архив, 1895, с. 447–448, 457–458, 462–463). Судя по всему, дату высочайшей апробации проекта С.С. Рогачев позаимствовал из опосредованного источника – ноябрьского указа Екатерины I 1725 г. Поэтому стоит согласиться с мнением, что она подразумевала в нем 22 января (Петр Великий, 2022, с. 60) – день, когда император утвердил в Сенате проект Блюментроста. То есть в текст указа Екатерины I вкралась техническая ошибка, вероятно – из-за описки секретаря, которая так и осталась неисправленной.

В распорядительной части указа императрица пишет: «Мы же в сем деле положенные труды Его императорского величества... желая произвести в действо... оную академию ныне, на основании, учиненном от Его императорского величества, и в ней президента... определили...» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131; Левшин, 1974а, с. 107). Получается, что она

завершает дело, начатое покойным мужем, воплощает его планы. Следовательно, ее указ имеет вторичный характер, и квалифицировать его как прямое распоряжение об учреждении Академии наук было бы неверно. Скорее, речь должна идти о ее открытии. Как справедливо отметила Копелевич, Екатерина I «явно не представляла себя основателем Академии наук» (Копелевич, 1997, с. 155). Правда, Елизавета Петровна считала иначе, что видно из преамбулы ее указа Сенату от 24 июля 1747 г.: «... наша родительница, государыня императрица Екатерина Алексеевна, имея матернее попечение о своих подданных и желая все начатые... нашим государем родителем Петром Великим труды к окончанию привести, учредила Академию наук...» (История, 1957, с. 435).

Таким образом, основополагающее значение в данном случае имеет разработанный Блюментростом по поручению Петра I проект о «сочинении» Академии наук, на котором император 22 января 1724 г. оставил несколько уточняющих резолюций, что и послужило толчком для выхода всех последующих распоряжений. Апробация монархом того или иного документа, как известно, приравнивается к изданию распорядительного акта. Было бы странно трактовать сенатское определение о бюджетном финансировании Академии наук, проект создания которой ранее уже утвердил император, как указ о ее учреждении. Само собой разумеется, что исполнение подобного указа не входило в компетенцию Камер-коллегии и Штатс-конторы. Выходит, прав был Шумахер, который констатировал в автобиографии, написанной примерно в конце 40-х гг. XVIII в., что «сочиненный» Блюментростом по заданию императора проект – «подлинное начало Санктпетербургской академии» (Копелевич, 1977, с. 52). После того как Петр I представил его Правительствующему Сенату, документ «приобрел силу закона», – писал Г.Ф. Миллер (Миллер, 2006, с. 491).

Однако в результате целой цепи недоброкачественных публикаций источников и многократного повторения их превратных трактовок «день рождения» Российской академии наук, ставший с 1999 г. и Днем российской науки, оказался приуроченным к выходу второстепенного сенатского распоряжения об обеспечении финансирования создаваемого учреждения.

Источники и литература

1. *Автократова М.И.* 250 років тому // Вісник Академії наук Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1974. № 3. С. 103–104.

2. *Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. С. 284–333.

3. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. XLIV, 602 с.

4. В зоне ответственности // Поиск. 2023. № 6 (1756). 10 февраля. С. 9.

5. История Академии наук СССР: В 3 т. / Гл. ред. К.В. Островитянов. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 484 с.

6. *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 96 с.

7. *Князев Г.А., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 158 с.

8. *Князев Г.А., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1964. 226 с.

9. *Кольцов А.В.* 200-летний юбилей Академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. № 1. С. 11–21.

10. *Комков Г.Д.* 250 лет на службе научного прогресса // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 3–15.

11. *Копанева Н.П.* К биографии А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 314–324.

12. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1977. 212 с.

13. *Копелевич Ю.Х.* О дате основания Петербургской Академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3. С. 152–155.

14. *Корзун В.П., Груздинская В.С.* 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. Т. 19. 2020. № 2. С. 374–392. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392

15. *Лаппо-Данилевский А.С.* Петр Великий – основатель Императорской академии наук в С.-Петербурге. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1914. [2], 60 с.

16. *Левшин Б.В.* Начало Академии наук в России // История СССР. 1974a. № 2. С. 94–108.

17. *Левшин Б.В.* Создание Академии наук в России // Природа. 1974b. № 1. С. 6–23.

18. *Лиманова С.А.* Выбор даты празднования 220-летия Академии наук: к предыстории «юбилейного» вопроса // Миллеровские чтения – 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы III Международной научной конференции. СПб.: Реноме, 2021. С. 218–222. DOI: 10.25990/archiveras.mc-2020.33sj-7r80 (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Вып. 20).

19. *Лиманова С.А.* 200-летний юбилей как поворотный этап в истории Российской академии наук // Архив истории науки и техники: Сборник статей. Вып. 7 (16). М.: Янус-К, 2023. С. 223–236.

20. Материалы для истории Императорской Академии наук / [Под ред. М.И. Сухомлинова]. Т. 1. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1885. IV, 732, [2] с.

21. *Миллер Г.Ф.* История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге // Г.Ф. Миллер: Избранные труды. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2006. С. 481–647.

22. *Овсянников О.В.* Баженины – купцы, промышленники, корабелы (источниковедческие заметки) // Археологические вести. Вып. 28. СПб.: б.и., 2020. С. 422–444.

23. *Павлова Г.Е.* Дореволюционные юбилеи Петербургской академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. № 1. С. 3–11.

24. Палаты Санктпетербургской Императорской академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб.: при Имп. акад. наук, 1741. [12] с., [12] л. ил.

25. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: изд. тов-ва «Общественная польза», 1862. [8], VI, 578 с.

26. *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1870. LXVIII, 774 с.

27. Петр Великий и основание Петербургской Академии наук: Документы и материалы: в 2 ч. / Авт.-сост.: Е.Ю. Басаргина и др.; ред.-сост. Е.Ю. Басаргина; отв. ред. И.В. Тункина. Ч. 1. СПб.: Нестор-История, 2022. 172 с. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 8).

28. Письмо заместителя директора – главного хранителя фондов РГИА О.М. Амосовой от 10 марта 2020 г. Исх. № 1013 (личный архив автора).

29. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ). Т. 7. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. [2], 922, [4] с.

30. *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1990. 72 с.

31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 3. Д. 53.

32. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1.
33. РГАДА. Ф. 248. Оп. 31.
34. РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923.
35. РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935.
36. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18.
37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29.
38. Российская академия наук: 300 лет истории: В 2 т. / Ред. кол.: Г.Я. Красников (отв. ред.) и др. Т. 1. М.: Наука, 2024. 790 с.
39. Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 105. 30 января. С. [1–14].
40. Сводный каталог русской книги гражданской печати 1725–1800 / Сост.: Е.К. Кацпржак и др.; ред. кол.: И.П. Кондаков и др. Т. 3. М.: Книга, 1966. 516 с.
41. Сенатский архив. Т. 7. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1895. [2], 812, 58 с.
42. Собрание актов торжественного заседания Императорской Санктпетербургской академии наук, бывшего по случаю празднования столетнего ее существования 29 декабря 1826 года. СПб.: в тип. Имп. акад. наук, 1827. [4], 72, [6] с.
43. *Тихонов В.В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: Историографический вестник, 2009–2010. М.: Наука, 2012. С. 118–133.
44. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании 1948–1949 гг. в Московском историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 3–13.
45. Торжественное собрание Императорской академии наук 29-го декабря 1876 года по случаю празднования ее стопятидесятилетнего юбилея // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 190. 1877. Март (№ 3). Современная летопись. С. 21–55 (разд. паг.).
46. Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, самодержца всероссийскаго, состоявшияся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число 1725 году; напечатаны по указу всепресветлеишей державнеишей великой государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской. СПб.: при Имп. акад. наук, 1739. [2], 1–309, 400–402, 313–385, 1–205, 1–160, [12], 161–185, 1–214, 1–34 с.
47. Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1975. 206 с.
48. Уставы Российской академии наук, 1724–1999 / Авт.-сост.: В.И. Васильев и др. М.: Наука, 2009. 365, [2] с.
49. *Чумакова Т.В.* Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43.
50. *Шумахер И.Д.* Краткое изъяснение о состоянии Академии наук, также и Библиотеки и Кунсткамеры (1741 г.) / Публ. И.Р. Грининой, С.С. Илизарова // Российская академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 759–770.
51. «Юбилеи Академии наук торжественно отмечались на всем протяжении истории ее развития»: Историческая справка директора Архива АН СССР Б.В. Левшина / Публ. подг. С.А. Лиманова // Исторический архив. 2024. № 1. С. 3–35.
52. *Bülffingerus G.B.* De Viribus corpori moto insitis, et illarum Mensura, Demonstrationes Mechanicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: typis Academiae, 1728. P. 43–120.
53. *Hermannus I.* De Mensura virium Corporum // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: typis Academiae, 1728. P. 1–42.

References

1. Avtokratova, Mariya I. “250 rokiv tomu.” *Visnik Akademii nauk Ukrains’koi RSR*, no. 3, 1974, pp. 103–104.
2. Andreev, Aleksandr I. “Osnovanie Akademii nauk v Peterburge.” *Petr Velikii, Sbornik statei*, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947, pp. 284–333.
3. Voskresenskii, Nikolai A. *Zakonodatel’nye akty Petra I, Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit’ya i inostr. istochniki, vol. 1.* Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1945.
4. “V zone otvetstvennosti.” *Poisk*, no. 6 (1756), 10 Febr. 2023, p. 9.
5. *Istoriya Akademii nauk SSSR. V trekh tomakh*. Ed. by Konstantin V. Ostrovityanov, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, vol. I, 1958.

6. Knyazev, Georgii A. *Kratkii ocherk istorii Akademii nauk SSSR*. Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1945.
7. Knyazev, Georgii A. and Anatolii V. Kol'tsov. *Kratkii ocherk istorii Akademii nauk SSSR*. Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957.
8. Knyazev, Georgii A. and Anatolii V. Kol'tsov. *Kratkii ocherk istorii Akademii nauk SSSR.* Nauka, Leningr. otd-nie, 1964.
9. Kol'tsov, Anatolii V. "200-letnii yubilei Akademii nauk." *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 1, 1974, pp. 11–21.
10. Komkov, Gennadii D. "250 let na sluzhbe nauchnogo progressa." *Voprosy istorii*, no. 5, 1974, pp. 3–15.
11. Kopaneva, Natal'ya P. "K biografii A.I. Andreeva." *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody*, Nauka, 2013, pp. 314–324.
12. Kopelevich, Yudif' Kh. "O date osnovaniya Peterburgskoi Akademii nauk." *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 1997, pp. 152–155.
13. Kopelevich, Yudif' Kh. *Osnovanie Peterburgskoi Akademii nauk*. Nauka, Leningr. otd-nie, 1977.
14. Korzun, Valentina P. and Viktoriya S. Gruzdinskaya. "220-i yubilei AN SSSR v pobednom 1945-m, stsenarii prazdnovaniya v sotsiokul'turnom kontekste epokhi", *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Ser. Istoriya Rossii*, vol. 19, no. 2, 2020, pp. 374–392, https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392.
15. Lappo-Danilevskii, Aleksandr S. *Petr Velikii – osnovatel' Imperatorskoi akademii nauk v S.-Peterburge*. Tip. Imp. akad. nauk, 1914.
16. Levshin, Boris V. "Nachalo Akademii nauk v Rossii." *Istoriya SSSR*, no. 2, 1974, pp. 94–108.
17. Levshin, Boris V. "Sozdanie Akademii nauk v Rossii." *Priroda*, no. 1, 1974, pp. 6–23.
18. Limanova, Svetlana A. "Vybor daty prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk, k predystorii yubileinogo voprosa." *Millerovskie chteniya – 2020, Preemstvennost' i traditsii v sokhranenii i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya, Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Renome, 2021, pp. 218–222, DOI: 10.25990/archiveras.mc-2020.33sj-7r80 (Ad fontes, Materialy i issledovaniya po istorii nauki, Iss. 20).
19. Limanova, Svetlana A. "200-letnii yubilei kak povorotnyi etap v istorii Rossiiskoi akademii nauk." *Arkhiv istorii nauki i tekhniki, Sbornik statei*, Iss. 7 (16), Yanus-K, 2023, pp. 223–236.
20. *Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 1, Tip. Imp. akad. nauk, 1885.
21. Miller, Gerhard F. "Istoriya Imperatorskoi akademii nauk v Sankt-Peterburge." G.F. Miller, *Izbrannye trudy*, Yanus-K, Moskovskie uchebniki i kartolitografiya, 2006, pp. 481–647.
22. Ovsyannikov, Oleg V. "Bazheniny – kuptsy, promyshlenniki, korabely (istochnikovedcheskie zametki)." *Arkheologicheskie vesti*, Iss. 28, 2020, pp. 422–444.
23. Pavlova, Galina E. "Dorevolyutsionnye yubilei Peterburgskoi akademii nauk." *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 1, 1974, pp. 3–11.
24. *Palaty Sanktpeterburgskoi Imperatorskoi akademii nauk, Biblioteki i Kunstkamery, kotorykh predstavleny plany, fasady i profili*. Tip. Imp. akad. nauk, 1741.
25. Pekarskii, Petr P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*. Obshchestvennaya pol'za, vol. 1, 1862.
26. Pekarskii, Petr P. *Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge*. Izd. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk, vol. 1, 1870.
27. *Petr Velikii i osnovanie Peterburgskoi Akademii nauk, Dokumenty i materialy, v 2 ch*. Ed. by Ekaterina Yu. Basargina and. Irina V. Tunkina, pt. 1., Nestor-Istoriya, 2022. (Ad fontes, Materialy i issledovaniya po istorii nauki, Supplementum 8).
28. *Pis'mo zamestitelya direktora – glavnogo khranitelya fondov RGIA O.M. Amosovoi ot 10 marta 2020 g.*, outgoing no. 1013 (lichnyi arkhiv avtora).
29. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda*, vol. 7, Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e.i.v. kantselyarii, 1830.
30. Prostovolosova, Larisa N. and Aleksandr L. Stanislavskii. *Istoriya kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin, Uchebnoe posobie*. MGIAI, 1990.
31. *Russian State Archive of Ancient Acts* (RGADA). F. 9. Op. 3. D. 53.
32. *RGADA*. F. 17. Op. 1. D. 3. Ch. 1.

33. *RGADA*. F. 248. Op. 31.
34. *RGADA*. F. 248. Op. 31. D. 1923.
35. *RGADA*. F. 248. Op. 31. D. 1935.
36. *RGADA*. F. 1451. Op. 1. D. 18.
37. *Russian State Historical Archive* (RGIA). F. 1329. Op. 1. D. 29.
38. *Rossiiskaya akademiya nauk, 300 let istorii*, v 2 t. Ed. by Gennadii Ya. Krasnikov, vol. 1, Nauka, 2024.
39. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1776, no. 105, 30 yanvarya.
40. *Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati 1725–1800*. Ed. by Evgeniya K. Katsprzhak and Ivan P. Kondakov, vol. 3, Kniga, 1966.
41. *Senatskii arkhiv*. Vol. 7, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1895.
42. *Sobranie aktov torzhestvennogo zasedaniya Imperatorskoi Sanktpeterburgskoi akademii nauk, byvshego po sluchayu prazdnovaniya stoletnego ee sushchestvovaniya 29 dekabrya 1826 goda*. Tip. Imp. akad. nauk, 1827.
43. Tikhonov, Vitalii V. "Iz istorii ideologicheskikh kampanii v sovetskoi istoricheskoi nauke, sbornik *Petr Velikii* i sud'ba ego avtorov." *Istoriya i istoriki, Istoriograficheskii vestnik, 2009–2010*, Nauka, 2012, pp. 118–133.
44. Tikhonov, Vitalii V. "Ideologicheskie kampanii 1948–1949 gg. v Moskovskom istoriko-arkhivnom institute." *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, 2017, pp. 3–13.
45. "Torzhestvennoe sobranie Imperatorskoi akademii nauk 29-go dekabrya 1876 goda po sluchayu prazdnovaniya ee stopyatidesyatiletnego yubileya", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, pt. 190, Mart (no. 3), 1877, Sovremennaya letopis', pp. 21–55 (separate pagination).
46. *Ukazy blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago, samoderzhtsa vserossiiskago, sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu ego imperatorskago velichestva, genvarya po 28 chislo 1725 godu, napechatany po ukazu vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny, samoderzhitsy vserossiiskoi*. Tip. Imp. akad. nauk, 1739.
47. *Ustavy Akademii nauk SSSR*. Ed. by Georgii K. Skryabin, Nauka, 1975.
48. *Ustavy Rossiiskoi akademii nauk, 1724–1999*. Ed. by Vladimir I. Vasil'ev i dr, Nauka, 2009.
49. Chumakova, Tat'yana V. "Komissiya po istorii Akademii nauk (1938–1953), ee istoki i nauchnaya deyatel'nost'." *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 2013, pp. 27–43.
50. Schumacher, J.D. "Kratkoe iz''yasnenie o sostoyanii Akademii nauk, takzhe i Biblioteki i Kunstkamery (1741 g.)." Ed. by Irina R. Grinina, Simon S. Ilizarov. *Rossiiskaya akademiya nauk, 275 let sluzheniya Rossii*. Yanus-K, 1999, pp. 759–770.
51. "Yubilei Akademii nauk torzhestvenno otmechalis' na vsem protyazhenii istorii ee razvitiya, Istoricheskaya spravka direktora Arkhiva AN SSSR B.V. Levshina." Ed. by Svetlana A. Limanova, *Istoricheskii arkhiv*, no. 1, 2024, pp. 3–35.
52. Bülffingerus, Georgius B. "De Viribus corpori moto insitis, et illarum Mensura, Demonstrationes Mechanicae." *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, vol. 1, typis Academiae, 1728, pp. 43–120.
53. Hermannus, Iacobus. "De Mensura virium Corporum." *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, vol. 1, typis Academiae, 1728, pp. 1–42.

Сведения об авторе:
Аваков Петр Ашотович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН.
E-mail: pavakov@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-9051-5611

Дата поступления статьи: 01.09.2024
Одобрено: 13.09.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 001.32 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-132-154

Академия наук и Санкт-Петербургский университет – к истории общего юбилея[1]

Ростовцев Евгений Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается становление юбилейной традиции Российской академии наук и Санкт-Петербургского университета в XVIII–XXI вв. Обе организации отмечают ныне трехсотлетний юбилей и связывают свое основание с именем Петра Великого и одной датой – 28 января (8 февраля) 1724 г. В статье показано, что юбилейные коммеморации не только стали поводом для создания текстов по истории этих учреждений, но и отражали сущностные аспекты корпоративной истории Академии наук и Санкт-Петербургского университета, социальный контекст истории российской науки.

Ключевые слова: коммеморации, юбилеи, годовщины, история науки, Санкт-Петербургский университет, Российская академия наук, история университета.

The Academy of Sciences and St. Petersburg University: Towards the History of Their Joint Jubilee[2]

Evgeniy A. Rostovtsev

St. Petersburg State University, Sociological Institute
of the Russian Academy of Sciences, St. Perersburg, Russia

The article examines the formation of the jubilee tradition of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg University in the 18th–21st centuries. Both organizations are now celebrating their tercentenary, associating their foundation with the name of Peter the Great and the same date, 28 January (8 February, New Style) 1724. The article shows that the jubilee commemorations have become an occasion for the creation of texts on the history of these institutions and, at the same time, reflect essential aspects of the corporate histories of the Academy of Sciences and St. Petersburg University, a social context of the history of Russian science.

Keywords: commemorations, jubilees, anniversaries, history of science, St. Petersburg University, Russian Academy of Sciences, history of universities.

В фокусе статьи вопросы, связанные с формированием коммеморативной традиции Академии наук и Санкт-Петербургского университета. Как известно, оба учреждения отсчитывают свою историю с указа Петра

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта «Юбилейные коммеморации Санкт-Петербургского университета» (№23-28-01433).

2 The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RNF) within the framework of the project “Jubilee Commemorations of St. Petersburg University” (No. 23-28-01433).

Великого от 28 января (8 февраля) 1724 г. Существует обширная литература, посвященная как академическим (см., в частности: Сорокина, 2005; Груздинская, Корзун, 2019), так и университетским юбилеям (см., в частности: Тихонов, 2003; Ростовцев, 2022) – равно как и длительная история дискуссий, связанных с проблемой статуса академического университета, темой его связи с императорским университетом и обоснованности современного официального дискурса, объединяющего даты рождения этих двух институций (см.: Марголис, Тишкин, 1988; Павлова, 1989; Лобачев, 1989; Андреев, 1998, Левшин, 1998; Мой друг, Университету посвятим души прекрасные порывы, 1999; Марголис, Тишкин, 2000; Тишкин, 2001; Андреев, 2008 и др.). Вместе с тем нынешний двойной юбилей российской науки – хороший повод не только для того, чтобы вновь обратить внимание на аргументы сторон в этих спорах, но и задуматься о том, какую роль коммеморативная традиция играла в корпоративной истории Академии и университета.

Судьба академического университета и зарождение юбилейной традиции

Как известно, идея Академии и университета вынашивалась Петром I довольно длительное время и вошла в финальную стадию подготовки в конце 1723 – начале 1724 г. Назначение 1 января 1724 г. И.Д. Шумахера секретарем Академии знаменовало переход от подготовительного к организационному этапу (Материалы для истории Императорской Академии наук, 1884, с. 14). К январю 1724 г. И.Д. Шумахер и Л.Л. Блюментрост составили известный проект положения об учреждении Академии (История Академии наук СССР, 1958, с. 429–435; РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 89–100), многократно обсуждавшийся в литературе. Этот проект рассматривался на заседании Сената 22 января в Зимнем дворце Петра. Рукой Петра были внесены изменения в документ, а также на полях дано указание на сумму и источник финансирования (История Академии наук, 1958, с. 31–34). Во исполнение высочайшей воли 28 января был подписан протокол Сената: «Всепресветлейший державнейший Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили бы книги. И сего ж генваря 22-го дня его императорское величество, будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проекта, на котором собственною его величества рукой подписать изволил тако: на содержание оных определить доходы, которые собираются з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лицентных, двадцать четыре тысячи девятьсот двенадцать рублев» (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 18. Л. 98; ср. Об учреждении Академии, 1830, с. 220–224). Эта дата (по григорианскому календарю 8 февраля) и считается сегодня датой создания Академии и университета. В проекте положения подчеркивалось также: «К расположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первый образ называется Университет, второй

Академия или социетéт художеств и наук. §1. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким яко Феологии и Юриспруденции (Прав искуству), Медицины и Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают; Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих никакого попечения не имеют» (Проект положения, 1958, с. 429). Современники прекрасно понимали своеобразие созданного учреждения. В феврале 1724 г. первый президент Академии Лаврентий Блюментрост писал одному из зарубежных организаторов Петербургской Академии (и впоследствии ее почетному члену) Христиану Вольфу: «Посылаю Вам маленький экстракт об основании Академии, из которого Вы увидите, что при этом имеется в виду не настоящий университет и не academie des sciences, а скорее некая композиция из того и другого» (Цит. по: Копелевич, 1977, с. 58).

Между тем под будущие коммеморативные практики Академии и университета уже на начальном этапе формирования были заложены по меньшей мере две «мины». Во-первых, проект (в котором была прописана структура как Академии, так и университета) не был опубликован и не являлся официально утвержденным уставом Академии, хотя в дальнейших документах на него ссылаются как на утвержденное царем положение («регламент» (История Академии наук, 1958, с. 32)). Во-вторых, ни при Петре, ни при Екатерине I так и не произошло торжества, которое можно было бы однозначно назвать датой открытия Академии/университета. Поэтому будущие академические коммеморации долгое время ориентировались на более поздние даты (в их числе первая конференция Академии 17 сентября 1725 г. (Летопись, 2000, с. 42), указ Екатерины I «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста», изданный 7 декабря 1725 г. (История Академии наук СССР, 1958, с. 435), первое публичное собрание Академии 27 декабря 1725 г. (Летопись, 2000, с. 44–45)). Причем в качестве основной даты долгое время воспринималась именно последняя, поскольку именно с нее начинались Академические протоколы (Протоколы, 1897, с. 1–2).

В судьбе университетского преподавания (начавшегося в Академии 24 января 1726 г.) сыграло свою роль и то обстоятельство, что задуманная в петровском проекте факультетская институционализация не состоялась (см., напр.: Кирикова, 2022, с. 109–110) и университет как бы растворялся в Академии. Положение должен был поправить новый академический регламент 1747 г., который подчеркивал, что Академия наук «разделяется на Академию собственно и на Университет» (История Академии наук СССР, 1958, с. 437). Дальше этого регламента в планах институционализации университета шел в своих проектах его знаменитый ректор М.В. Ломоносов, готовивший в конце 1750 – начале 1760-х гг. проект торжественной «инавгурации» Санкт-Петербургского университета, которая

должна была закрепить за ним систему привилегий и установить в нем, наконец, факультетскую структуру (Ростовцев, Тихонов, 2024, с. 42). Однако после кончины М.В. Ломоносова эти планы оказались похоронены, а к началу 1770-х гг. университетское преподавание и вовсе переместилось в старшие классы академической гимназии (так называемое «академическое училище») (Тишкин, 2001, с. 15–18), т.е. с точки зрения организации университета был сделан шаг назад (Костина, 2018).

При этом, имея в виду судьбу академического университета, следует принимать во внимание, что его, вероятно, следует отнести к так называемой модели *утилитарного университета*, которую выделяют наряду с доклассическим, классическим («гумбольдтовским») университетом, постклассическим/неклассическим (массовым) университетом (Gellert, 1991; Wittrock, 1993; Андреев, 2005; Межова, Шуляева, 2015). Отметим, что иной университет и не мог появиться в петровскую эпоху. Это было высшее учебное заведение, призванное выполнять функции государственного учреждения (при сохранении, однако, особенностей практик университетского преподавания) и готовить специалистов в интересах государства и его хозяйства. Если в первой половине XVIII в. такой подход к подготовке «государевых людей» к службе был совершенно понятен, то позже, в особенности после «манифеста о вольности дворянства», возникает определенный кризис, вызванный как раз тем, что многие воспитанники гимназии уже являлись «вольными», обязательств государственной службы не имели и до звания элевов/студентов не доходили (Кропачев, Даудов, Тихонов, Ростовцев, 2019, с. 10–11). Таким образом, институциональное исчезновение «утилитарного университета» происходило одновременно с усвоением элитой русского общества ценностей европейского просвещения и появлением новых социальных практик.

Следствием эмансипации личности, медленно, но верно протекавшей во второй половине XVIII в., стал не только постепенный уход от ментальности «служилых людей» и возникновение новой корпоративности. Отражением этого обстоятельства стало в том числе и начало коммеморативных институциональных практик. Как известно, подобного рода практики – часть процесса «изобретения традиций», активно проходившего в Европе в XVIII в. В Академии, в которой в 1770-е гг. по-прежнему задавали тон европейские ученые, организация такого торжества была вполне предсказуема. Однако спустя 50 лет история организации Академии и университета позабылись, о необходимости праздновать юбилей академики вспомнили слишком поздно и первая юбилейная коммеморация (50-летие) Академии наук относится к декабрю 1776 г. Первый юбилей оказался, во-первых, таким образом, смещен на год, во-вторых, включал два заседания Академии: одно «экстраординарное» 27 декабря (приуроченное к первому публичному торжеству Академии, состоявшемуся 51 год назад) и второе через два дня, 29 декабря, торжественное юбилейное заседание в честь 50-летия Академии, когда Академию своим присутствием удостоила императрица Екатерина II (Летопись, 2000, с. 640). В-третьих, на первом

юбилее об университете речь не шла вовсе, поскольку вопреки регламенту 1747 г. университетское преподавание в 70-е гг. продолжалось только в рамках «академического всеучилища» (Студенты Петровского университета, 2022, с. XXIII). Первым университетским юбилеем в России, таким образом, оказался не петербургский, а Московский, торжества по поводу празднования 25-летия которого в 1780 г. были соединены с отмечанием дней рождения императрицы и ее внука Константина Павловича (25-летие Московского университета).

Эти обстоятельства запутали будущих историков, писавших о закате/исчезновении Санкт-Петербургского «Академического университета» XVIII в., – мысль об этом прочно закрепилась даже в справочной литературе (см., напр.: Толстой, 1885, с. 61–62; Кулябко, 1977; Санкт-Петербургский государственный университет, 2015, с. 350–351), хотя *de jure* университет и *de facto* университетское образование в рамках Академии существовало до 1805 г., прекратившись в связи с изданием нового академического устава (1803), который не предусматривал в ее составе образовательных учреждений. В контексте этой реформы университетское образование в столице, по существу, переносится в 1804–1805 гг. в Педагогический институт, который назывался «отделением имеющего быть в Санкт-Петербурге Университета» (Об учреждении Педагогического института, 1830, с. 270). При этом институциональным предшественником Педагогического института формально было не «академическое всеучилище», а Учительская гимназия (до 1803 г. семинария), возникшая в 1782 г. (официальное учреждение в 1783 г.) (Ростовцев, Тихонов, 2024, с. 59–60). Дальнейшая история университета как институции уже более понятна. В декабре 1816 г. Педагогический институт преобразован в Главный Педагогический институт, а 8 февраля 1819 г. Александр I по представлению министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына утвердил проект попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и президента Академии наук С.С. Уварова о преобразовании Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет (История Ленинградского университета, 1969, с. 14–21).

Юбилейные традиции Академии и Университета в эпоху поздней Империи

Александровская эпоха знаменовала собой дальнейший отход от утилитарного понимания высшего образования и науки в России. Они стали пониматься как явления самоценные и важные в гражданском смысле (см. об этом, напр.: Кусбер, 2018, с. 342–453). Одним из ярких представителей этой эпохи стал упомянутый Сергей Семенович Уваров (1786–1855), который является одной из фигур (и одновременно «местом памяти»), объединивших собственно Санкт-Петербургский университет и Академию. Его имя также прочно связано и с юбилейными практиками двух учреждений. В Академии по должности С.С. Уваров являлся центральной фигурой ее столетнего юбилея, кульминацией которого стало

торжественное собрание Академии 29 декабря 1826 г. (т.е. ровно через 50 лет после екатерининской коммеморации 1776 г.). По случаю юбилея президент организовал избрание широкого круга почетных членов Академии – от императора Николая Павловича до И.В. Гете (Летопись, 2002, с. 196–197). Столетняя годовщина положила начало длительной традиции ежегодных торжественных собрании Академии 29 декабря. Что же касается университета, то после утверждения Александром его проекта «Первоначального образования» Санкт-Петербургского университета С.С. Уваров организовал первый торжественный акт университетской корпорации в здании Двенадцати коллегий 14 февраля 1819 г. (Конференция Санкт-Петербургского университета, 1819, с. 141–142). В 1828 г. в знак признательности Университет избрал С.С. Уварова своим почетным членом (Григорьев, 1870, с. III), а спустя десять лет благодаря настойчивости этого выдающегося чиновника, ставшего в 1833 г. министром народного просвещения, вернулся в перестроенное специально для него здание Двенадцати коллегий.

Интересно, что первые годичные акты университета, приуроченные к окончанию/началу нового учебного года (но не к 8 февраля), содержали важные коммеморативные элементы, связанные с историей прошлых лет, памятью о давних и недавних университетских достижениях. Речь в них шла обо всех предшественниках университета – от Академии наук до Главного Педагогического института. В этом смысле показателен доклад, сделанный в присутствии министра С.С. Уварова ректором И.П. Шульгиным 25 марта 1838 г. – акт был приурочен к возвращению университета в здание Двенадцати коллегий после его ремонта и перестройки под университетские нужды. Речь ректора называлась «О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета» (Шульгин, 1838). Построение И.П. Шульгина было противоречивым в том смысле, что хотя датой образования университета и назвалось 8 февраля, ректор возводил историю университета к XVIII в., к Петровскому университету, учительской семинарии и Педагогическому институту, чему и посвящено 2/3 текста его речи. Сама же дата 8 февраля рассматривалась как «последнее перерождение» университета в новейшее время (см. подробнее: Ростовцев, Сосницкий, 2024, с. 255–259). Показательно, что к торжественному акту была выпущена специальная медаль. На одной ее стороне помещен профиль Петра Великого, а на другой – аллегорическое изображение России в образе женщины, которая держит щит. По кругу медали помещена надпись «Единым вдохновением», а на щите выбиты две даты – «1724» и «1835» – годы начала Академического университета и принятия николаевского университетского устава (275 лет, 1999, с. 120). Отметим, что этой же позиции придерживались и другие члены университетской корпорации. Например, на торжественном собрании университетского совета с речью, посвященной Петру Великому, выступает профессор А.В. Никитенко. Рождение университета в Петербурге в этом нарративе неразрывно сопряжено с именем Петра, который до времени слил

«две формы высшего образования в одну», т.е. Академию и университет (Никитенко, 1838, с. 9–10).

В литературе присутствует суждение о том, что к смене парадигмы, связанной с постулированием разрыва современной университетской истории с историей академического университета, якобы причастен С.С. Уваров, поскольку в этом случае университет связывался бы с его именем (Марголис, Тишкин, 2000, с. 194). Это суждение представляется спорным по меньшей мере по двум основаниям. Во-первых, следует учитывать, что министр одновременно возглавлял и Академию, и в этом контексте вряд ли апелляция к ее истории могла бы вызвать его противодействие. Во-вторых, в 1830–1840-е гг. происходит становление собственно университетской корпоративности и связанной с ней идентичности (Захарко, 2022), которая уже в скором времени приведет к осознанию университетом себя как независимого и равноценного Академии научного института (Ростовцев, 2018). Наконец, в-третьих, в глазах администрации университета Петра в роли покровителя университета мог сменить куда более влиятельный на тот момент политик – действующий император Николай Павлович. Напомним основную канву развития университетских коммеморации в первой половине 1840-х гг. Пришедший в 1840 г. на смену ректору И.П. Шульгину профессор П.А. Плетнев первоначально продолжает подчеркивать неразрывную связь университета как с петровской эпохой, так и с Николаем Павловичем, и начинает очередной торжественный акт 25 марта словами: «С. Петербургский Университет, по воле Всемилостивейшего Государя нашего, уже третий год находится в сем здании, основанном Петром Великим», – подчеркивает, что университет был освящен личным присутствием Николая I, а праздник 25 марта – это праздник «счастливого возрождения университета» (Плетнев, 1841, с. 2) и наиболее важный день его истории, связанный лично с императором Николаем Павловичем. Можно предположить, что наряду с другими факторами именно культ действующего императора способствовал смене парадигмы осмысления хронотопа университета. В 1842 г. ректор информирует совет о том, что к 25-летию университета 1844 г. испрашивалось разрешение «украсить историю университета высочайшим именем его императорского величества» (Марголис, Тишкин, 2000, с. 195). В литературе отмечается, что такая постановка вопроса фактически закрывала тему «Петровского университета» и в конечном итоге предопределила отказ П.А. Плетнева от исследования истории университета академического периода, материалы к которой он первоначально намеривался изучить (Марголис, Тишкин, 2000, с. 195–198).

Как известно, высочайшее разрешение, на которое уповал П.А. Плетнев, дано не было, но в своей обширной записке, подготовленной к юбилею, ректор основное внимание посвятил последним 20 годам университетской истории. Полностью отказавшись от темы «петровского университета», П.А. Плетнев, следуя традиции, восстановил историю других предшествующих университету институций (Учительской семинарии,

Учительской гимназии, Педагогического института, Главного Педагогического института) (Плетнев, 1844) и тем самым заложил основу официального дискурса будущей историографии, находящий в истории университета только один «педагогический источник». Впрочем, постепенная смена поколений внутри корпорации позволила ректору (самому являвшемуся выпускником Педагогического института) в своих поздних коммеморативных выступлениях сосредоточится исключительно на эпохе после 8 февраля 1819 г. В речи на 40-летнем юбилее 1859 г. «доуниверситетский» период истории университета уже вовсе исчез из его истории (Годичный торжественный акт, 1859, с. 1–10).

С 1861 г. университетские акты становятся поводом для политической студенческой фронды, а начиная с 50-летнего юбилея университета (1869) университетские коммеморации оказываются вписанными в различные идеологические версии университетской истории: официозную (В.В. Григорьев) (Григорьев, 1870) и либеральную (В.Д. Спасович) (Спасович, 1870). После массовых беспорядков во время празднования 80-летнего юбилея университета в 1899 г. торжества, связанные с публичным отмечанием университетских годовщин, были ограничены вплоть до конца «старого режима». Важно, что в пореформенную эпоху установились постоянные и очень различные неформальные практики празднования университетской годовщины преподавателями, студентами и выпускниками. Хотя наибольший общественный резонанс имели так называемые ежегодные чаепития петербургской интеллигенции, где произносились фрондерские речи, наиболее массовым способом отметить этот день для универсантов разных поколений стали дружеские встречи выпускников по всей империи (Ростовцев, 2022, p. 137–158). Университетские юбилеи в пореформенной России стали неотъемлемой частью университетской мемориальной культуры, которая влияла как на коммеморативную культуру общества в целом (Вишленкова, 2011), так и на формирование так называемой освободительной версии исторической памяти (Ростовцев, 2011).

В случае Академии наук торжества, связанные с ее годовщинами, такого воздействия на ментальность общества не оказывали, оставаясь официальными корпоративными праздниками, хотя и имевшими, ввиду значения учреждения, резонанс в российском, а отчасти и мировом научном сообществе. Широко отмечался 150-летний юбилей Академии. 29 декабря 1876 г. в присутствии императора Александра II, двора, высшего духовенства, министров и других высоких чиновников состоялся торжественный акт, посвященный 150-летнему юбилею, с обычными в таких случаях пунктами программы: отчетно-торжественными речами и т.п. (Летопись, 2003, с. 252–253). Постепенно в дискурсе Академии, как кажется, все более важной становится роль Петра Великого. Например, в известном коммеморационном тексте академика А.С. Лаппо-Данилевского (подготовленном по случаю 300-летия Дома Романовых) «Петр Великий – основатель императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» выстраивается стройная схема: Петр пригласил к нам академиков, которые

сформировали те научные традиции, которые «легли в основу современной нашей цивилизации» (Лаппо-Данилевский, 1915, с. 89). В отличие от университета Академия, лишенная после 1803 г. студенчества, так и не сформировала традиций неформальных корпоративных праздников, выходящих за рамки ритуально-торжественных собраний. В этом смысле юбилеи Академии вполне повторяли другие организуемые властями «годовщины» и юбилеи, празднование которых было регламентировано бюрократическим образом сверху, а общество допускалось только в качестве зрителя (Цимбаев, 2019).

На пути к общему юбилею: XX–XXI вв.

Раннесоветская эпоха ознаменовалась двумя крупными научными юбилеями – столетием Петроградского университета (1919) и двухсотлетием Академии наук (1925). Оба эти события можно рассматривать в качестве «юбилейных перемирий» в той непримиримой борьбе, которую вела власть за новую советскую науку со старой «буржуазной» интеллигенцией.

Как известно, Петроградский университет с момента Октябрьской революции 1917 г. находился в условиях жесткого противостояния с властями. Его преподавательская и студенческая корпорации, будучи в своем большинстве оппозиционно настроенными по отношению к советскому режиму, подвергались постоянному давлению и репрессиям. С весны 1918 г. профессорская коллегия вынуждена была идти на уступки новой власти, сохраняя, однако, основы прежнего корпоративного устройства и структуру университета (см., напр.: Кривоноженко, 2015). В этом контексте юбилей 1919 г. в какой-то мере стал символом подтверждения корпоративной идентичности университета в условиях враждебного социального окружения. Торжественный акт, посвященный юбилею, состоялся 21 февраля. По традиции на университетский юбилей был приглашен и усажен в первый ряд митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, вскоре казненный по сфабрикованному ОГПУ обвинению. В то же время и представители советского режима пытались использовать юбилейную коммеморацию в своих целях как для «завоевания» доверия нужных пока «буржуазных» специалистов, так и в пропагандистских видах. В частности, 21 февраля на торжественное заседание в университет явился нарком просвещения. Как сообщала газета «Северная коммуна», А.В. Луначарский «от имени рабоче-крестьянского правительства поздравил присутствующих с днем 100-летней годовщины университета». Нарком сформулировал свое видение сложившейся ситуации в отношениях власти и науки, которое вполне можно считать «вежливым ультиматумом» старому университету: «Народ относится с уважением к науке, хранит ее, а равно и данный университет как ценность. Но из этого не следует, чтобы университет, по-прежнему оставался чем-то самодовлеющем и оторванным от народа. Он должен раскрыться перед массами и приблизиться к ним. Между науками и массами может быть лишь два состояния – или

состояние полного слияния, взаимной сплоченности, или же состояние недоразумений, которые наблюдаются теперь под влиянием тяжелых условий момента» (100-летняя годовщина, 1919). В ходе юбилея власть, таким образом, на риторическом уровне присваивала научные достижения и культурную ценность университета, впрочем, не отказываясь от дальнейшего наступления на идеологическом фронте (см. подробнее: Ростовцев, 2021, с. 174–189). Вскоре после юбилейного перемирия летом 1919 г. последовали решительные реформы университетской структуры, его объединение с другими университетами и новый виток борьбы со старой профессурой.

Академический юбилей 1925 г. проходил уже в обстановке победившего большевизма. Если Петроградский (с 1924 г. Ленинградский) университет вскоре после введения первого советского устава высшей школы 1921 г. оказался под полным контролем властей, то Академия наук в середине 1920-х гг. еще пользовалась относительной автономией. Власти, прекрасно осознававшие роль Академии как интеллектуального центра и символа российской науки, воспользовались в полной мере и этой коммеморацией. Как отмечается в литературе, не только был задействован весь арсенал дореволюционных торжеств (памятные издания, выставки, торжественные собрания, награды), но и существенно расширился сам характер праздника: он был выведен на государственный уровень, в празднование юбилея вовлекались не только политическая и научная элиты, но и широкие массы (Сорокина, 2005). Разумеется, в стороне не остались и советские научные учреждения. Среди неакадемических структур в их ряду безусловно лидировал ЛГУ, в составе профессуры которого оставалось немало академиков. Напомним, что Академия, равно как и университет, по-прежнему в 1920-х гг. располагалась в Ленинграде. Отчасти этой причиной, отчасти памятью об академическом университете можно объяснить то обстоятельство, что ЛГУ принял участие в академических торжествах не только в роли одного из внешних участников, поздравлявших Академию, но и как субъект празднования. В частности, к 200-летнему юбилею Академии наук было выпущено в свет на русском и французском языках издание «Ленинградский государственный университет» под редакцией тогдашнего ректора, профессора В.Б. Томашевского. В издании помещена гравюра с изображением здания Двенадцати коллегий в XVIII в. Во вступительном очерке, излагающем основные вехи университетской истории, упоминается и академический университет, однако указывается, что «во второй половине XVIII в. он закрылся» (Ленинградский государственный университет, 1925, с. 3). Между тем там же заявляется, что учрежденная «в 1786 г. Учительская гимназия являлась родоначальницей Петербургского университета» (Ленинградский государственный университет, 1925, с. 3). Если для Академии наук главным именем оставался Петр, то в ЛГУ ориентируются на культовую фигуру вождя мирового пролетариата, окончившего университет экстерном в 1891 г., добиваясь

(так же безуспешно, как и в случае с Николаем I) во второй половине 1920-х гг. присвоения ленинского имени университету.

Как известно, вскоре после юбилея 1925 г. начался новый этап давления властей на науку, в том числе на Академию. Рубеж 1920–1930-х гг. связан с процессом интенсивной советизации Академии, переломными в этом отношении стали 1929–1930 гг., ознаменовавшиеся несколькими политическими процессами против ученых академических учреждений и ЛГУ, в том числе так называемым «Академическим делом» (см., напр.: Колчинский, 2003). Одним из следствий окончательной советизации Академии стал перевод ее в Москву в соответствии с апрельским 1934 г. постановлением Совнаркома. В этом контексте прервалась географическая связь Академии и Ленинградского университета. В сталинское время Академия, по существу, утратила общую корпоративность еще в большей степени, чем университет, превратившись в отдельное ведомство с десятками тысяч сотрудников, включенное в плановую командно-административную экономику. Ленинградский университет также пережил тяжелые трансформации. На рубеже 1920–1930-х гг. поднимался даже вопрос о его ликвидации. В феврале 1930 г. в «Студенческой правде» (многотиражка ЛГУ) была опубликована передовица с красноречивым заголовком: «Сто одиннадцатая и последняя», – в которой делался вывод о том, что «университетская система уже дала все, что можно было от нее взять. Наше грандиозное строительство требует специалистов нового типа. И не в силах университетской системы справиться с этой задачей» (Николай, 1930, с. 1). К этому времени угасают и неформальные практики празднования таких годовщин. Традиционные годичные акты сохраняются, но оказываются в тени нового советского праздника 23 февраля, центральной же личностью университетского юбилейного пантеона с 1939 г. и на протяжении всего советского времени остается В.И. Ленин (см., напр.: Корель, 1939a; Корель, 1939b).

При этом государственное участие в торжествах, связанных с историей российской науки, с 1930-х гг. только растет. В этой связи надо отметить, что если в досоветский период, как правило, широко праздновались только большие «круглые» даты (50, 100 лет), то в 1920–1930-е гг. поводом для масштабных празднований уже могли быть и более дробные годовщины. Для университета это были 120-летие (1939) и 125-летие (1944) (Тихонов, 2003), для Академии наук – 220-летие (1945) (Груздинская, Корзун, 2019). Эти коммеморации, которые организовывались на правительственном уровне, в той или иной степени описаны в литературе. Как и предшествующие даты, они стали поводом для соответствующих юбилейных изданий и торжественных заседаний. Среди юбилейных нарративов, на которые следует обратить внимание, повторяемое в юбилейных документах указание на непременную связь Академии с Петром и на то, что вообще-то праздновать юбилей нужно исходя из даты 28 января (8 февраля) 1724 г. Поскольку решение о юбилее принималось И.В. Сталиным уже в декабре 1944 г., в письме к нему президент Академии

В.Л. Комаров предлагал отмечать его в мае 1945 г., поскольку в мае 1725 г. Академии «был передан дом, намеченный для этого Петром, приехали в Петербург первые академики, академическая библиотека получила книги из личного хранилища Петра», в то время как «позднейшие события начиная с 1725 года уже не носили столь непосредственного отпечатка деятельности Петра» (Груздинская, Корзун, 2019, с. 288). Как известно, Петр Великий был одним из важных инструментов сталинской политики памяти, и подчеркивание его имени в этом контексте вполне закономерно (см., напр.: Анисимов, 2004). Академические торжества мая 1945 г. наложились на победные дни в Великой Отечественной войне. Однако важно, что в последующих юбилеях не возникало вопроса, с какого года отсчитывать историю Академии. 250-летие Академии наук СССР широко праздновалось в 1974 г., 275-летие в 1999 г. (250 лет Академии наук, 1977; Российская Академия наук, 1999).

Университетские юбилеи отмечались в послевоенное время регулярно (коммеморации Санкт-Петербургского университета) с промежутками в 5–10 лет. Надо отметить, что в советское время из корпоративных праздников преподавателей, студентов и выпускников юбилеи эволюционировали в одну из форм отчетно-бюрократических мероприятий, хотя и сохраняли, разумеется, элементы корпоративности. К ним были приурочены научные сессии (с 1939 г.), вручались университетские премии (с 1949 г.), звучали отчетные доклады и поздравления, публиковались статьи и книги по университетской истории. Особый размах имел, разумеется, 150-летний юбилей Ленинградского университета, праздновавшийся на государственном уровне в 1969 г. (Ростовцев, Тихонов, 2024, с. 369–371). Неформальный характер празднования университетских годовщин сохранялся только в русском зарубежье, традиция поддерживалась до начала 1970-х гг. и оборвалась после ухода из жизни абсолютного большинства эмигрантов-выпускников дореволюционного университета (см., напр.: Старый студент, 1956; Покровский, Леонидов, 1963; Жаба, 1967; Вейдле, 1969; Гинс, 1970; Ковалевский, 1972; Слизской, 1973 и др.).

Таким образом, если в дореволюционный период университетские годовщины служили инструментом поддержания представлений об университетской идентичности и автономии, то в условиях советского режима эта практика постепенно угасла. В этом контексте для новых поколений универсантов, в том числе представителей университетской бюрократии, конструирование корпоративной истории университета, по существу, представлялось неважным. Юбилейные советские истории ЛГУ (так же как и Академии) превращаются в своеобразные отчеты о научной деятельности, участии в революционном движении и затем в социалистическом строительстве. На этом фоне прежнее отграничение истории университета от Академии, выглядевшее естественно в условиях «борьбы за автономию» в пореформенную эпоху, выглядело архаичным для ЛГУ позднесоветского времени, который претендовал на вторую после МГУ позицию в рейтинге советских университетов, но уступал помимо

Московского в возрасте Казанскому, Одесскому, Тартускому, Харьковскому, не говоря уже о восстановленных Львовском и Вильнюсском. В этом контексте и начался процесс пересмотра университетских дат в 1980-е гг. (Марголис, Тишкин, 1983; Марголис, Тишкин, 1984), который проходил на фоне, с одной стороны, известных историографических дискуссий; с другой стороны, общих тенденций, связанных с либерализацией социально-политической жизни страны. Последняя открывала возможность пересмотра дискурсов, сформированных в официозном пространстве, в частности, связанных с первородством главного (Московского) университета страны. Решающий шаг в этом направлении был сделан при ректоре С.П. Меркурьеве, когда впервые на официальном уровне был поднят вопрос о внесении в устав университета в качестве года основания 1724 г. (От редакции, 1989).

Полноценное празднование первого (270-летнего) юбилея согласно новой «удревненной» версии истории университета состоялось в 1994 г. при уже новом ректоре Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербургский университет, 1994). Помимо местных властей (мэр А.А. Собчак) университет поздравил и Президент Российской Федерации. Однако полноценное признание новой даты на федеральном уровне последовало в 1997 г., когда постановлением правительства Российской Федерации началась подготовка следующего 275-летнего юбилея. Параллельно на правительственном уровне шла подготовка и 275-летию Академии наук (Выступление председателя, 1999). Тем не менее, нельзя сказать, что Академия сразу признала родство и согласилась с удревнением времени рождения конкурирующей научной организации. Характерно, что в 1994 г. Академия ограничилась поздравлением университета от имени председателя Санкт-Петербургского центра РАН Ж. Алферова, содержание приветствия которого звучит несколько двусмысленно: «Санкт-Петербургский Научный центр Российской Академии наук поздравляет коллектив Государственного университета с замечательной датой – 270-летием подписания Императором Петром I Указа об учреждении Университета в нашем городе» (Поздравление, 1994). На 275-летний юбилей университет получил официальное «полноценное поздравление» от Академии наук за подписью президента РАН Ю.С. Осипова и главного научного секретаря Н.А. Платэ. Однако и в этой правительственной телеграмме СПбГУ поздравляли «в связи с торжествами, посвященными 275-летию университетского образования в России» (Поздравления, 2003).

Юбилей Академии отмечался параллельно с широким размахом. Значительная часть торжеств по традиции прошла в Санкт-Петербурге. Если в торжественных речах и юбилейных текстах университета Академия звучит постоянно, то обратной ситуации мы не наблюдаем – университет на торжествах почти не упоминается, а если и звучит, то как «академический» (а не Санкт-Петербургский). Закреплению корпоративной коммеморации в ряду государственных праздников послужил подписанный 7 июня 1999 г. президентом Б.Н. Ельциным указ «Об установлении дня

российской науки» 8 февраля, который был назначен «в ознаменование 275-летия со дня основания в России Академии наук» (об университете в документе не упомянуто). Как известно, этот праздник сменил аналогичную коммеморацию, связанную с именем В.И. Ленина – в советское время день науки отмечался в третье воскресение апреля в память о том, что в период с 19 по 24 апреля 1918 г. лидер молодого советского государства создал «Набросок плана научно-технических работ».

Между тем со временем Академия привыкла к мысли об институциональном единстве «академического» и Санкт-Петербургского университета, что нашло отражение в публичных выступлениях ее следующих президентов. Например, президент РАН А.М. Сергеев в 2022 г. в ходе коммеморативных мероприятий, посвященных 350-летию Петра Великого выступил с соответствующим приветствием в университетском издании «Студенты Петровского университета» в серии «Alma mater выдающихся людей» (см. Студенты Петровского университета 2022, с. V–VI). В официально утвержденном в 2010 г. Правительством Российской Федерации Уставе университета отмечается, что Санкт-Петербургский университет «учрежден указом Петра I от 22 января 1724 г., введенным в действие указом Правительствующего Сената от 28 января 1724 г.» (Постановление). Показательно, что о 1819 г. в Уставе речь не идет. Между тем Устав Академии обращает внимание на прерывность истории собственно Академии: «Российская академия наук учреждена по распоряжению императора Петра I Указом Правительствующего сената от 28 января (8 февраля) 1724 г. Она восстановлена Указом Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. №228 “Об организации Российской академии наук” как высшее научное учреждение России» (Устав РАН). Так или иначе, оба учреждения в своих базовых документах ссылаются на указ 28 января (8 февраля) 1724 г. Отталкиваясь от этой даты, с намерением провести два параллельных юбилея со своими отдельными программами Правительство издало распоряжение «Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению празднования 300-летия Российской академии наук» (20 ноября 2018 г.) и распоряжение «Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению празднования 300-летия федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Санкт-Петербургский государственный университет”» (27 декабря 2018 г.). Масштабные коммеморации двух параллельных юбилеев начались, но еще далеки от завершения.

***

И Академия наук, и Санкт-Петербургский университет существуют уже 300 лет традиционно в двух ипостасях: как государственные учреждения и как ученые корпорации. В этом контексте следует рассматривать и юбилейные практики двух организаций. Само возникновение этой коммеморативной традиции в XVIII в., несомненно, можно считать проявлением новой корпоративной идентичности, обусловленной как европейским

составом Академии, так и начавшимся процессом эмансипации российского общества от государства. В то же время на первом этапе становления этих практик торжества носили исключительно официальный характер и были неразрывно связаны с фигурой монарха, принимавшего в них участие. Если Академии так и не удалось за три века вырваться за границы государственно-официозных торжеств, то университет во второй половине XIX в. создал две траектории празднования своих годовщин – на формальном и неформальном уровнях. На протяжении всех эпох академической и университетской истории в той или иной степени официальное происхождение как Академии, так и Университета связывали с именем Петра Великого, миф о котором как об основателе «новой России» на протяжении веков только укреплялся. Между тем первоначальное намерение администрации университета найти корни своего учреждения в XVIII в. начиная с 1840-х гг. сменилось стремлением к конструированию собственной независимой от Академии корпоративной истории и идентичности. Эти тенденции только усилились в пореформенный период и во время борьбы за автономию, когда университетские коммеморации стали не только официальными и неформальными праздниками универсантов, но и символами либеральной и социалистической фронды по отношению к власти.

Развитие «мифа о Петре» в XIX – начале XX в. предопределило сдвиг празднования академического юбилея в сторону удревнения («при жизни Петра»). В то же время переход от гумбольдтовский модели к так называемому массовому университету в советское время проходил в условиях уничтожения университетской автономии и встраивания университетского сообщества в реалии советского тоталитаризма. В новых социальных условиях старые коммеморации уже не играли роли прежних маркеров корпоративности, и на исходе советского времени все острее встает вопрос о новой интерпретации истории университетского образования в Санкт-Петербурге как непрерывного процесса, начало которому было положено Петром Великим. С одной стороны, такая интерпретация вполне допустима с точки зрения современных university studies. С другой стороны, она вполне отвечает возрожденному имперскому историческому нарративу, сменившему советский, в котором фигура Петра Великого заслоняет поблекший культ В.И. Ленина как главного универсанта. Иначе говоря, связанное с Петром удревнение даты основания Санкт-Петербургского университета (и, следовательно, российского университетского образования как такового) вполне отвечает установкам государственной исторической политики постсоветского времени. Можно предположить, что именно это обстоятельство и предопределило успешное утверждение новой университетской годовщины в рамках официального дискурса, несмотря на некоторое корпоративное недовольство Академии наук как предполагаемого ближайшего «родственника».

Источники и литература

1. 100-летняя годовщина Петроградского университета // Северная коммуна. 1919. 23 февраля. № 43 (236). С. 2.
2. 25-летие Московского университета 24 апреля (7 мая) 1780 г. // МГУ имени М.В. Ломоносова: от юбилея к юбилею: [электронный ресурс]. URL: https://msu.ru/jubilee/alljub1780.html (дата обращения: 21.06.2024).
3. 250 лет Академии наук СССР: Документы и материалы юбилейных торжеств / Сб. подгот.: Г.К. Скрябин, Ю.В. Бромлей, С.Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. 585, [1] с.
4. 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. 1724–1999 / сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; под ред. Л.А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 421 с.
5. *Андреев А.Ю.* О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. №3. С. 62–73.
6. *Андреев А.Ю.* «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. №1. С. 156–169.
7. *Андреев А.Ю.* Начало университетского образования в России в отечественной и зарубежной историографии. // Отечественная история. 2008. №4. С. 157–169.
8. *Анисимов Е.В.* Алексей Толстой и судьба его романа «Петр Первый» в литературе, науке и на экране // EUROPA ORIENTALIS. 2004. №1. С. 303–314.
9. *Вейдле В.* Тихо кланяюсь ему // Русская мысль. 1969. 6 марта. №2728. Приложение I. С. 1.
10. *Вишленкова Е.А.* Мемориальная культура российского университета XIX в. // Мир историка. Историографический сборник. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. С. 81–94.
11. Выступление председателя Государственной комиссии по организации и проведению 275-летнего юбилея Российской академии наук С.В. Степашина // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. №11. С. 1002.
12. *Гинс Г.* Петербург и его университет // Новое Русское слово. 1970. 8 марта. №21817. С. 3, 7.
13. Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1859 года. СПб.: тип. Эдуарда Веймара, 1859. VII, [1], 184, [2] с.
14. *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: тип. В. Безобразова и комп., 1870. 432, 96, CXXII, 15 с.
15. *Груздинская В.С., Корзун В.П.* «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием... »: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №3 (23). С. 281–293.
16. *Жаба С.* Петербургскому университету 148 лет // Русская мысль. 1967. 18 февраля. №2584. С. 7.
17. *Захарко К.И.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета: 1819–1840 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 328 с.
18. История Академии наук СССР. В трех томах / Главный ред. К.В. Островитянов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I: 1724–1803. 483 с., [6] л.
19. История Ленинградского университета. Очерки / Под. ред. В.В. Мавродина. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969. 663 с.
20. *Кирикова О.А.* Учебная деятельность Академии наук // Петр Великий и основание Петербургской Академии наук. Документы и материалы. В 2 частях / Ред.-сост. Е.Ю. Басаргина, отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2022. Ч. 1. С. 108–147.
21. *Ковалевский П.* Торжество петербуржцев // Русская мысль. 1972. 16 марта. №2886. С. 8.
22. *Колчинский Э.И.* Советизация Академии наук (1928–1932 гг.) // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 435–481.
23. Коммеморации Санкт-Петербургского университета: [электронный ресурс]. URL: https://commemorations.spbu.ru/commemorations (дата обращения: 21.06.2024).

24. [Конференция Санкт-Петербургского университета, 14 февраля 1819 г.] // Санкт-Петербургские Ведомости. 1819. 18 февраля. №14. С. 141–142.

25. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с., 4 л. ил.

26. *Корель И.И.* В.И. Ленин в Петербургском университете // Смена. 1939. 21 апреля. №91. С. 2.

27. *Корель И.И.* В.И. Ленин и Петербургский университет // Ленинградская правда. 1939. 21 апреля. №91. С. 3.

28. *Костина Т.В.* Когда и куда «пропал» академический университет: реформа учебных заведений академии наук 1765–1770 годов // Мавродинские чтения – 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 499–502.

29. *Кривоноженко А.Ф.* Реформа гуманитарного образования в Петроградском университете в первые годы советской власти // Carelica. Научный электронный журнал. 2015. №1 (13). С. 25–37.

30. *Кропачев Н.М., Даудов А.Х., Тихонов И.Л., Ростовцев Е.А.* Первый университет Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 5–23.

31. *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука. 1977. 228 с.

32. *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство и реальность. М.: РОССПЭН, 2018. 613 с.

33. *Лаппо-Данилевский А.С.* Петр Великий – основатель императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Речи, произнесенные на торжественном собрании имп. Академии наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Пг., 1915. С. 33–92.

34. *Левшин Б.В.* Академический университет в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. №5. С. 73–76.

35. Ленинградский государственный университет / Под ред. В.Б. Томашевского. Л. : Гос. изд., 1925. 60 с., [5] л. ил.

36. Летопись Российской академии наук. В 4-х томах. Том 1: 1724–1802 / Отв. ред. Н.И. Невская; Сост. и пер. Е.Ю. Басаргина и др. СПб.: Наука, 2000. 994 с., [28] л. ил., факс.

37. Летопись Российской Академии наук. В 4-х томах. Том 2: 1803–1860 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. 620, [1] с., [12] л. ил., портр., факс.

38. Летопись Российской Академии наук. В 4-х томах. Том 3: 1861–1900 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2003. 727, [1] с., [4] с. портр.

39. *Лобачев С.* Много шума из ничего? // Ленинградский университет. 1989. 17 февраля. №6 (3192). С. 12.

40. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Сколько лет Петербургскому-Ленинградскому университету? // Ленинградский университет. 1983. 18 марта. №10 (2960). С. 6–7.

41. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Петербургскому-Ленинградскому университету 260 лет // Ленинградский университет. 1984. 13 янв. №2 (2992). С. 6–8.

42. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 230,[2] с. : ил.

43. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 226, [1] с.

44. Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М.И. Сухомлинов. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885. Т. 1. IV, 732, [2] с., [8] л. портр.

45. *Межова М.В., Шушляева О.В.* Модели университетского образования: от сократической модели к глобальному университету будущего // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 сент. 2015 г.) / Редколл.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 40–46.

46. Мой друг, Университету посвятим души прекрасные порывы! [О новой дате основания С.-Петерб. университета, установленной Г.А. Тишкиным и Ю.Д. Марголисом: история вопроса] // Санкт-Петербургский университет. 1999. №13. С. 1–7.

47. *Никитенко А.* Похвальное слово Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому отцу Отечества. СПб.: тип. А. Плюшара, 1838. 23 с.

48. *Николай.* Сто одиннадцатая и последняя // Студенческая правда. 1930. 22 февраля. №4. С. 1.

49. Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, которые собираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Указ именной, объявленный из Сената 28 января 1724 г. – С приложением проекта об учреждении Академии // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. VII. 1723–1727. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. №4443. С. 220–224.

50. Об учреждении Педагогического института в Санкт-Петербурге из бывшей прежде учительской гимназии. Высочайше утвержденный доклад Министра народного просвещения [Апреля 16 1804 г.] // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXVIII. 1804–1805. №21.265. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 270–281.

51. От редакции // Ленинградский университет. 1989. 17 февраля. №6 (3192). С. 12.

52. *Павлова Г.Е.* Истоки организации Петербургского университета (От Академического до Санкт-Петербургского университета. 1724–1819) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 175–189.

53. [*Плетнев П.А.*] Приветственная речь, произнесенная на торжественном акте 25 марта 1840 г. // Слова и речи, произнесенные на торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 25 марта 1840 года. СПб.: тип. Карла Краия, 1841. С. 1–8.

54. *Плетнев П.* Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского Университета. СПб.: тип. Военно-учебных заведений, 1844. 126 с.

55. [Поздравление Санкт-Петербургского научного центра РАН] // Санкт-Петербургский университет. 1994. 25 февраля. №4 (3355) [Юбилейный спецвыпуск]. С. 1.

56. Поздравления Санкт-Петербургскому университету по случаю его 275-летия // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2003. С. 7–62.

57. *Покровский Б.Л., Леонидов Л.Д.* Бывшие студенты СПБ университета // Русская мысль. 1963. 9 февраля. №1954. С. 4.

58. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2010 г. №1241 Об утверждении устава Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»: [электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/55170320/ (дата обращения: 01.10.2023).

59. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1897. Т. I. 879 с.

60. Российская Академия наук. 1724–1999. Материалы юбилейных торжеств / Сост. Н.А. Платэ, В.И. Васильев. М.: Наука, 1999. 258, [1] с.

61. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1451. Именные указы и высочайшие повеления. Оп. 1. Д. 18.

62. *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. №4. С. 89–99

63. *Ростовцев Е.А.* Академия наук и Санкт-Петербургский университет на рубеже XIX–XX вв.: проблемы корпоративных взаимоотношений // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2018. С. 511–519.

64. *Ростовцев Е.А.* Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939) // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2021. [№33]. С. 181–196.

65. *Ростовцев Е.А.* Коммеморации столичного университета (1819–1919) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2022. №15. P. 137–158.

66. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Первые коммеморации Санкт-Петербургского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 255–259.

67. *Ростовцев Е.А., Тихонов И.Л.* Три века Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 464 с.

68. Санкт-Петербургский государственный университет // Большая Российская энциклопедия: [в 35 томах] / Науч.-ред. совет: пред. Ю.С. Осипов [и др.]. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. Т. 29. С. 350–351.

69. *Слизской А.* Петербургский университет. К 154 годовщине основания СПб. университета // Русская мысль. 1973. 22 февраля. №2935. С. 7.

70. *Сорокина М.* Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбИИРАН «Нестор-история», 2005. С. 206–235.

71. *Спасович В.Д.* Пятидесятилетие Петербургского университета // Вестник Европы. 1870. Апрель. С. 765–779; Май. С. 312–345.

72. *Старый студент.* Годовщина С. Петербургского университета // Русская мысль. 1956. 6 марта. №869. С. 7.

73. Студенты Петровского университета / Отв. ред. И.Л. Тихонов, Т.В. Костина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. 320 с.

74. *Тихонов И.Л.* К истории университетских юбилеев // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2003. С. 435–442.

75. *Тишкин Г.А.* Предисловие. Объяснение об Университете и Гимназии в XVIII в. // Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в. Обзор архивных документов / Под ред. Г.А. Тишкина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. С. 3–36.

76. *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1885. Т. XXXVIII. №6. С. 1–67.

77. Устав РАН: [электронный ресурс]. URL: https://www.ras.ru/about/rascharter/general.aspx (дата обращения: 21.06.2024).

78. *Цимбаев К.Н.* Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 70–79.

79. *Шульгин И.П.* О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: тип. А. Плюшара, 1838. 3-30 с., 1 л. табл.

80. *Gellert C.* The Emergence of Three University Models. Institutional and Functional Modifications in European Higher Education. Florence: European University Institute, 1991. 37 p.

81. *Wittrock B.* The modern University: the three Transformations // *The European and American University since 1800. Historical and Sociological essays. Ed. by S. Rothblatt, B. Wittrock*. Cambridge Cambridge University Press, 1993, pp. 303–361.

References

1. “100-letnyaya godovshchina Petrogradskogo universiteta.” Severnaya kommuna, no. 43 (236), 23 Febr. 1919, pp. 2.

2. “25-letie Moskovskogo universiteta 24 aprelya (7 maya) 1780 g.” *MGU imeni M.V. Lomonosova: ot yubileya k yubileyu,* https://msu.ru/jubilee/alljub1780.html. Accessed 21 June 2024.

3. *250 let Akademii nauk SSSR: Dokumenty i materialy yubileinykh torzhestv.* Nauka, 1977.

4. *275 let. Sankt-Peterburgskii universitet. Letopis’. 1724–1999*. Izd-vo SPbGU, 1999.

5. Andreev, Andrei Yu. “O nachale universitetskogo obrazovaniya v Sankt-Peterburge.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, 1998, pp. 62–73.

6. Andreev, Andrei Yu. “жNatsional’naya model’” universitetskogo obrazovaniya: vozniknovenie i razvitie.» *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 1, 2005, pp. 156–169.

7. Andreev, Andrei Yu. “Nachalo universitetskogo obrazovaniya v Rossii v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, 2008, pp. 157–169.

8. Anisimov, Evgenii V. “Aleksei Tolstoi i sud’ba ego romana жPetr Pervyi’ v literature, nauke i na ekrane.” *EUROPA ORIENTALIS*, no. 1, 2004, pp. 303–314.

9. Veidle V. “Tikho klanyayus’ emu.” Russkaya mysl’, no. 2728, 6 March 1969, Add. I, p. 1.

10. Vishlenkova, Elena A. “Memorial’naya kul’tura rossiiskogo universiteta XIX v.” *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik*, Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, pp. 81–94.

11. “Vystuplenie predsedatelya Gosudarstvennoi komissii po organizatsii i provedeniyu 275-letnego yubileya Rossiiskoi akademii nauk S.V. Stepashina.” *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 69, no. 11, 1999, p. 1002.

12. Gins, Georgii. “Peterburg i ego universitet.” *Novoe Russkoe slovo*, no. 21817, 8 March 1970, pp. 3, 7.

13. *Godichnyi torzhestvennyi akt v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete, byvshii 8 fevralya 1859 goda*. Tip. Eduarda Veimara, 1859.

14. Grigor’ev, Vasilii V. *Imperatorskii Sankt-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya*. Tip. V. Bezobrazova i komp., 1870.

15. Gruzdinskaya, Viktoriya S. and Valentina P. Korzun “жYubilei, kak mne kazhetsya, stanet obshchegosudarstvennym sobytiem...’: dokumenty po istorii prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk SSSR.” *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya жIstoricheskie nauki’*, no. 3 (23), 2019, pp. 281–293.

16. Zhaba, Sergei. “Peterburgskomu universitetu 148 let.” Russkaya mysl’, no. 2584, 18 Febr.1967, p. 7.

17. Zakharko, Kseniya I. *Akademicheskaya korporatsiya Sankt-Peterburgskogo universiteta: 1819–1840 gg.: diss. ... kand. ist. nauk.* SPb., 2022.

18. *Istoriya Akademii nauk SSSR. V trekh tomakh*. Ed. by K.V. Ostrovityanov, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, vol. I, 1958.

19. *Istoriya Leningradskogo universiteta. Ocherki*. Ed. by V.V. Mavrodin, Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta, 1969.

20. Kirikova, Ol’ga A. “Uchebnaya deyatel’nost’ Akademii nauk.” *Petr Velikii i osnovanie Peterburgskoi Akademii nauk. Dokumenty i materialy. V 2 chastyakh, Ch. 1*, Nestor-Istoriya, 2022, pp. 108–147.

21. Kovalevskii, Petr. “Torzhestvo peterburzhtsev.” *Russkaya mysl’*, no. 2886, 16 March 1972, pp. 8.

22. Kolchinskii, Eduard I. “Sovetizatsiya Akademii nauk (1928–1932 gg.).” *Akademicheskaya nauka v Sankt-Peterburge v XVIII–XX vekakh. Istoricheskie ocherki*, Nauka, 2003, pp. 435–481.

23. *Kommemoratsii Sankt-Peterburgskogo universiteta*, https://commemorations.spbu.ru/commemorations. Accessed 21 June 2024.

24. “Konferentsiya Sankt-Peterburgskogo universiteta, 14 fevralya 1819 g.” *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, no. 14, 18 Febr. 1819, pp. 141–142.

25. Kopelevich, Yudif’ Kh. *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk*. Nauka, 1977.

26. Korel’, Ivan I. “V.I. Lenin v Peterburgskom universitete.” *Smena*, no. 91, 21 Apr. 1939, p. 2.

27. Korel’, Ivan I. “V.I. Lenin i Peterburgskii universitet.” *Leningradskaya pravda*, no. 91, 21 Apr. 1939, p. 3.

28. Kostina, Tat’yana V. “Kogda i kuda жpropal’ akademicheskii universitet: reforma uchebnykh zavedenii akademii nauk 1765–1770 godov.” *Mavrodinskie chteniya – 2018*, Nestor-Istoriya, 2018, pp. 499–502.

29. Krivonozhenko, Aleksandr F. “Reforma gumanitarnogo obrazovaniya v Petrogradskom universitete v pervye gody sovetskoi vlasti.” *Carelica. Nauchnyi elektronnyi zhurnal*, no. 1 (13), 2015, pp. 25–37.

30. Kropachev, Nikolai M., Abdulla Kh. Daudov, Igor' L. Tikhonov and Evgenii A. Rostovtsev. "Pervyi universitet Rossiiskoi imperii." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 64, iss. 1, 2019, pp. 5–23.

31. Kulyabko, Elena S. *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta*. Nauka, 1977.

32. Kusber, Yan. *Vospitanie elit i narodnoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka. Diskurs, zakonodatel'stvo i real'nost'*. ROSSPEN, 2018.

33. Lappo-Danilevskii, Aleksandr S. "Petr Velikii – osnovatel' imperatorskoi Akademii nauk v Sankt-Peterburge." *Rechi, proiznesennye na torzhestvennom sobranii imp. Akademii nauk po sluchayu trekhsotletiya tsarstvovaniya doma Romanovykh*. Petrograd, 1915, pp. 33–92.

34. Levshin, Boris V. "Akademicheskii universitet v Sankt-Peterburge." *Otechestvennaya istoriya*, no. 5, 1998, pp. 73–76.

35. *Leningradskii gosudarstvennyi universitet*. Ed. by V.B. Tomashevskii, Gos. izd., 1925.

36. *Letopis' Rossiiskoi akademii nauk. V 4 tomakh. Tom 1: 1724–1802*. Nauka, 2000.

37. *Letopis' Rossiiskoi Akademii nauk. V 4 tomakh. Tom 2: 1803–1860*. Nauka, 2002.

38. *Letopis' Rossiiskoi Akademii nauk. V 4 tomakh. Tom 3: 1861–1900*. Nauka, 2003.

39. Lobachev S. "Mnogo shuma iz nichego?" *Leningradskii universitet*, no. 6 (3192), 17 Febr. 1989, pp. 12.

40. Margolis, Yurii D. and Grigorii A. Tishkin. "Skol'ko let Peterburgskomu-Leningradskomu universitetu?" *Leningradskii univer*sitet, no. 10 (2960), 18 March 1983, pp. 6–7.

41. Margolis, Yurii D. and Grigorii A. Tishkin. "Peterburgskomu-Leningradskomu universitetu 260 let." *Leningradskii universitet*, no. 2 (2992), 13 Jan. 1984, pp. 6–8.

42. Margolis, Yurii D. and Grigorii A. Tishkin. *"Otechestvu na pol'zu, a rossiyanam vo slavu" (Iz istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v XVIII – nachale XIX v.)*. Izd-vo LGU, 1988.

43. Margolis, Yurii D. and Grigorii A. Tishkin. *"Edinym vdokhnoveniem": ocherki istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv.*, Izd-vo SPbGU, 2000.

44. *Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk, vol. 1*. Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1885.

45. Mezhova, Marina V. and Oksana V. Shushlyaeva "Modeli universitetskogo obrazovaniya: ot sokraticheskoi modeli k global'nomu universitetu budushchego." *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 11 sent. 2015 g.)*, TsNS "Interaktiv plyus", 2015, pp. 40–46.

46. "Moi drug, Universitetu posvyatim dushi prekrasnye poryvy! [O novoi date osnovaniya S.-Peterb. universiteta, ustanovlennoi G.A. Tishkinym i Yu.D. Margolisom: istoriya voprosa]." *Sankt-Peterburgskii universitet*, no. 13, 1999, pp. 1–7.

47. Nikitenko A. *Pokhval'noe slovo Petru Velikomu imperatoru i samoderzhtsu vserossiiskomu ottsu Otechestva*. Tip. A. Plyushara, 1838.

48. Nikolai. "Sto odinnadtsataya i poslednyaya." *Studencheskaya pravda*, no. 4, 22 Febr. 1930, p. 1.

49. "Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlya soderzhaniya onoi dokhodov tamozhennykh i litsentnykh, kotorye sobirayutsya s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga. Ukaz imennoi, ob''yavlennyi iz Senata 28 yanvarya 1724 g. – S prilozheniem proekta ob uchrezhdenii Akademii." *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.], vol. VII, 1723–1727, №4443*, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830, pp. 220–224.

50. "Ob uchrezhdenii Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburge iz byvshei prezhde uchitel'skoi gimnazii. Vysochaishe utverzhdennyi doklad Ministra narodnogo prosveshcheniya [Aprelya 16 1804 g.]." *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.], vol. XXVIII, 1804–1805, №21.265*, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830, pp. 270–281.

51. "Ot redaktsii." *Leningradskii universitet*, no. 6 (3192), 17 Febr. 1989, pp. 12.

52. Pavlova, Galina E. "Istoki organizatsii Peterburgskogo universiteta (Ot Akademicheskogo do Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1724–1819)." *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta, vol. 6*, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989, pp. 175–189.

53. Pletnev, Petr A. “Privetstvennaya rech’, proiznesennaya na torzhestvennom akte 25 marta 1840 g.” *Slova i rechi, proiznesennye na torzhestvennom akte Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta 25 marta 1840 goda*, Tip. Karla Kraiya, 1841, pp. 1–8.

54. Pletnev, Petr. *Pervoe dvadtsatipyatiletie Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo Universiteta.* Tip. Voenno-uchebnykh zavedenii, 1844.

55. “Pozdravlenie Sankt-Peterburgskogo nauchnogo tsentra RAN.” *Sankt-Peterburgskii universitet,* no. 4 (3355), 25 Febr. 1994, p. 1.

56. “Pozdravleniya Sankt-Peterburgskomu universitetu po sluchayu ego 275-letiya.” *Prazdnovanie 275-i godovshchiny osnovaniya Sankt-Peterburgskogo universiteta. Dokumenty i materialy*. Ed. by Lyudmila A. Verbitskaya and Grigorii A. Tishkin, Izd. Dom SPbGU, 2003, pp. 7–62.

57. Pokrovskii, B.L., Leonidov, L.D. “Byvshie studenty SPB universiteta.” *Russkaya mysl’*, no. 1954, 9 Fevr. 1963, p. 4.

58. *Postanovlenie Pravitel’stva Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2010 g. №1241 Ob utverzhdenii ustava Federal’nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel’nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet”*, https://base.garant.ru/55170320/. Accessed 1 October 2023.

59. *Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 g., vol. I*. Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1897.

60. *Rossiiskaya Akademiya nauk. 1724–1999. Materialy yubileinykh torzhestv*. Ed. by N.A. Plate, V.I. Vasil’ev, Nauka, 1999.

61. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 1451. Imennye ukazy i vysochaishie poveleniya. Op. 1. D. 18.

62. Rostovtsev, Evgenii A. “Revolyutsionnye kommemoratsii v Peterburgskom universitete na rubezhe XIX–XX vv.” *Klio*, no. 4, 2011, pp. 89–99.

63. Rostovtsev, Evgenii A. “Akademiya nauk i Sankt-Peterburgskii universitet na rubezhe XIX–XX vv.: problemy korporativnykh vzaimootnoshenii.” *Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost’ i traditsii v sokhranenii i izuchenii dokumental’nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–26 maya 2018 g., Sankt-Peterburg*. Ed. by Irina V. Tunkina; Minobrnauki Rossii, SPbF ARAN, Renome, 2018, pp. 511–519.

64. Rostovtsev, Evgenii A. “Sankt-Peterburgskii universitet v sovetskoi istoriografii i kommemorativnykh praktikakh (1919–1939).” *Veche. Ezhegodnik russkoi filosofii i kul’tury*, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2021, pp. 181–196.

65. Rostovtsev, Evgenii A. “Kommemoratsii stolichnogo universiteta (1819–1919).” *Journal of Modern Russian History and Historiography*, no. 15, 2022, pp. 137–158.

66. Rostovtsev, Evgenii A. and Dmitrii A. Sosnitskii. “Pervye kommemoratsii Sankt-Peterburgskogo universiteta.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 69, iss. 2, 2024, pp. 255–259.

67. Rostovtsev, Evgenii A. and Igor’ L. Tikhonov. *Tri veka Peterburgskogo universiteta*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2024.

68. “Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet.” *Bol’shaya Rossiiskaya entsiklopediya, vol. 29*, Bol’shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2015, pp. 350–351.

69. Slizskoi, Arkadii. “Peterburgskii universitet. K 154 godovshchine osnovaniya SPb. Universiteta.” Russkaya mysl’, no. 2935, 22 Fevr. 1973, pp. 7.

70. Sorokina, Marina. “Otkrytaya stsena, ili Dvukhsotletnii yubilei Akademii nauk.” *Otechestvennaya nauka v kontse XIX–XX vv.*, iss. 3, Nestor-istoriya, 2005, pp. 206–235.

71. Spasovich, Vladimir D. “Pyatidesyatiletie Peterburgskogo universiteta.” Vestnik Evropy, Apr. 1870, pp. 765–779; May 1870, pp. 312–345.

72. “Staryi student. Godovshchina S. Peterburgskogo universiteta.” Russkaya mysl’, no. 869, 6 March 1956, p. 7.

73. *Studenty Petrovskogo universiteta*. Ed. by Tikhonov, Igor’ L. and Tat’yana V. Kostina. Izd-vo SPbGU, 2022.

74. Tikhonov, Igor’ L. “K istorii universitetskikh yubileev.” *Prazdnovanie 275-i godovshchiny osnovaniya Sankt-Peterburgskogo universiteta. Dokumenty i materialy*. Ed. by Lyudmila A. Verbitskaya and Grigorii A. Tishkin, Izd. Dom SPbGU, 2003, pp. 435–442.

75. Tishkin, Grigorii A. “Predislovie. Ob’’yasnenie ob Universitete i Gimnazii v XVIII v.” *Materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta XVIII v. Obzor arkhivnykh dokumentov*. Ed. by Grigorii A. Tishkin, Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2001, pp. 3–36.

76. Tolstoi, Dmitrii A. “Akademicheskii universitet v XVIII stoletii po rukopisnym dokumentam arkhiva Akademii nauk.” *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. XXXVIII, no. 6, 1885, pp. 1–67.

77. *Ustav RAN*, https://www.ras.ru/about/rascharter/general.aspx. Accessed 21 June 2024.

78. Tsimbaev, Konstantin N. “Istoki yubileinoi kul’tury imperatorskoi Rossii.” *Dialog so vremenem*, iss. 67, 2019, pp. 70–79.

79. Shul’gin, Ivan P. *O nachale i postepennom vozrastanii Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Tip. A. Plyushara, 1838.

80. Gellert, Claudius. *The Emergence of Three University Models. Institutional and Functional Modifications in European Higher Education*. European University Institute, 1991.

81. Wittrock, Björn. “The modern University: the three Transformations.” *The European and American University since 1800. Historical and Sociological essays*. Ed. by Sheldon Rothblatt, Björn Wittrock, Cambridge Cambridge University Press, 1993, pp. 303–361.

Сведения об авторе:

Ростовцев Евгений Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru. https://orcid.org/0000-0002-5833-448X

Дата поступления статьи: 06.05.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

Методологический фронтир современной науки

УДК 001.1 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-155-164

Методологические проблемы изучения истории развития науки

Ланской Григорий Николаевич

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Статья посвящена определению и анализу наиболее значимых методологических проблем изучения истории развития науки. Наука представлена как универсальная сфера формирования, систематизации и изложения знаний о различных аспектах и формах действительности. В качестве предмета исследования избрана историография. Она анализируется, с одной стороны, как методический инструмент развития науки и, с другой стороны, как специальная историческая дисциплина. На основании применения системного и комплексного подходов в статье на конкретных примерах определены и исследованы три методологические проблемы изучения истории науки: выявление познавательной области науки, оценка объективности результатов научной деятельности, определение методической базы исследовательского творчества.

Ключевые слова: наука, знание, историография, история, методология, метод, объективность.

Methodological Problems in the Studies of the History of Science Development

Grigorii N. Lanskoy

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The article is devoted to defining and analyzing the preeminent methodological problems in the studies of the history of science development. Science is presented as a universal realm of formation, systematization, and presentation of knowledge about the aspects and forms of reality. Historiography, chosen as the subject of study, is analyzed as a methodological instrument for the development of science, on the one hand, and as a special historical discipline, on the other hand. Using the systems and complex approaches and based on the concrete examples, the article defines and looks into three methodological problems in the studies of the history of science: identifying the cognitive

domain of science, evaluating objectivity of the results of scientific activity, and defining the methodological base for research work.

Keywords: science, knowledge, historiography, history, methodology, method, objectivity.

Изучение истории развития науки занимает особое место в рамках историографии как специальной исторической дисциплины. Находясь в одном ряду с источниковедением, она имеет с ним общий объект исследования – источник. Также историография и источниковедение обладают сходной предметной областью, которой являются информационные особенности изучаемых текстов. Однако при этом между этими двумя специальными историческими дисциплинами существует фундаментальное отличие, имеющее методологический, т.е. нуждающийся в приоритетном учете, характер. Оно заключается в том, что результаты историографического творчества не фиксируют происходящие события в документальном виде, а представляют собой их интерпретацию. Именно эта их особенность была подчеркнута и обоснована на конкретных примерах М.В. Нечкиной, введшей в исследовательскую практику типологический термин «история истории». В одной из своих статей, написанной в первой половине 1980-х гг. и частично имевшей мемуарный характер, она определила его концептуальное основание и содержание следующим образом: «Она уже существовала в литературе и до нашего появления и называлась историографией, считалась “вспомогательной дисциплиной” и довольствовалась пониманием своей “второстепенности” и вспомогательной функции, и своим серьезным – из древнего ученого языка – “история + пишу” или чего-то в этом роде. Нам же, внедряющим этот вспомогательный предмет в работу историка, хотелось “осветить” имя нового занятия. Почти всегда напрашивался веселый, с “двумя крылышками” термин “история истории”, с ним хорошо было действовать, и мы назвали им одну из вышедших у нас работ» (Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164, л. 7). Таким образом, в рамках историографии, признанной в России профессиональным сообществом в 1960-е гг. отдельной областью исторических знаний, стал изучаться процесс описания различных событий и явлений конкретными авторами. Все события, связанные с организацией, осуществлением, обсуждением этого вида деятельности, идентифицировались в познавательной среде в качестве историографических фактов, а произведения, из которых можно было почерпнуть сведения о конкретных взглядах тех или иных авторов на любые объекты материального и духовного мира, стали называться историографическими источниками.

Исходя из данной системы дефинитивных теоретических координат развития историографии любой области научных знаний, исходным методологическим подходом к изучению истории развития науки является определение необходимой для нее познавательной области. От его результатов зависит корректность поиска, выявления и осмысления доступной информационной базы. Практически во всех документах официального происхождения, многих источниках личного происхождения, направленных

исключительно на фиксацию наблюдаемых и воспринимаемых фактов, хроникальных съемках, вещественных предметах исследователь ищет сведения, дополняющие его миропонимание или вносящие в него новую информацию. В текстах, интерпретирующих уже известные и обеспеченные доступной источниковой базой события практической и интеллектуальной жизни, он выявляет их новые интерпретации. Поэтому высшим уровнем зафиксированного в различных по жанру текстах осмысленного восприятия история развития науки как в целом, так и в отдельных ее отраслях является концепция. Данное утверждение в одинаковой мере относится к создаваемым историографами работам биографической и более сложной в методическом плане проблемно-тематической направленности. Об этом, в частности, писал один из наиболее известных историков исторической науки К.Н. Тарновский, определивший объектную сферу историографической науки следующим образом: «Под историографическим фактом мы понимаем авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании: в нем, таким образом, доминирует системообразующее и объясняющее знание, полученное в результате анализа исторических фактов» (Тарновский, 1990, с. 10). При этом значение концепции в его наиболее объективном позитивистском понимании в том числе с точки зрения возможности ее формирования в разных отраслях научного знания имеет очевидные отличия.

Прежде всего качественные параметры происхождения и содержания концепций зависят от соотношения в группах данных отраслей элементов фундаментального и прикладного знания. В случае наличия уже сформулированных и доказанных законов развития и взаимодействия изучаемых объектов концепции будут иметь преимущественно частную ориентацию, дополняя и углубляя уже сделанные в более ранний период выводы. В частности поэтому методология географического детерминизма, применяемая не только в естественных, но и в социальных науках, была создана еще в античный период и далее вплоть до настоящего времени подтверждается новыми представлениями о различных территориальных пространствах и осваивающих эти объекты сообществах. Еще более устойчивыми и универсальными в применении являются законы и другие аксиоматические положения, разработанные специалистами в области точных наук. Их наличие скрепляет объективными и апробированными характеристиками полученные путем наблюдений и опыта знания о конкретных объектах и становится также основанием для математической логики, изобретение которой Г.В. Лейбницем и последующее внедрение в различные концепции позволило во многих отношениях провести связь от эмпиризма к рационализму в структуре познавательной деятельности.

В социальных и особенно в гуманитарных науках комплекс фундаментальных знаний концентрируется в локальных по сравнению с естественными и точными науками пространствах. Например, в учении о сущности, жизни и деятельности человека он представлен, главным образом, в междисциплинарном представлении о постоянно существующей у него в

различной иерархической последовательности пирамиде экзистенциальных и производных потребностей. В социальных науках по существу единственным имеющим объективное подтверждение теоретико-методологическим фундаментом является закон саморегуляции, созданный О. Контом и затем плодотворно апробированный при изучении различных сфер общественного развития и функционирования в них людей и социальных групп. Практически во всех остальных познаваемых областях социального и гуманитарного знания исследователи сталкиваются с ситуацией релятивизма, при которой по причине вариативности индивидуальных свойств любого человека и разнообразия пространственных условий его деятельности любая, закономерно имеющая обобщающий характер концепция будет, по существу, принадлежать к составу относительных истин.

Поэтому второй методологический подход к изучению истории науки после определения познаваемой в ее рамках области заключается в выявлении возможности получения о ней объективных знаний. По причине естественного, закономерно формируемого характера любых эволюционных процессов в природе, обществе и человеческой жизни первым основанием для объективности является комплексное осмысление действительности. Будучи ориентированным на реконструкцию и осмысление факторов возникновения, внешних проявлений, сущностных свойств и перспектив развития любых объектов материального мира, оно базируется не только на констатации существовавших ранее или актуально развивающихся процессов, но и на предположении дальнейших сценариев их продолжения или трансформации. Наличие данного свойства позволяет определить с достаточной степенью точности достоверность любых концепций и иных когнитивных моделей, поскольку оно станет гарантией подтверждения или, напротив, опровержения обобщающих и оценочных суждений о любых явлениях истории и современности. Поэтому в рамках методологического осмысления истории исследовательской деятельности было создано теоретическое представление о сущности и направленности научного предвидения, сформулированное одним из его авторов следующим образом: «В марксизме-ленинизме научное произведение основывается на последовательном историзме, на всестороннем изучении современной действительности. Научное предвидение при этом, разумеется, не может претендовать на предопределение всего эмпирического своеобразия событий, индивидуальных явлений, фактов. Дело не в этом. Научное предвидение будет обладать свойством объективности в определении ведущих тенденций, главных результатов общественного развития. Оно способно также вооружить общественную практику указанием на ближайшие перспективы явлений общественной жизни» (Иванов, 1973, с. 274). Формирование методологической категории объективности в оценке явлений истории науки сформировалось в рамках позитивизма, базируясь при этом на опыте слияния подходов эмпиризма и рационализма к осмыслению вначале внешних признаков и затем сущности любых

объектов. В период развития немецкой классической философии данный процесс подвергался на глубинном уровне скептической оценке, будучи идентифицируемым в концепции И. Канта в качестве результата работы «чистого разума». Однако затем после произошедшего практически во всех областях процесса дифференциации между научным и паранаучным знанием, за исключением комплекса гуманитарных наук о духовной жизни человека («наук о духе»), стало очевидно, что при методологически и методически удобном применении линейного подхода к анализу любых происходящих в окружающей действительности явлений предвидение их будущей трансформации становится закономерным.

В данном случае при решении универсальной для любых историко-научных исследований проблемы определения объективности исследовательских результатов главным фактором корректности является отсутствие субъективности в создаваемых экспертных оценках. При использовании в качестве главного инструмента метафизической логики такого рода решение не могло быть возможным, поскольку на уровне изучения причин, сущности и будущей практики развития любых познаваемых объектов мыслители независимо от своей специализации и квалификации использовали схоластический, не имеющий реальной доказательной основы подход. Такая же ситуация возникала в случае изучения не только социальных, но и других типов явлений в контексте применения утопических категорий к восприятию будущего. Поэтому не реализованными оказались модели формирования механизма «вечного движения» или искусственной коррекции генетически обусловленных явлений. В изучении общественного развития на предвидении утопической по причине своей нереализованности к настоящему времени ситуации основывалась методологическая модель научного коммунизма. Руководствуясь ее достоверностью, в частности, в связи с необходимостью соблюдать нормы мышления, практически все ученые из СССР и других стран социалистического блока стремились доказать неизбежность кризиса общественно-экономических формаций, характеризующихся наличием неравенства различных слоев общества по отношению к материальным и политическим благам, и наступления не имевшей реально воплощенного облика стадии, где этот признак будет отсутствовать. Данная тенденция наиболее отчетливо проявилась без использования теоретически парадоксальных и потому до конца не познаваемых историко-типологических характеристик (например, «военно-феодального империализма») при анализе и интерпретации практик производственной деятельности.

Высокая вероятность получения объективных знаний об этом объекте связана с комплексом причин естественно возникающего экзистенциального характера. Они заключаются в возникающей у жителей любых территорий потребности не только создавать, но также потреблять в жизненно необходимом объеме и распределять на основе принципа справедливости различные виды материальных ценностей. Поэтому при стремлении обосновать возможность существования не только реальных, но и

утопических ситуаций ученые изучали в качестве примера именно производственную деятельность как в широком, так и в узком – сегментном – понимании. Об этом, в частности, свидетельствует следующее высказывание И.Д. Ковальченко, совместившего фундаментальные наблюдения о практических явлениях исторического процесса с обобщающими выводами о закономерностях социального развития в целом: «Производственная деятельность является необходимым и непрерывно повторяющимся, внутренне обусловленным и закономерным естественно-историческим процессом. Этот процесс в конечном счете детерминирует другие сферы человеческой деятельности. И не только потому, что материальные потребности первичны по отношению к другим потребностям, но и потому, что производственно-экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, через определенную ими классовую структуру общества воздействуют как на формирование самих потребностей, так и вытекающих из них интересов, мотивов и целей деятельности» (Ковальченко, 2003, с. 76). При достижении объективного представления о фактах и процессах, наблюдаемых в различных сферах общества, основная проблема деятельности исследователя как познающего субъекта заключается в необходимости абстрагироваться от какой-либо исходной когнитивной модели, тем более если она имеет идеологический характер.

В условиях противостояния конкурентных геополитических доктрин, к которым, например, применительно к россиеведению и советологии относились теории экспорта коммунистической революции и, с другой стороны, тоталитаризма и западоцентричного гегемонизма, достижение данной нейтральной позиции не могло быть в реальности обеспечено. Поэтому в том числе применительно к изучению фактов научного творчества в историографии различных областей знания генерировался гибридный социально-партийный подход, при котором явления общественной жизни и создающие их акторы рассматривались и оценивались исходя из положений программы правящей в государстве общественно-политической организации. Убедительным отражением данной логической схемы, имеющей распространение во многих странах с внедряемой авторитарными средствами идеологией, может быть признано следующее высказывание: «Степень объективности информации определяется мерой соответствия поставленной цели объективному функционированию и развитию действительности. Это, в свою очередь, зависит от социально-партийной природы поставленной цели. При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации легитимируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу партийно-классовой сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации» (Ковальченко, 2003, с. 125). При этом в различных областях знания политико-идеологическая детерминированность может определяться не только принадлежностью исследователей к какому-либо партийному движению, но и поставленной,

в частности, государственными органами задачей обосновать с помощью любых фактов какую-либо административную доктрину. Примерами такой стратегии, предписанной специалистам в различных отраслях знания, являются организованная в СССР второй половины 1940 – начала 1950-х гг. борьба с проявлениями космополитизма или продолжающееся в настоящее время большинством североамериканских и европейских авторов доказательство генетической отсталости России и ее населения от передовых стран «западного мира».

Наименее достижимым и, следовательно, верифицируемым является методологическое определение степени объективности результатов, получаемых специалистами гуманитарных наук. В данной объектной области наблюдается сочетание аксиоматических и недоказанных априорных суждений. В полной мере объективными могут быть признаны сформированные и доказанные на протяжении длительного исторического периода знания об особенностях биологического устройства и физиологической деятельности человека, трехуровневом строении его психики, сочетаемости в нем в различном соотношении материального и духовного начал. Априорными и не имеющими подтверждения в универсальных рамках являются обе интерпретации специфики личностной сущности человека, с одной стороны, в качестве обязательного продуктивного участника созидательной деятельности общества и, с другой стороны, уникальной творческой индивидуальности, которую члены общества обязаны раскрыть, в частности, для собственного блага. В любом государстве представители органов управления идеологической жизнью и взаимодействующих с ними научных, образовательных, культурно-просветительских учреждений стремятся моделировать объективное знание об интеллектуальной сущности человека. Данная задача находит отражение в научно-исторических и в их числе источниковедческих исследованиях не только периода модерна со свойственной ему ориентацией на получение развивающего науку позитивного знания о любых объектах, но и для постмодернистской когнитивной практики, направленной на феноменологический анализ любых продуктов целенаправленного творчества. Об этом свидетельствовали, в частности, ориентированные на применение широкого культурно-когнитивного подхода источниковедческие исследования 2000-х гг., в одном из которых была представлена следующая гипотеза возможного получения точного гуманитарного знания о любом человеке: «Познавательные ситуации метода когнитивной истории очерчивают исследовательский путь, который начинается в базовой точке доступа в базовую коммуникационную систему опосредованной передачи информации – обращения к интеллектуальному продукту, произведению, источнику информации – и завершается раскрытием информационного ресурса во всей его полноте и достоверности – ресурса, дающего знать о возможностях человеческого мышления в данном конкретном случае» (Медушевская, 2008, с. 281). Данные опыты в развитии антропологии в широком, т.е. биологическом, социальном и культурном понимании ее предмета не могли

привести к плодотворному результату, поскольку представления о духовной сущности человека имеют по причине ее индивидуальной, персонифицированной специфики заведомо относительный характер. Кроме этого, проекты конструирования универсальной модели ее восприятия были характерными, главным образом, для донаучного периода исследовательской деятельности.

Наряду с определением отличительной сущности и признаков объективности науки методологически значимым аспектом изучения ее истории является определение методической базы теоретического уровня исследований. Исходя из фундаментальной направленности творческой деятельности человека в данной сфере на создание концепций и иных объяснительных моделей, степень объективности выдвигаемых наблюдений и выводов зависит от наличия у него совокупности компетенций. Если в естественных и технических научных отраслях основой достижения достоверных результатов является корректность получения опытных и затем экспериментальных данных, точность проведенных расчетов, то в областях социального и гуманитарного знания основным субъективным фактором развития историографических исследований является способность их авторов сконцентрироваться на внеидеологическом экспертном подходе.

При этом в условиях постановки государственными и иными административными органами в качестве главной задачи исторического развития обеспечения духовного единства и тем более единомыслия в обществе критерий профессиональной компетенции в обеспечении методического инструментария научной деятельности приобретает вторичный характер по сравнению с мировоззренческой позицией любого конкретного автора. Приоритетными тенденциями управления наукой и ее представителями становятся расширение состава исследователей за счет людей, готовых обобщить и представить в социальной среде объяснения и интерпретации познанных ими и другими авторами явлений с официально утвержденной доктринальной позиции.

В частности, в советском государстве на решение данной кадровой задачи были ориентированы созданные еще в годы гражданской войны высшие учебные заведения – Коммунистическая академия и Институт красной профессуры. Далее, особенно в период зрелого и позднего сталинизма, средством регулирования развития различных отраслей науки как на содержательном, так и на кадровом уровне стали дискуссии в области биологии, экономики, языкознания, искусствоведения. Функции управления ими осуществлялись взаимодействовавшими государственными органами и профессиональными объединениями, созданными в системе Академии наук СССР. О продолжении данной практики вплоть до середины 1980-х гг. свидетельствует, в частности, следующее, имевшее директивный характер высказывание академика-секретаря отделения истории в данном учреждении С.Л. Тихвинского: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий.

Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за "круглыми столами", на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов» (Тихвинский, 1985, с. 12). Констатация приоритетной значимости социально-политических убеждений у исследователей по сравнению с их профессиональными компетенциями особенно в сфере общественных и гуманитарных наук привела к переоценке значимости выдвигаемых ими наблюдений и выводов в работах историографической и – применительно к истории XX в. – исторической тематики. Об этом, в частности, свидетельствовал следующий обобщающий вывод, сделанный одним из основоположников историографии в качестве специальной области знаний А.М. Сахаровым: «Знание становится наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных трудов к научным – дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина научного осмысления исторического явления и процесса» (Сахаров, 1974, с. 99). В постсоветский период, когда специалисты в области истории науки получили возможность индивидуального выбора феноменологических ценностей, основным вектором объективных по направленности исследований стало получение из более доступных документальных источников новых знаний об историографических фактах. Методическая база их творчества, сохранив прежние элементы на эмпирическом уровне, стала разделяться не по идеологическому, а по компетентностному принципу. Ее основанием при изучении истории науки стал широко применяемый источниковедческий подход, базирующийся в свою очередь на общенаучных методологических основаниях – принципах историзма и объективности, системном и комплексном подходах.

Таким образом, проведение историко-научных исследований и их верификация основаны на решении применительно к каждому конкретному источнику трех фундаментальных, универсальных по сфере объектного происхождения проблем. Ими с теоретической точки зрения являются наличие в созданном труде концепции или иной структурированной модели осмысления конкретной темы, объективность зафиксированных результатов исследовательской деятельности и приспособленность примененной методической базы для получения достоверных знаний. Постановка и решение этих проблем имеют универсальный характер для любых отраслей знания, но при этом экспертная оценка созданных трудов зависит от соотношения в конкретной отраслевой группе пространств эмпирического и теоретического развития. Основным, нуждающимся в целенаправленном преодолении

препятствием объективного изучения фактов и процессов развития истории науки является его идеологизация, часто происходящая не только по административной инициативе структур и представителей государственных органов, но и в результате добровольного взаимодействия с ними представителей профессионального исследовательского сообщества.

Источники и литература

1. Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164.

2. *Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М.: Наука, 1973. 288 с.

3. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. 2-е издание, дополненное. М.: Наука, 2003. 485 с.

4. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с.

5. *Сахаров А.М.* О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.

6. *Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990. 290 с.

7. *Тихвинский С.Л.* Итоги и перспективы исследований советских историков //Вопросы истории. 1985. № 7. С. 3 – 13.

References

1. Arkhiv RAN. F. 1820. Op. 1. D. 164.

2. Ivanov, Vladimir V. *Sootnoshenie istorii i sovremennosti kak metodologicheskaya problema (Ocherki po marksistsko-leninskoi metodologii istoricheskogo issledovaniya)*. Nauka, 1973.

3. Koval'chenko, Ivan D. *Metody istoricheskogo issledovaniya*. Nauka, 2003.

4. Medushevskaya, Ol'ga M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii*. RSUH, 2008.

5. Sakharov, Anatolii M. "O predmete istoriograficheskikh issledovanii." *Istoriya SSSR*, no. 3, 1974, pp. 90–112.

6. Tarnovskii, Konstantin N. Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii: Nachalo XX v.: Sovetskaya istoriografiya serediny 50-kh – nachala 60-kh godov. Nauka, 1990.

7. Tikhvinskii, Sergei L. "Itogi i perspektivy issledovanii sovetskikh istorikov." *Voprosy istorii* no. 7, 1985, pp. 3–13.

Сведения об авторе:

Ланской Григорий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета.

Email: gri_lanskoi@list.ru. https://orcid.org/0000-0002-4631-1512

Дата поступления статьи: 13.04.2024

Одобрено: 13.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

История международного научного сотрудничества

УДК 001 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-165-173

Рассмотрение японо-советского академического обмена в Научном совете Японии (1955–1964)

Сайто Хирофуми

Технологический институт Кюсю, Япония

Целью данной статьи является выяснение обстоятельств возобновления научного обмена между Японией и Советским Союзом в 1950-х гг. Первые официальные академические обмены между двумя странами после Второй мировой войны начались в мае 1955 г., когда 15 членов Научного совета Японии (SCJ), представительного академического учреждения в Японии, приняли приглашение Академии наук СССР и посетили Россию с научным обзором. После этого визита в японских академических кругах возрос интерес к изучению России. В октябре 1956 г. была опубликована Совместная японо-советская декларация и восстановлены дипломатические отношения. В этих обстоятельствах план приглашения советских ученых в Японию стал насущным вопросом. Однако только в марте 1964 г. советская научная делегация, куда в том числе входил М.В. Келдыш, наконец посетила Японию. В течение периода моратория, длившегося около 10 лет, Научный совет продолжал обсуждать приглашение ученых из Советского Союза на каждой Генеральной ассамблее, но план приглашения продвигался очень медленно из-за отклонения запросов средств, необходимых для приглашения, и отсутствия соглашения о культурном обмене между двумя странами. В этой статье используются стенографические записи Генеральной ассамблеи Верховного суда (неопубликованные документы), чтобы пролить свет на некоторые предпосылки усилий по возобновлению научного обмена между двумя странами.

Ключевые слова: Научный совет Японии, Академия наук, Советский Союз, научный обмен, А.Н. Несмеянов, М.В. Келдыш, Синъитиро Томонага.

Examination of Japan-Soviet Academic Exchange in the Science Council of Japan (1955–1964)

Hirofumi Saito

Kyushu Institute of Technology, Japan

This paper aims to clarify the circumstances surrounding the resumption of scientific exchange between Japan and the Soviet Union in the 1950s. The first official academic exchanges between the two countries after the World War II began in May 1955, when 15 members of the Science Council of Japan (SCJ), a representative academic institution in Japan, accepted an invitation from the USSR Academy of Sciences and visited Russia on a scientific inspection tour. Following this visit, interest in Russian studies grew in Japanese academia. In October 1956 the Japan-Soviet Joint Declaration was issued and diplomatic relations were restored. Under these circumstances, the plan to invite Soviet scientists to Japan became a pressing issue. However, it was not until March 1964 that Soviet scientific delegates, including M.V. Keldysh, finally visited Japan. During the moratorium period of about 10 years, the SCJ continued to discuss the invitation of scientists from the Soviet Union at every General Assembly, but the invitation plan progressed very slowly due to the rejection of the budget request required for the invitation and the lack of a cultural exchange agreement between the two countries. This paper uses the stenographic records of the General Assembly of the SCJ (unpublished documents) to shed light on some of the background to the efforts to resume scientific exchange between the two countries.

Keywords: Science Council of Japan, Academy of Sciences, Soviet Union, Scientific exchange, A.N. Nesmeyanov, M.V. Keldysh, Shin-ichiro Tomonaga.

This paper discusses academic exchanges between Japan and the Soviet Union from the mid-1950s to the mid-1960s. Scientific relationships between Western European countries, the United States, and the Soviet Union in the early postwar period are often discussed and usually described in the Cold War context as competitive rather than collaborative, particularly in the field of space development and nuclear development (Wang, 1999; Ichikawa, 2018). However, little has been discussed about the scientific relationship between the Soviet Union and Japan, which was also part of the Western Bloc in the postwar period. What interested the leading Japanese scientists about Soviet scientific developments during the postwar period? How did they attempt to launch exchanges with Soviet scientists? What kinds of discussions ensued? These questions remain unanswered.

Immediately after the War, domestic policies such as the reconstruction of the national land and recovery of the national economy were prioritized for Japan, and there were not enough resources to spend on academic exchanges with foreign countries, including the Soviet Union. Literature exchange resumed first, followed by scholar exchanges. Literature exchange began in July 1951, when the Science Council of Japan (SCJ)[1] accepted a request from the

1 The Science Council of Japan was established in January 1949. According to its website, the purpose of its establishment is “For the purpose of promoting and enhancing the field of science, and having science reflected in and permeated into administration, industries and people’s lives. It represents Japan’s scientists both domestically and internationally.” The Science Council of Japan is made up of approximately 200 scholars representing Japan. At the General Assembly, which is held three times a year, academic and cultural proposals are discussed, and based on the decisions made there, proposals and recommendations are made to the government.

Library of the Soviet Academy of Sciences in Leningrad. At the time, the documents that could be exchanged were limited to government publications, but in April 1953, the abovementioned library requested an even wider exchange of books, and the SCJ was asked to intercede with each Japanese institution (Harada, 1953). In June 1953, the Japan-Soviet Library (Nisso-Toshokan)[2] was opened by taking over the book collection that the Soviet Mission in Japan had established before the War in Mitsubishi Oki No. 2 Building. In October 1954, the Japan-Soviet Academic Literature Exchange Center (Nisso Gakujyutsu Bunken Koryu Center) was established, and efforts were made to actively promote literature exchange. When 15 SCJ representatives visited the Soviet Union in May 1955, the Soviet Academy of Sciences donated many Russian academic journals and collective work to Japan (Onozawa, 1959). However, the arrangement was not undertaken, and almost all of them were stored in the bookstock on the basement floor of the SCJ main building. In 1956, the Japan-Soviet Library Center holding scientific and technical literature was established on the initiative of the cerebral physiologist Hideomi Tsuge. Tsuge was the first Japanese scientist to visit the Soviet Union after the War. On his visit to Moscow in December 1953, he met N.M. Sisakyan and T.D. Lysenko in the same room at the headquarters of the Academy of Sciences (Tsuge, 1954, p. 33–41).

The plan to visit the Soviet Union for scientific inspection was first suggested in the SCJ at its 13th General Assembly in October 1952. On this occasion, a theoretical physicist Koji Fushimi raised the agenda of "Recommending the [Japanese] Government to dispatch a scientific inspection team to the Soviet Union and China (Stenographic records of the 13th General Assembly, 1952, p. 487–513)". This agenda was possibly submitted with the hope of fostering scientific cooperation with countries with whom Japan had not recovered diplomatic relationships, including socialist countries, as part of Japan's revitalization of international academic connections. Even though some scholars in SCJ expressed concerns about the ideological conflicts with Soviet Union, observing science and technology of the "unknown country (Soviet Union)" in person was approved as meaningful by the majority of SCJ members. In May 1955, Japan dispatched an official SCJ delegation to the Soviet Union. It should be noted that domestic politics in Japan at the time greatly helped to realize inspection visits. Prime Minister Ichiro Hatoyama was eager to restore the diplomatic relationship between Japan and the Soviet Union.

The delegation to the Soviet Union comprised 15 authoritative members of the SCJ who were experts in natural sciences and engineering as well as influential scholars of the humanities and social sciences. Seiji Kaya, head of the delegation and the then president of the SCJ, was a physicist. The 15 delegates stayed in the Soviet Union for approximately three weeks, during which they divided into groups and visited various universities and research institutes affiliated with the Soviet Academy of Sciences, where they met many leading Soviet scientists. The official report on this visit to the Soviet Union was published in 1956. The Japanese delegation had undoubtedly received generous

2 The first director, Masao Yonekawa, was a famous scholar of Russian literature.

treatment in the Soviet Union throughout their visit. Thanks to the Soviet coordinators, such as I.E. Glushchenko, who carefully arranged the itinerary of Japanese groups, Japanese delegates could see almost all the places they had requested beforehand. The only exception was nuclear power plant facilities (Stenographic records of the 20th General Assembly, 1955, p. 164–170).

After returning to Japan, discussions continued within the SCJ regarding future scientific exchanges with the Soviet Union. In fact, at the 19th General Assembly held in April 1955 just before the departure of the SCJ delegation, Yoichi Fukushima, an agronomist who had a strong connection with the Communist Party of Japan, pointed out that the next mission could be to invite a delegation from the Soviet Union to Japan (Stenographic records of the 19th General Assembly, 1955, p. 33–34). One reason for discussing the invitation plan was that a certain number of scholars within the Science Council sympathized with Soviet academia – not only Fukushima, but also Ichiro Yamanouchi, who was known as a specialist in Soviet law. However, a more practical reason was that, since Japanese scholars were received in the Soviet Union and treated graciously, they had to reciprocate; in other words, it was an important protocol for Japan to invite Soviet scholars. In any case, there was no strong opposition within the SCJ to inviting Soviet scholars. In March 1964, Japan finally invited a scientific delegation from the Soviet Union.

A question is raised here. Japan's visit to the Soviet Union occurred in May 1955, the Soviet Union's visit to Japan was in March 1964. Why did it take nearly 10 years after Japan's visit? Did the SCJ address this issue seriously? What was the role of SCJ presidents including Kaya? What reason, if any, prevented the Soviet scholars from visiting Japan? This paper, based on the transcripts of stenographic records of the SCJ General Assembly (unpublished documents), reveals the types of discussions regarding this issue that took place within the SCJ, and describes several discussions in chronological order.

First, the policy of reactivating scientific exchanges with the Soviet Union was confirmed early in the SCJ. At the 20th General Assembly (Day 3) held in October 1955, which was the first assembly after the Japanese delegation's return to Japan, Takeo Kuwabara and Shuji Hasegawa, both members of the 1955 delegation, as well as Ichiro Yamanouchi proposed appropriate measures to activate Russian studies in Japan (Stenographic records of the 20th General Assembly, 1955, p. 430–439). The General Assembly approved a recommendation to the Japanese government to act upon this (Stenographic records of the 20th General Assembly, 1955, p. 458–460).

However, some people within the SCJ, such as economist Jyuitsu Kitaoka, took a cautious stance. At the 21st General Assembly (April 1956), he said he had no particular objections to scientific exchange with the Soviet Union but expressed considerable concerns about pro-Soviet remarks and actions taken by some delegation members after their return from the Soviet Union. He criticized the members, especially those in the executive branch, such as Kaya, who did not pay sufficient attention to the risk that their positive attitudes towards the Soviet Union would be exploited by the communists, as well as the plan to invite

Soviet scholars to Japan (Stenographic records of the 21st General Assembly, 1956, p. 22–25).

Japan's political and diplomatic circumstances, however, prevented early invitation of Soviet scholars. Since Japan had not yet restored formal diplomatic relations with communist countries, members of the Japanese Cabinet believed that restrictions should be placed on travel between Japan and the Soviet Union. A notice to the SCJ as of September 26, 1956, issued by the Ministry of Foreign Affairs, states, «It is true that the past exchange with those [communist] countries and regions had often caused troubles for attendees in their travel and other aspects. Therefore, regarding holding academic conferences, the inclusion of the Soviet Union, the New China, North Korea and others in the list of invitees should be avoided. If it is absolutely necessary to invite those countries <...>, let the Ministry of Foreign Affairs know before sending the invitations to avoid any trouble.» This notice clearly shows the negative, or at least passive, attitude of the Japanese government towards academic exchanges with communist countries. Kaya and other SCJ members argued several times that, from the standpoint of academic freedom, the SCJ could not approve of the Ministry of Foreign Affairs' policy of excluding communist blocs. However, Kaya demonstrated a realistic approach saying that he must take the government's circumstances into account while handling matters moderately and would try to find another way to remove obstacles to the exchange with foreign [communist] countries (22nd General Assembly, October 1956) (Stenographic records of the 22nd General Assembly, 1956, p. 44–85).

In addition to negotiating with the Ministry of Foreign Affairs, it appears that Kaya had directly approached the Minister of Education about inviting Soviet scholars every time they met, according to the stenographic records of the 24th General Assembly. However, Ministers were often replaced within a short period, which is a common issue in Japan, and the discussion sometimes ended up going back to the beginning (Stenographic records of the 24th General Assembly, 1957, p. 35–37). From the 21st General Assembly to the 24th General Assembly, Kaya's report on progress made since the previous general assembly lacked any update on the invitation of Soviet scholars to Japan.

At the end of his presidential term, Kaya urged that "inviting a scientific delegation from the Soviet Union to Japan" remain a subject of discussion in the General Assembly, under the new president (Stenographic records of the 23rd General Assembly, 1957, p. 40–42). From the question-and-answer session with the historian Goro Hani at the 22nd General Assembly, it seems that Kaya himself thought it would be impossible to realize the invitation within his own presidential term; at the same time, he felt somewhat guilty about that (Stenographic records of the 22nd General Assembly, 1956, p. 77–85).

At the 26th General Assembly held in April 1958, the presidency was taken over by Kankuro Kaneshige, a mechanical engineer. However, it is likely that the issues inherited from Kaya had not been adequately followed up by Kaneshige. At the same Assembly, when the Marxist economist Toichi Nawa asked Kaneshige and the former president Kaya about the lack of progress regarding

the plan to invite Soviet scientists, Kaya responded that he had been working hard to realize the plan. However, there was strong opposition from the Japanese government. Again, Kaya's explanation had the same painful tone as before, saying that the SCJ had not fulfilled the obligations to the Soviet Academy of Sciences (Stenographic records of the 26th General Assembly, 1958, p. 60–66). Kaneshige, conversely, said that although considerable difficulties were expected, the SCJ would continue its maximum efforts to realize the invitation (Stenographic records of the 26th General Assembly, 1958, p. 66–67).

At the 27th General Assembly (October 1958), the Soviet Academy of Sciences sent a letter to the president of the SCJ. This letter, dated June 30, 1958, was signed by the president of the Soviet Academy of Sciences, A.N. Nesmeyanov (Material (No. 3), 1958). Nesmeyanov seems to have lost patience after waiting so long for a substantive action from Japan. In the letter, he wrote that, in regard to sending Soviet scientists to Japan, "The Soviet side would cover all travel expenses of the visitors but would ask the host country [Japan] to bear their accommodation expenses. However, the Soviet side may bear all expenses of a certain number of Soviet scientists," indicating Nesmeyanov's considerable concessions. In response to this offer, the SCJ offered a somewhat vague answer, "Since there is no established mutual exchange system for scholars between the two countries, we are unable to accept your offer immediately, but if the Soviet could bear the full amount of travel and accommodation expenses, we would like to support the Soviet delegates to the best of our abilities" (dated August 5, 1958). At the same assembly, Japanese literature scholar Yasuaki Nagazumi mentioned that both the Japanese government and the Soviet Union recently agreed to launch a liaison for the purpose of concluding the agreement for cultural exchange. Nagazumi argued that the SCJ should discuss matters more enthusiastically and actively work towards inviting Soviet scholars (Stenographic records of the 27th General Assembly, 1958, p. 341–349). However, there was no concrete progress or fruitful discussion at the following 28th, 29th and 30th General Assemblies. At the 30th General Assembly, meteorologist Kiyoo Wadachi assumed the presidency.

Apart from the difficult mission of inviting the delegation from the Soviet Academy of Sciences to Japan, two policies for promoting academic exchange with the Soviet Union were discussed at the 31st General Assembly (April 1960). The first was "Enhancing Russian language education in universities." The stenographic record shows that this proposal considered the spectacular successes recently achieved by the Soviet Union in the field of science and technology (Stenographic records of the 31st General Assembly, 1960, p. 184). The SCJ also approved this policy and made a recommendation (dated May 6, 1960) to the Minister of Education to increase opportunities for Russian education (Material (No. 3), 1960, p. 6). The second policy was "Promoting academic exchange between the Japanese and the Soviet academia and requesting the drawing up of an intergovernmental agreement." This suggestion originated from a request sent by several academic organizations with 621 signatures. The 12 members of the SCJ who agreed with this request proposed it as an

agenda item for the General Assembly (Stenographic records of the 31st General Assembly, 1960, p. 206–229). The SCJ also approved this policy and made a recommendation (dated May 17, 1960) to the Minister of Foreign Affairs to consider it (Material (No. 3), 1960, p. 6).

On May 6, 1961, A.N. Nesmeyanov sent a letter to the President of the SCJ, Wadachi, requesting him to facilitate the scientific exchange between the Soviet Academy of Sciences and the SCJ in 1961 (Attached material (No. 5-2), 1961). Nesmeyanov shared his proposal of maintaining regular exchanges of scientists in the future by organizing annual discussions between the two institutions regarding the number of people to be dispatched, the period of the dispatch, and exchange scientists' study areas. Nesmeyanov once again showed a concessionary attitude regarding travel costs, writing, "The Soviet Academy of Sciences ... does not object to the Soviet side bearing all costs to facilitate the exchange in 1961." A reply to this letter was sent on October 20 the same year to Nesmeyanov's successor, M.V. Keldysh (Attached material (No. 5-1), 1961). The letter began by stating that, although the SCJ continued to make efforts to promote academic exchange between Japan and the Soviet Union, a system for the exchange of scholars had not yet been established. The letter also explained that the SCJ was under the Cabinet Office's purview and not an independent institution like the Soviet Academy of Sciences. For that reason, it was not possible for them to smoothly carry out scholarly exchanges based on their own judgment. Therefore, Keldysh was informed that the 1961 exchange of scholars would not be possible.

However, it was also true that favorable movements began to appear to resolve the rigid situation. In the second half of the same letter, it was mentioned that the Japanese government recently suggested a document interchange regarding cultural exchange with the Soviet government and that concrete terms regarding the exchange of scholars were also being negotiated. Wadachi expressed his hope that the plan of scientist exchange would move forward based on the results of this negotiation (Attached material (No. 5-1), 1961).

Shortly before the 36th General Assembly held in April 1962, executive members of the SCJ, including Wadachi, discussed the plan of inviting Soviet scholars by the SCJ at the Soviet embassy with Yu.A. Zhukov, who was chair of the State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries. Zhukov offered a broad range of both academic and cultural exchange agreements with the SCJ. Ironically, the Science Council's plans to invite Soviet scientists took a backseat as the Japanese government prioritized concluding cultural exchange agreements at the civilian level (Stenographic records of the 36th General Assembly, 1962, p. 21–32).

Ever since Yoichi Fukushima had proposed inviting a Soviet delegation to Japan at the 19th General Assembly in April 1955, the SCJ's General Assembly had been discussing this repeatedly, but the plan had not seen any progress for a long time. However, at the 38th General Assembly held in January 1963, there were signs that the plan was finally approaching fruition. A preparatory committee, including the president of the Science Council, would be established in

response to the acquisition of the budget to invite the Soviet Science and Technology Inspection Team to Japan (Stenographic records of the 38th General Assembly, 1963, p. 90–92). At the time, the president of the SCJ was Shin-ichiro Tomonaga, who would later win the 1965 Nobel Prize in Physics.

We will summarize the discussions of the final stage leading up to the realization of the plan for inviting Soviet scientists. Initially, Japan planned to invite a delegation of Soviet scientists from May to June 1963, but owing to circumstances on the Soviet side, this plan became unfeasible (Stenographic records of the 39th General Assembly, 1963, p. 12–14). However, the Soviet embassy conveyed that the Soviet side had arrived at a final agreement regarding the invitation. On September 12, 1963, the president of the SCJ, Tomonaga, officially sent an invitation to president M.V. Keldysh (Attached material (No. 3-1), 1963). Let us briefly examine the contents of this invitation. First, Japan asked to send eight Soviet scientists representing the humanities, social sciences, and natural sciences, and the selection was contingent upon Soviet discretion. The period of stay would be 12 days. Although travel expenses could not be covered, Japan suggested providing an accommodation fee of $20 per night per person. Domestic travel expenses for visiting universities and research facilities in Kyoto, Osaka, and Sendai would also be covered.

At the time, the Science Council's concerns seemed to be focused on appropriate execution of the invitation budget; in other words, whether the invitation would be completed in time for Japan's fiscal year, starting in April and ending in March every year. The Soviet scientific delegation arrived in Tokyo on March 18, 1964, and stayed in Japan for 12 days until March 30. The Soviet scientists participating in the inspection visit were President M.V. Keldysh, N.M. Sissakian, V.A. Kotelnikov, V.A. Kargin, B.M. Wul, N.F. Krasnov, V.A. Fillippov, and S.G. Korneev (Attached material (No. 4), 1964). They visited research institutes across Japan and delivered lectures at the Science Council of Japan in Tokyo. When these events were reported at the 41st General Assembly (April 22, 1964), Nawa Toichi, who had visited the Soviet Union in 1955 as a member of Japan's scientific delegation, said that he felt that the burden of obligation had been lifted off his shoulders since Japan finally reciprocated the 1955 visit (Stenographic records of the 41st General Assembly, 1964, p. 84–88).

It is necessary to clarify the results and impressions that Soviet scientists brought back to their home country from this long-awaited invitation to Japan based on Russian archive documents. I will leave this as a task for the future.

Acknowledgement. This work was supported by the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS). KAKENHI Grant Number JP21H00504.

References

1. Wang, J. *American Science in an Age of Anxiety: Scientists, Anticommunism, and the Cold War*. University of North Carolina Press, 1999.

2. Ichikawa, H. *Soviet Science and Engineering in the Shadow of the Cold War*. Taylor & Francis, 2018.

3. Harada, Y. "On the Literature Exchange with the Soviet Academy of Sciences." *Biblos*, 1953, vol. 4, no. 11, pp. 6–9.

4. Onozawa, N. “The Current Situation of Literature Exchange between Soviet Union and the Library of Science Council of Japan.” *Biblos*, 1959, vol. 10, no. 2, pp. 10–13.
5. Tsuge, H. *Kagaku ha Heiwa wo Motomete [Science Seeks for Peace]*. Tokyo, 1954.
6. *Stenographic records of the 13th General Assembly of the Science Council of Japan*, October22 (Day 1), 1952.
7. *Stenographic records of the 20th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 25 (Day 1), 1955.
8. *Stenographic records of the 19th General Assembly of the Science Council of Japan*, April 26 (Day 1), 1955.
9. *Stenographic records of the 20th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 27 (Day 3), 1955.
10. *Stenographic records of the 21st General Assembly of the Science Council of Japan*, April 26 (Day 1), 1956.
11. *Stenographic records of the 22nd General Assembly of the Science Council of Japan*, October 25 (Day 1), 1956.
12. *Stenographic records of the 24th General Assembly of the Science Council of Japan*, April 24 (Day 1), 1957.
13. *Stenographic records of the 23rd General Assembly of the Science Council of Japan*, October 21 (Day 2), 1957.
14. *Stenographic records of the 26th General Assembly of the Science Council of Japan*, April16 (Day 1), 1958.
15. *Material (No. 3) to stenographic records of the 27th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 22–24, 1958.
16. *Stenographic records of the 27th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 24 (Day 3), 1958.
17. *Stenographic records of the 31st General Assembly of the Science Council of Japan*, April 22 (Day 3), 1960.
18. *Material (No. 3) to the Stenography of the 32nd General Assembly of the Science Council of Japan*, October 26–28, 1960.
19. *Attached material (No. 5-2) to stenographic records of the 34th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 25–27, 1961.
20. *Attached material (No. 5-1) to stenographic records of the 34th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 25–27, 1961.
21. *Stenographic records of the 36th General Assembly of the Science Council of Japan*, April 25 (Day 1), 1962.
22. *Stenographic records of the 38th General Assembly of the Science Council of Japan*, January 23 (Day 3), 1963.
23. *Stenographic records of the 39th General Assembly of the Science Council of Japan*, April 24 (Day 1), 1963.
24. *Attached material (No. 3-1) to stenographic records of the 40th General Assembly of the Science Council of Japan*, October 23–25, 1963.
25. *Attached material (No. 4) to stenographic records of the 41st General Assembly of the Science Council of Japan*, April 22–24, 1964.
26. *Stenographic records of the 41st General Assembly of the Science Council of Japan*, April 22 (Day 1), 1964.

Сведения об авторе:
Сайто Хирофуми, доцент Института свободных искусств Технологического института Кюсю, Япония
E-mail: saito@dhs.kyutech.ac.jp. https://orcid.org/0009-0004-7292-9975

Дата поступления статьи: 08.05.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 94(4)"1945/1958" DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-174-190

Роль Советского Союза в становлении гражданской авиации в ГДР (1945–1958 гг.)

Унгер Ульрих

Общество по сохранению мест немецкой авиаистории, Берлин, Германия

В статье анализируется советская политика в международной гражданской авиации в конце Великой Отечественной войны и послевоенный период. Особое внимание уделено политике воздушного транспорта в оккупированной Германии, которая в конечном итоге привела к созданию авиакомпании Deutsche Lufthansa в ГДР.

Ключевые слова: Аэрофлот, Советская оккупационная зона, Deutsche Lufthansa в ГДР, советники, Артур Пик.

The Role of the Soviet Union in the Development of Civil Aviation in the GDR (1945–1958)

Ulrich Unger

Society for the Preservation of German Aviation History (GBSL e.V.), Berlin, Germany

The article analyzes Soviet policy regarding international civil aviation at the end of the Great Patriotic War and especially in the post-war period. Particular attention is paid to the air transport policy in occupied Germany, which ultimately led to the creation of the airline Deutsche Lufthansa in the GDR.

Keywords: Aeroflot, Soviet occupation zone in Germany, Deutsche Lufthansa in East Germany, instructors, Arthur Pieck.

Международные перевозки Гражданского воздушного флота (ГВФ (Аэрофлот)) после войны

Главное управление Гражданского воздушного флота (ГУГВФ) начало организацию международных перевозок уже в конце 1944 г.: 5 ноября 1944 г. Аэрофлот открыл регулярные рейсы, которые следует отнести к послевоенным. Это был маршрут Москва – Киев – Одесса – Бухарест – София, который обслуживал только что освобожденные от немцев страны. 26 ноября 1944 г. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) принял концепцию развития гражданской авиации после войны, издав соответствующий приказ. Этим приказом также была сформирована Постоянная комиссия по международной гражданской авиации под председательством Г.М. Маленкова, которая решала текущие вопросы.

К концу войны Аэрофлот выполнял следующие регулярные международные рейсы:

Москва – Красноярск – Уэлькаль – Фэрбенкс	9 923 км	С-47	четыре раза в месяц
Москва – Баку – Тегеран	4 460 км	С-47	ежедневно
Москва – Ташкент – Кабул	3 920 км	Ли-2	четыре раза в месяц
Москва – Улан-Удэ – Улан-Батор	5 951 км	С-47	каждый второй день
Москва – Алма-Ата – Хами	5 218 км	С-47	каждый второй день
Москва – Красноярск – Кызыл (Тува)	4 209 км	Ли-2	четыре раза в месяц

Также к концу войны ГВФ конкретизировал свою политику в области международных перевозок. Приказ ГКО от 26 ноября 1944 г. содержал положение, которое гласило, что иностранным самолетам – за некоторыми исключениями – запрещалось летать над территорией Советского Союза. В результате были заключены необычные соглашения на уровне авиакомпаний, а не государств. Одним из примеров являлось регулярное сообщение Стокгольм – Москва в 1946 г.: шведская компания ABA обслуживала маршрут Стокгольм – Хельсинки, а Аэрофлот Москва – Хельсинки. Пассажиры должны были пересаживаться на рейсовый самолет авиакомпании-партнера. То же самое произошло в 1954 г., когда Air France и Аэрофлот провели маршрут Париж – Москва через Прагу. Основой для таких авиалиний стали внутренние соглашения между авиакомпаниями. Конечно, такой порядок не был удобен ни для пассажиров, ни для авиакомпаний. Только в 1955 г. иностранные перевозчики получили возможность самостоятельно летать в Москву, и в этом отношении правовая ситуация в авиации нормализовалась. Это означало, что Москва, по крайней мере изначально, стала интересным направлением международных полетов.

Пример Стокгольма также показывает, что сразу после окончания войны были предприняты попытки быстро восстановить довоенное воздушное сообщение. С этой целью в июне 1945 г. Аэрофлот ненадолго возобновил работу своего довоенного Управления международных воздушных линий (УМВЛ), а через год включил его в состав Управления международных воздушных сообщений (УМВС), которое теперь восстановило свои собственные рейсы.

После победы (рис. 1) Аэрофлот немедленно наладил регулярные воздушные сообщения с оккупированными странами. Вот первые маршруты 1945 г.: Москва – Берлин; Москва – Вена.



Рис. 1. Берлин, 5 мая 1945 г.: маршал Жуков и генерал армии Берзарин, между ними переводчик политотдела 8-й гв. армии капитан Пик

Сразу же начались регулярные рейсы и в другие страны, освобожденные СССР. С большинством стран, где стояла Красная Армия, были созданы совместные авиакомпании, чтобы повысить эффективность авиатранспортных перевозок:

советско-румынская TARS	8 августа 1945 г.;
советско-венгерская Maszovlet	23 марта 1946 г.;
советско-югославская JUSTA	в 1947 г. (параллельно с JAT)
советско-болгарская ТАБСО	3 ноября 1948 г.

Такие же авиакомпании появились и в Азии:

советско-корейская СОКАО	12 октября 1948 г.;
советско-китайская СКОГА	27 марта 1950 г.

С Польшей и Чехословацкой Республикой, которые входили в число государств-победителей, были подтверждены довоенные соглашения о воздушном сообщении. Собственные авиакомпании обеих стран (LOT и ČSA) также возобновили работу после войны:

Москва – Варшава	21 марта 1946 г.
Москва – Прага	25 июля 1946 г.

Оставалась Германия. Аэрофлот обосновался там следующим образом. В мае 1945 г. 62-й гвардейский полк ГВФ находился в районе Берлина в составе 16-й воздушной армии. 19 мая начальник ГУГВФ издал приказ о создании комендатуры на аэродроме Берлин-Адлерсхоф. Личный состав этой комендатуры состоял из шести человек плюс радиостанция с персоналом. В том же приказе предписывалось, что все самолеты ГВФ, направляющиеся в Берлин, должны приземляться только в Адлерсхофе. 5 июня 1945 г. 62-й полк ГВФ получил приказ ГУГВФ о передислокации своего штаба на аэродром Берлин-Адлерсхоф. В конце войны 69-й отдельный полк ГВФ располагался к северо-востоку от Берлина в Мекленбурге и Померании. Оба полка в конечном итоге стали отправной точкой для присутствия Аэрофлота в советской оккупационной зоне (Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2323; Филиппов, 2020).

Первоначально 62-й полк получил от Советской военной администрации в Германии (СВАГ) приказ наладить стабильные полеты из Адлерсхофа во все уголки оккупационной зоны и с этой целью также был непосредственно подчинен СВАГ. Для выполнения этой задачи полк был усилен десятью самолетами Ли-2 из полков ГВФ № 87 и 120. По маршрутной сети в советской оккупационной зоне 62-й полк ежедневно перевозил курьеров, печатную продукцию и т.п. в соответствии с планом полетов (Bundesarchiv, далее – BArch, Z 47 SMAD; СВАГ 1945–1949, 2009) (рис. 2).

Также летом 1945 г. Аэрофлот начал регулярные рейсы из Москвы-Внуково в Берлин-Адлерсхоф с посадкой в Минске. К сентябрю 1945 г. по этому маршруту выполнялось уже пять пар рейсов в день. Это сделало его самым загруженным маршрутом Аэрофлота в расписании полетов. Берлинскую линию обслуживала 10-я авиатранспортная дивизия ГВФ во Внуково. 20 сентября 1945 г. последовало указание организовать в Берлине свой аэропорт (рис. 3).

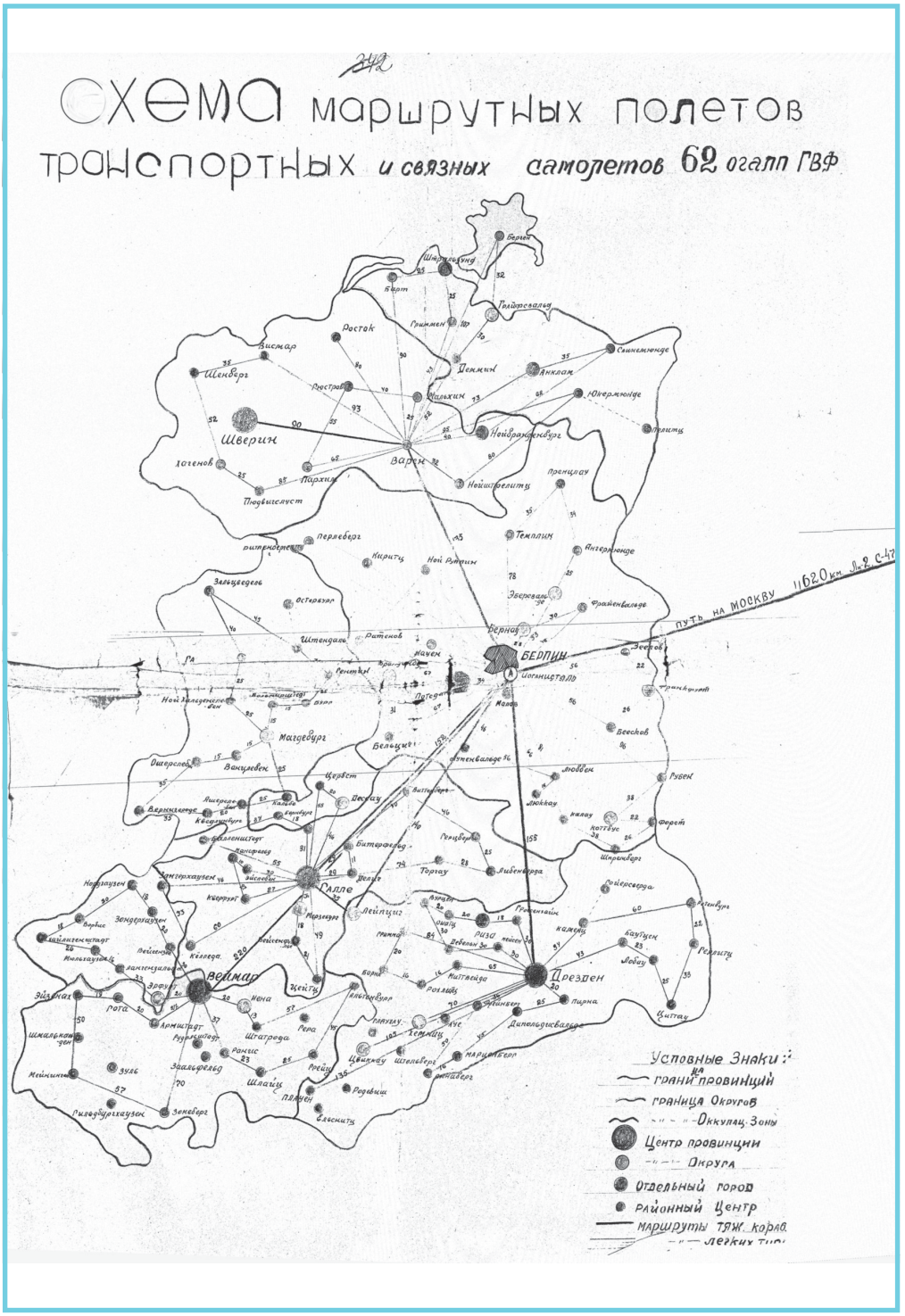
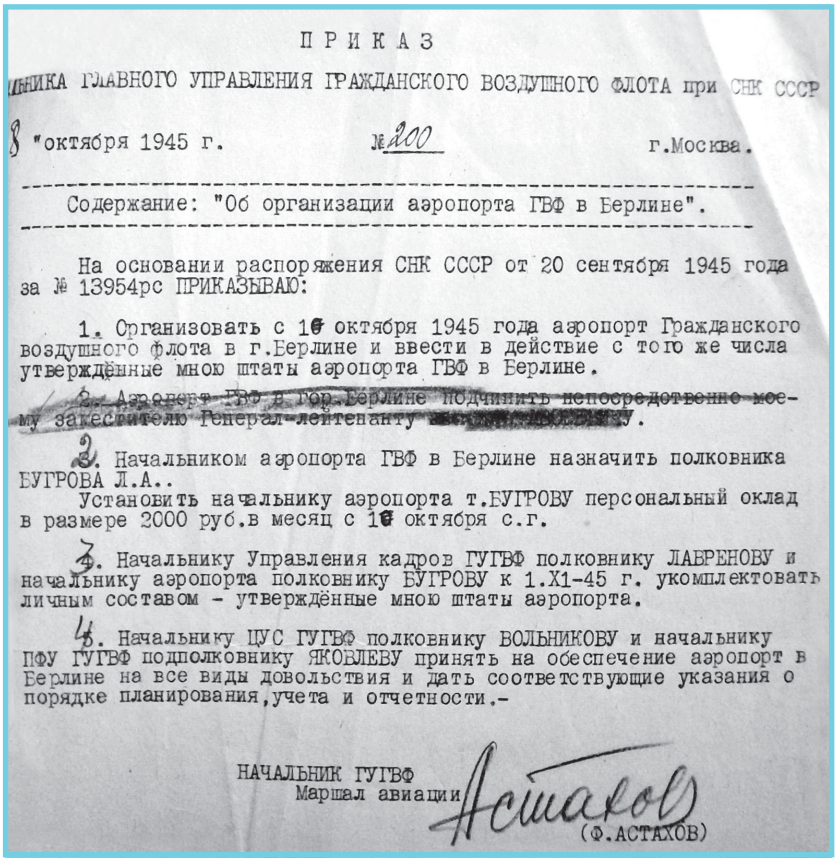


Рис. 2. 62-й полк ГВФ в подчинении СВАГ организовал в 1946 г. движение самолетов по расписанию. Маршрутная карта юга Советской зоны.
РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2323



ПРИКАЗ

ЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА при СНК СССР

8 "октября 1945 г. №200 г.Москва.

Содержание: "Об организации аэропорта ГВФ в Берлине".

На основании распоряжения СНК СССР от 20 сентября 1945 года за № 13954рс ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать с 10 октября 1945 года аэропорт Гражданского воздушного флота в г.Берлине и ввести в действие с того же числа утверждённые мною штаты аэропорта ГВФ в Берлине.

2. ~~Аэропорт ГВФ в гор.Берлине подчинить непосредственно мо-~~ ~~му заместителю Генерал-лейтенанту~~ ~~У~~.

2. Начальником аэропорта ГВФ в Берлине назначить полковника БУГРОВА Л.А..
Установить начальнику аэропорта т.БУГРОВУ персональный оклад в размере 2000 руб.в месяц с 10 октября с.г.

3. Начальнику Управления кадров ГУГВФ полковнику ЛАВРЕНОВУ и начальнику аэропорта полковнику БУГРОВУ к 1.X1-45 г. укомплектовать личным составом - утверждённые мною штаты аэропорта.

4. Начальнику ЦУС ГУГВФ полковнику ВОЛЬНИКОВУ и начальнику ПФУ ГУГВФ подполковнику ЯКОВЛЕВУ принять на обеспечение аэропорт в Берлине на все виды довольствия и дать соответствующие указания о порядке планирования,учета и отчетности.-

НАЧАЛЬНИК ГУГВФ
Маршал авиации (Ф.АСТАХОВ)

Рис. 3. Приказ № 200 начальника ГУГВФ об открытии аэропорта в г. Берлин.
РГАЭ

Таблица 1

Расписание полетов Аэрофлота по линии Москва – Минск – Берлин на сентябрь 1945 г. (грузо-пассажирские перевозки)

из Москвы					в Москву			
Москва	**Минск**		**Берлин**			**Минск**		**Москва**
вылет	прибытие	вылет	прибытие	остановка	вылет	прибытие	вылет	прибытие
09:40	12:25	12:45	16:45	ночь	09:00	13:00	13:30	16:15
10:30	14:15	14:45	18:45	ночь	09:30	13:30	13:50	16:35
11:00			17:45	ночь	10:00			16:45
11:20			18:05	ночь	09:40			16:25
12:00			18:45	ночь	10:10			16:55

Советское правительство планировало расположить аэропорт Аэрофлота в Шенефельде. Он однако так пострадал во время войны, что не был пригоден для использования, поэтому аэропорт организовали в Адлерсхофе. После масштабных работ в Шенефельде аэропорт переехал туда и начал коммерческую деятельность 29 мая 1946 г. (рис. 4, 5). Берлин-Шенефельд постепенно превратился в международный аэропорт



Рис. 4. Шенефельд становится с 1947 г. международным аэропортом. Как LOT, так и ČSA эксплуатируют с 1949 г. самолеты Ил-12Б. ***ČSA***

(рис. 6). В конце года Аэрофлоту было разрешено расформировать 62-й полк. На основе самолетов и других материальных средств полка Аэрофлот в начале 1947 г. сформировал в Шенефельде 52-й авиатранспортный отряд ГВФ. Теперь этот отряд взял на себя регулярные перевозки между Берлином и Москвой (РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 2. Д. 236).



Рис. 5. Международный аэропорт Аэрофлота в Шенефельде в 1953 г. *GBSL*



Рис. 6. Первый публичный вылет Deutsche Lufthansa 16 сентября 1955 г.: экипаж советский, кроме немецкой стюардессы.
BArch, Foto 183-32910-0002

Таблица 2

Число пассажиров на линии Берлин – Москва

Год	Число пассажиров
1945	8 233 *
1946	12 546 *
1947	15 947 *
1948	14 869 *
1949	5 403 **
1950	2 373 **
1951	3 479 **
...	
1956	2 431 **
* Общее число пассажиров маршрута Берлин-Москва	
** Пассажиры Берлин – Москва на регулярных рейсах Аэрофлота. +	

Советская политика при Сталине, естественно, отразилась и на воздушном транспорте: ни до, ни после войны никак не поддерживалось стремление советских граждан к путешествиям и уж тем более за границу. Поездки в отпуск, например, на Черное море, как правило, являлись наградой за ударную работу. Просто так купить путевку и полететь возможности не предусматривалось. По-настоящему важна для Аэрофлота была

только транспортировка грузов и многочисленных командированных. Это стало одной из причин, по которой руководство страны отказалось от серийного производства больших четырехмоторных коммерческих самолетов, таких как первый Ил-18 или Ту-70. Ничего не получилось и позже. Например, проект Ту-16П (позже известный как Ту-104), представленный ОКБ-156 (Туполев) и предполагавший создание коммерческого самолета на базе большого реактивного бомбардировщика Ту-16, сначала не был поддержан. Таким образом, развитие международных авиаперевозок при Сталине оставалось весьма скромным.

Ситуация с гражданской авиацией Германии после войны

Немцам 20 сентября 1945 г. решением Контрольного Совета было запрещено иметь какое-либо отношение к полетам и тем более к авиации. Однако после образования ГДР произошли изменения. В 1950 г. FDJ (молодежная организация, немецкий аналог комсомола) начала заниматься планеризмом. С 1952 г. планерный спорт был окончательно разрешен (BArch, DY 24, DY 59).

Решение Советской военной администрации в Германии в 1949 г. удовлетворить просьбу Лейпцигского ярмарочного бюро разрешить возобновление полетов на ярмарку имело большое значение (BArch, Z 47 SMAD; Sächsisches Staatsarchiv, Staatsarchiv Leipzig, 21000 Leipziger Messeamt (II)). Уже для весенней ярмарки 1948 г. глава СВАГ маршал Соколовский разрешил самолетам нидерландской авиакомпании KLM летать в Шенефельд с гостями ярмарки на борту, которые дальше следовали на поезде.

На осенней ярмарке 1948 г. гости из США прилетели во Франкфурт-на-Майне самолетом AOA (American Overseas Airways), а оттуда отправились в Лейпциг на поезде. Это побудило выставочное бюро 4 апреля 1949 г. поинтересоваться у советских властей, могут ли самолеты также летать в Лейпциг. Военное правительство не отвергло эту идею, и выставочная администрация подала соответствующее заявление. И действительно, 5 августа 1949 г. выставочное бюро получило письмо от правительства: самолетам с гостями ярмарки на борту разрешается прилететь на аэродром Лейпциг-Мокау для участия в осенней ярмарке 1949 г. Город Лейпциг, потратив 70 тысяч марок, выполнил все предъявленные к полетам требования, и утром 29 августа 1949 г. в Лейпциге приземлился самолет ČSA DC-3 – первый пассажирский самолет после войны. Более того, для технического обслуживания прибывших самолетов были привлечены немцы. Впервые после войны немцам разрешили работать на настоящих самолетах, что стало важной вехой на пути возрождения гражданской авиации в Германии. Эти полеты были приняты общественностью с большим удовлетворением.

Таким образом, Лейпциг дважды в год становился городом с аэропортом, и с каждым разом немцам разрешалось брать на себя все больше работы и ответственности. В основном, в аэропорту работали представители

народной полиции. Именно эти сотрудники в 1955 г. взяли в свои руки создание авиатранспортной компании.

Но и в самом Аэрофлоте почувствовали, что с образованием ГДР 7 октября 1949 г. правовая база требует изменений. Глава Аэрофлота маршал авиации Жаворонков 10 мая 1950 г. написал письмо в Министерство иностранных дел по конкретному вопросу. В этом письме он затронул проблему вскользь: «С учетом новой политической ситуации в Германии... ГУГВФ считает возможным решать эти вопросы организацией советско-германского авиапредприятия» (РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2351). Сомнения вызывало не столько существование аэропорта ГВФ за границей, сколько практические проблемы повседневной жизни, которые требовали решения. Один из примеров: в 1953 г. Швеция (в июле) и Швейцария (в сентябре) подали заявки Верховному комиссару СССР в ГДР на регулярное сообщение с Берлином-Шенефельдом. Нидерланды и Бельгия подали аналогичные заявки, но в Министерство транспорта ГДР. 15 октября Верховный комиссар написал премьер-министру ГДР, что Советский Союз предоставит аэропорт Шенефельд, но все практические вопросы должны быть уточнены ответственными органами в ГДР. Конечно, Верховный комиссар Семенов знал, что в ГДР не было ни одного органа, который хоть как-то занимался бы гражданской авиацией, и ГДР не имела никакого доступа к Шенефельду. Какие тут практические вопросы? Тогда ситуация разрешилась совместным распоряжением заместителей министров обороны и иностранных дел А.М. Василевского и А.А. Громыко о том, что в случае согласия ГДР эти рейсы обязан обслуживать берлинский аэропорт ГВФ. Но это опять-таки было разовое решение. Пока же немцы могли только мечтать о самолетах и авиакомпаниях. Первые признаки перемен появились после смерти Сталина.

Международные воздушные перевозки ГВФ после смерти Сталина

Сложившаяся в послевоенный период система советских международных авиаперевозок резко изменилась после прихода к власти Н.С. Хрущева. Последний совершенно иначе смотрел на технический прогресс в целом и на гражданскую авиацию в частности, а именно как на действительно важную отрасль экономики и лицо страны, значимую составляющую политики мирного сосуществования.

В отличие от Сталина, Хрущев сам был энтузиастом пассажирских самолетов. В Советском Союзе он положил начало тому, что иногда называют «золотым веком» гражданской авиации. Символом этого периода стал самолет Ту-104, дополненный такими типами авиалайнеров, как Ил-18, Ан-10 и Ту-114. Строительство Ту-104, которое Сталин категорически отвергал, было быстро реализовано.

В рамках новой внешней политики, направленной на мирное сосуществование, начался пересмотр отношения к странам советского влияния, к странам народных демократий. В итоге был изменен приказ ГКО от 26

ноября 1944 г. В частности, была ликвидирована Постоянная комиссия по гражданской авиации, снят принципиальный запрет на полеты иностранных самолетов над советской территорией. В итоге советские авиакомпании в странах народной демократии были ликвидированы, а акции Аэрофлота безвозмездно переданы создаваемым национальным компаниям. Все это произошло в 1954 г.:

– Венгрия: Maszovlet стал MALEV.

– Болгария: TABSO стала BALKAN. Однако болгары официально сменили свое название на BALKAN только в 1968 г. В 1954 г. они первоначально изменили только подзаголовок на TABSO – Bulgarian Air Transport.

– Румыния: TARS стала TAROM.

– Югославия: JUSTA была ликвидирована в 1949 г. и перешла под управление JAT.

– Северная Корея: SOKAO была совместно восстановлена после Корейской войны и стала именоваться Choson Minhang в 1954 г.

– Китай: SKOGA перешла в собственность страны в 1955 г.

С января по март 1955 г. с этими странами были заключены соглашения о воздушном сообщении, которые привели эти авиаперевозки в соответствие со стандартной международной практикой ИКАО. Вскоре национальные авиакомпании также начали выполнять регулярные рейсы в Москву.

Все это не могло быть сделано одним росчерком пера. Например, до сих пор не было навигационных карт для иностранных экипажей, а в Советском Союзе практически не было диспетчеров, владеющих английским языком. Для решения этих проблем нужны были идеи и время. Неудивительно, что первыми в Москву с 1954 г. стали регулярно летать самолеты LOT и ČSA – их экипажи могли общаться на русском языке.

О растущем значении международных авиаперевозок для Советского Союза свидетельствует и резко увеличившийся список международных регулярных рейсов Аэрофлота в зимнем расписании 1956/1957 г. (Guenther, 2014):

SU 05/06	Москва – Прага	Ту-104	2 рейса в неделю
SU 103/104	Москва – Рига – Копенгаген	Ил-14	2 рейса в неделю
SU 105/106	Москва – Киев – Львов – Будапешт – Белград	Ил-12	4 рейса в неделю
SU 107/108	Москва – Хельсинки	Ил-14	4 рейса в неделю
SU 109/110	Москва – Киев – Будапешт – Белград – Тирана	Ил-12	2 рейса в неделю
SU 111/112	Москва – Вильнюс – Берлин	Ил-14	7 рейсов в неделю
SU 113/114	Москва – Киев – Львов – Будапешт – Вена	Ил-12	3 рейса в неделю
SU 115/116	Москва – Вильнюс – Прага	Ил-14	5 рейсов в неделю
SU 119/120	Москва... Термез – Кабул	Ил-12	2 рейса в неделю
SU 121/122	Москва – Вильнюс – Варшава – Прага*	Ил-14	7 рейсов в неделю
SU 123/124	Москва – Киев – Одесса – Бухарест – София	Ил-12	2 рейса в неделю
SU 125/126	Москва – Киев – Одесса – Бухарест – София*	Ил-12	7 рейсов в неделю

SU 129/130	Москва... Иркутск – Улан-Батор	Ил-12	1 рейс в неделю
SU 131/132	Москва – Рига – Стокгольм	Ил-14	2 рейса в неделю
SU 133/134	Москва – Вильнюс – Варшава – Берлин	Ил-12	3 рейса в неделю
SU 135/136	Москва... Иркутск – Улан-Батор – Пекин	Ил-14	7 рейсов в неделю
SU 137/138	Москва... Харбин – Шеньян – Пхеньян	Ли-2	3 рейса в неделю
SU 204/205	Алма-Ата – Кульджа – Урумчи	Ли-2	1 рейс в неделю
SU 605/606	Москва – Вильнюс – Прага	Ил-14	7 рейсов в неделю

* почтовая линия

Новая роль международных авиаперевозок хорошо видна на примере Шереметьево. Этот огромный аэродром для советской дальней авиации, только что построенный на пустыре в районе поселка Шереметьево к северу от Москвы, был передан Хрущевым Аэрофлоту для осуществления международных воздушных перевозок. 31 июля 1959 г. вышло соответствующее постановление советского правительства, а 12 августа с приземления Ту-104 из Ленинграда на территории нынешнего аэропорта Аэрофлота начались гражданские полеты. Летом 1960 г. отряды международных воздушных линий Аэрофлота перебазировались в Шереметьево, которое с этого момента обслуживало и все иностранные авиакомпании. Другой пример тому, что стал дуть новый ветер – это переход ответственных правительственных полетов от военных к гражданским экипажам, от АДОН ВВС к вновь созданному 235-му отряду МТУ ГВФ.

Уже в зимнем расписании 1959/1960 гг. расширенная сеть международных маршрутов Аэрофлота показала более активное использование Ту-104 (после типа самолета приведено количество рейсов в неделю):

Москва – Омск – Иркутск – Пхеньян	Ту-104	1 рейс в неделю
Москва – Омск – Иркутск – (Улан-Батор) – Пекин	Ту-104 / Ил-18*	2 рейса в неделю
Москва – Ташкент – Нью-Дели	Ту-104	1 рейс в неделю
Ташкент – Термез – Кабул	Ил-14	2 рейса в неделю
Москва – Прага	Ту-104	4 рейса в неделю
Москва – Париж	Ту-104	2 рейса в неделю
Москва – Брюссель	Ту-104	2 рейса в неделю
Москва – Амстердам	Ту-104	1 рейс в неделю
Москва – Копенгаген – Лондон	Ту-104 / Ил-18	2 рейса в неделю
Москва – Копенгаген	Ту-104	1 рейс в неделю
Москва – Вильнюс – Варшава	Ил-14	4 рейса в неделю
Москва – (Рига) – Стокгольм	Ил-14	2 рейса в неделю
Москва – Хельсинки	Ил-14	4 рейса в неделю
Ленинград – Хельсинки	Ил-14	2 рейса в неделю
Москва – Вильнюс – Берлин	Ил-14	7 рейсов в неделю
Москва – Будапешт	Ту-104	1 рейс в неделю
Москва – Киев – Львов – Будапешт – Вена (Белград)	Ил-14	4 рейса в неделю
Москва – Бухарест – София	Ил-18	7 рейсов в неделю
Москва – Тирана – Каир	Ту-104	2 рейса в неделю

* Посадка в Улан-Баторе осуществлялась еженедельно на Ил-18.

В конце десятилетней хрущевской эпохи статус Главного управления гражданской авиации (ГУГВФ, Аэрофлота) был резко поднят. В июле 1964 г. оно было преобразовано в Министерство гражданской авиации СССР (МГА). В составе министерства авиационная группа международных воздушных линий (АГМВЛ) была преобразована в Транспортное управление международных воздушных линий (ТУМВЛ). В 1971 г. было создано Центральное управление международных воздушных сообщений (ЦУМВС). Из ЦУМВС впоследствии выделилась нынешняя авиакомпания «Аэрофлот – Международные авиалинии России».

Эти события – тот фон, на котором началось развитие гражданской авиации в ГДР. И поэтому неслучайно, что в 1955 г. в ГДР была основана компания Deutsche Lufthansa.

Ситуация с гражданской авиацией в ГДР

25 марта 1954 г. Советский Союз в дипломатической ноте заявил о полном суверенитете ГДР, сделав некоторые оговорки в связи с обязательствами СССР перед союзниками. Это также позволило ГДР участвовать в гражданском воздушном сообщении – юридически и теоретически. Однако на практике страна никак не могла воспользоваться новой возможностью после десятилетнего перерыва в полетах – просто не с чего было начать.

Нужен был план, главным пунктом которого, по логике вещей, должно было стать наличие аэропорта. План был составлен: 30 сентября 1954 г. ГДР направила в советское посольство меморандум о развитии своего гражданского воздушного флота (BArch, Berlin, DM 1, Ministerium für Verkehrswesen). 18 октября посольство сообщило, что меморандум в целом будет рассмотрен положительно. Но это заняло некоторое время. Многое не удавалось прояснить и в Берлине. 19 декабря посол в ГДР Г.М. Пушкин и главнокомандующий вооруженными силами в Германии А.А. Гречко вновь обратились к Москве с просьбой прояснить ситуацию вокруг аэропорта Шенефельд. 22 декабря уполномоченные представители ГДР впервые встретились в Шенефельде с начальником аэропорта Тарановым, чтобы обсудить возникшие проблемы (РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 2. Д. 253). Таранов был крайне обеспокоен отсутствием указаний из Москвы. Мы уже знаем, что в 1954 г. СССР также не мог прояснить отношения с авиакомпаниями стран народной демократии, поэтому уже 9 ноября 1954 г. глава ГУГВФ написал развернутое письмо в ЦК КПСС. 11 января 1955 г. и МИД ГДР направил в СССР ноту по поводу Шенефельда.

Новая советская авиационная политика начала реализоваться в 1955 г. 17 января Совет Министров СССР принял постановление № 29/13сс и разрешил ГУГВФ вести переговоры с ГДР по поводу аэропорта Шенефельд. Они, наконец, начались 15 марта, а 27 апреля в Берлине был подписан договор, согласно которому немцы получали большую часть аэропорта 1 июля 1955 г. после месячного периода подготовки. При этом все расходы на содержание инфраструктуры аэропорта легли на ГДР (Unger, 2015).

На полях этих переговоров делегация ГДР также подняла вопрос о создании собственной авиакомпании, который не встретил явного возражения. Воодушевленные этим ответственные лица в ГДР продолжали интенсивно работать. 14 апреля премьер-министр Гротеволь направил своему советскому коллеге Булганину письмо, содержащее, в частности, просьбы ГДР о поддержке в создании авиакомпании Deutsche Lufthansa. Помимо самолетов Гротеволь просил отправить советников, экипажи и помочь в обучении немецких специалистов. К этому времени Советский Союз, очевидно, уже принял решение не возражать против создания авиакомпании в ГДР. 23 апреля Булганин потребовал от Аэрофлота конкретные предложения по поддержке немцев. Выяснение всех вопросов затянулось до лета. 15 июня 1955 г. Совет Министров принял постановление № 1137-649 с комплексным планом мероприятий по выполнению заявок ГДР. Приложение также предусматривало откомандирование за рубеж семи советников.

1 июля 1955 г. правительство ГДР назначило руководство Deutsche Lufthansa. В тот же день первые немецкие авиаработники приняли южную часть аэропорта Шенефельд, а структура Аэрофлота в аэропорту была преобразована в представительство Аэрофлота в ГДР. Главным директором Deutsche Lufthansa был назначен Артур Пик, в то время глава кадровой администрации правительства. Он был функционером, не имеющим никакого опыта в авиации (BArch, NY 4130), так что авиационная экспертиза была поручена двум опытным членам немецкой дирекции (всего в ней было четыре человека) (рис. 1).

Тут уместно отступление. В то же время в Федеративной Республике Германии снова было основано Акционерное общество Lufthansa, но при существенно других обстоятельствах. Союзники решили ликвидировать «старую» Люфтганзу, поскольку считали ее частью Люфтваффе, но по сути так этого и не сделали, потому что «новую» Lufthansa сформировали главные лица старой, которые вновь взяли на себя и руководство компанией и управление наблюдательным советом. Еще одной особенностью было то, что на Lufthansa ФРГ было наложено обязательство никогда не использовать самолеты немецкого производства. (Между тем компания Deutsche Lufthansa ГДР эксплуатировала Ил-14, построенные в Дрездене.)

Как и следовало ожидать, дирекции Deutsche Lufthansa в ГДР пришлось решать серьезнейшие проблемы. Самой большой из них была нехватка специалистов, особенно летного состава. План состоял в том, чтобы начать полеты с экипажами Аэрофлота и одновременно готовить молодых, так называемых не обремененных фашистским прошлым летчиков. В 1955 г. в Deutsche Lufthansa появились четыре самолета Ил-14 с экипажами. 16 сентября правительственным рейсом в Москву с посадкой на Центральном аэродроме началась их летная эксплуатация. Первые полеты по расписанию начались 4 февраля 1956 г., они проходили два раза в неделю из Берлина в Варшаву. 13 мая был запущен балканский маршрут в Прагу, Будапешт, Софию и Бухарест. А летом должна была заработать



Рис. 7. Ил-14 DDR-ABA с делегацией председателя Совета министров ГДР Отто Гротеволя на Центральном аэродроме Москвы, прилетевшем на подписание Государственного договора между СССР и ГДР

линия в Москву. Однако экипажей для этого маршрута не могли набрать. На Deutsche Lufthansa теперь работал 31 летчик Аэрофлота, были уже запрошены дополнительные экипажи. Кроме того, молодые пилоты проходили обучение в советских экипажах. Но открыть линию на Москву не было возможности: не хватало персонала. План больше не работал. Продолжительность обучения молодых пилотов была совершенно недооценена.

В этой ситуации Пик решился на отчаянный шаг: он снял трубку и позвонил начальнику Аэрофлота. Маршал Жаворонков чуть не упал со стула, услышав, что немец просит направить в Ульяновск опытных пилотов Люфтваффе для обучения на командиров Ил-14. Но звонил не просто какой-то немец. Маршал понимал, что если Артур Пик обратился с такой просьбой, значит, он оказался в очень тяжелой ситуации (BArch, NY 4130).

Прежде ставка делалась на молодых, не обремененных прошлым авиаторов. После описанного разговора от этого принципа отступили. Партийные организации получили задание найти бывших летчиков Люфтваффе, которые положительно зарекомендовали себя в новой жизни. Таким образом набралось около 3000 кандидатов. Из этого списка администрация гражданской авиации выбрала 21 человека. Принципы отбора содержали кроме профессиональных навыков требование, чтобы раньше они не воевали на Восточном фронте.

12 октября 1956 г. бывшие пилоты Люфтваффе на двух самолетах Ил-14 прилетели в СССР для обучения. Deutsche Lufthansa и Interflug никогда не пожалели об этом. Все прошедшие обучение прекрасно



Рис. 8. В.М. Данилычев, начальник Управления международных воздушных сообщений УМВС.
РГАЭ. Ф. 55. Оп. 5



Рис. 9. Г.И. Столяров, начальник берлинского аэропорта Аэрофлота в 1946–1948 гг.
РГАЭ. Ф. 55. Оп. 5

справлялись со своими обязанностями вплоть до выхода на пенсию (РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 41089).

В 1957 г., когда эти пилоты вернулись, к работе приступил вновь обученный персонал, а дополнительные экипажи Аэрофлота перешли на службу в Deutsche Lufthansa, кадровая ситуация разрядилась. В 1957 г. 47 сотрудников Аэрофлота – пилотов и других специалистов – работали в Deutsche Lufthansa. Аэрофлот хотел отозвать своих сотрудников из Lufthansa в конце года, но уже летом руководство Deutsche Lufthansa попросило 13 из этих сотрудников оставить в



Рис. 10. Командиры самолета Ил-18 П.Г. Минаев и Курт Ламм, 1970-е гг.
Архив АО Аэропорт Внуково, Москва

Берлине до 1958 г., прежде всего для того, чтобы завершить все текущие программы обучения (Архив АО Аэропорт Внуково, Москва). Летом 1957 г. первые экипажи Lufthansa совершили самостоятельные полеты без советских коллег на борту (рис. 8, 9).

Два командира самолета Ил-18, П.Г. Минаев (1922 г. рождения), заслуженный пилот ГДР (1972 г.) и Курт Ламм (Kurt Lamm, 1919 г. рождения), начальник Учебно-летного отряда авиакомпании Interflug, бывшие учитель и слушатель, встречаются в 1970-х годах (рис. 10). Павел Минаев воевал на транспортных самолетах в полку ГВФ, Курт Ламм в конце войны летал ночью на реактивных истребителях против американских высотных бомбардировщиков.

Таблица 3

Количество пассажиров Deutsche Lufthansa/Interflug на линии Берлин (Шенефельд) – Москва

Год	Количество пассажиров
1957	10 590
1959	12 258
1960	13 333
1961	13 806
1962	16 756
1963	19 417
1964	27 687
1965	41 886
1966	49 571

30 июня 1958 г. Deutsche Lufthansa попрощалась с последними коллегами из Аэрофлота, устроив торжественную церемонию и вручив награды. 1 июля они вновь поступили в распоряжение Управления кадров ГУГВФ. По моему мнению, спустя десятилетия после описанных событий может быть справедлив вывод: сорок лет существования ГДР доказали, что немцы и русские могут плодотворно сотрудничать.

Источники и литература

1. Архив АО Аэропорт Внуково, Москва
2. Российской государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2323.
3. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2351.
4. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 4108.
5. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 2. Д. 236.
6. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 2. Д. 253.
7. РГАЭ. Ф. 55. Оп. 7.
8. СВАГ 1945–1949. Справочник. М.: ROSSPEN, 2009.
9. *Филиппов В.В.* Авиационные группы и полки Гражданского воздушного флота в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рязань: ИП Викулов К.В., 2020.
10. Bundesarchiv (BArch), DY 24.
11. BArch, DY 59.
12. BArch, NY 4130.

13. BArch, Z 47 SMAD.
14. BArch, Berlin, DM 1, Ministerium für Verkehrswesen.
15. *Guenther S.* Air Transport in the USSR and FSU. Riga: RTU Press, Riga Technical University, 2014.
16. Sächsisches Staatsarchiv, Staatsarchiv Leipzig, 21000 Leipziger Messeamt (II).
17. *Unger U.* Zur Entwicklung der Zivilluftfahrt in Ostdeutschland // Blätter zur Geschichte der Luft- und Raumfahrt Nr. 25, DGLR. Bonn: Hedwig Sensen, 2015.

References

1. Archive of Vnukovo Airport JSC, Moscow.
2. Russian State Archive of Economics (RSAE). F. 9527. Op. 1. D. 2323.
3. RSAE. F. 9527. Op. 1. D. 2351.
4. RSAE. F. 9527. Op. 1. D. 4108.
5. RSAE. F. 9527. Op. 2. D. 236.
6. RSAE. F. 9527. Op. 2. D. 253.
7. RSAE. F. 55. Op. 7.
8. *SVAG 1945–1949. Spravochnik*. Moscow, ROSSPEN, 2009.
9. Filippov V.V. *Aviacionnye gruppy i polki Grazhdanskogo vozdushnogo flota v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945*. Ryazan', IP Vikulov K.V., 2020.
10. BArch, DY 24.
11. BArch, DY 59.
12. BArch, NY 4130.
13. BArch, Z 47 SMAD.
14. Bundesarchiv (BArch), Berlin, DM 1, Ministerium für Verkehrswesen.
15. Guenther S. *Air Transport in the USSR and FSU*. Riga, RTU Press, Riga Technical University, 2014.
16. Sächsisches Staatsarchiv, Staatsarchiv Leipzig, 21000 Leipziger Messeamt (II).
17. Unger U. Zur Entwicklung der Zivilluftfahrt in Ostdeutschland, *Blätter zur Geschichte der Luft- und Raumfahrt Nr. 25, DGLR*. Bonn, Hedwig Sensen, 2015.

Сведения об авторе:

Ульрих Унгер, кандидат технических наук, Общество охраны памятников истории немецкой авиации, Берлин, Германия.

E-mail: uu-flight@t-online.de

Дата поступления статьи: 08.05.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

Визуальные источники

УДК 001.32 + 929 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-191-196

К 125-летию со дня рождения академика К.И. Сатпаева

Войтеховский Юрий Леонидович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В статье приводятся с краткими пояснениями фото академика К.И. Сатпаева (1899–1964) из архива профессора Д.П. Григорьева (1909–2003), хранящегося в Российском минералогическом обществе. Они относятся к периоду 1956–1964 гг., завершающему яркую биографию, когда он руководил Институтом геологических наук и Академией наук Казахской ССР, в то же время выполняя большую общественную работу.

Ключевые слова: К.И. Сатпаев, Д.П. Григорьев, М.А. Усов.

In Commemoration of the 125th Anniversary of the Birth of Academician K.I. Satpaev

Yuri L. Voytekhovsky

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

The photographs of Academician K.I. Satpayev (1899–1964), presented in the article, come from the archive of Professor D.P. Grigoriev (1909–2003) that is stored in the Russian Mineralogical Society. The images, accompanied with brief commentary, date back to the period from 1956 to 1964, when Satpaev headed the Institute of Geological Sciences and the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, at the same time being widely involved in public activities.

Keywords: K.I. Satpayev, D.P. Grigoriev, M.A. Usov.

Введение

В Российском минералогическом обществе хранится архив профессора Д.П. Григорьева, известного всем геологам по книгам (Григорьев, 1961, Григорьев, 1966), заложившим методологическое основание современной минералогии. Его интерес к истории науки проявился еще ранее в книге (Григорьев, Шафрановский, 1949). После его ухода из жизни был

обнаружен архив из сотен педантично датированных писем и фотографий от учеников и коллег из геологических экспедиций, университетов и академий наук, в том числе выдающихся, прославивших отечественную и мировую геологию, минералогию, кристаллографию. Остается загадкой, почему архив не был использован для написания книг по истории науки.

Хорошо помню из студенческих времен, что нельзя было сдать Д.П. Григорьеву экзамен по минералогии меди, свинца, цинка или марганца, не назвав месторождений Жесказган и Жезды, не рассказав истории их открытия и освоения, в которой главную роль сыграл будущий академик К.И. Сатпаев. Поэтому в связи со 125-летием со дня его рождения были предприняты архивные поиски и найдены фото, хронологически упорядоченные в тексте с сохранением подписей (рис. 1–5).

Фото

Самое раннее фото (рис. 1) известно по биографической книге (Сарсекеев, 1980). Но представляется важным привести его здесь, напомнив о главном научном достижении К.И. Сатпаева – «комплексном методе формационного металлогенического анализа и прогноза месторождений». Почти очевидно, что он был интересен Д.П. Григорьеву именно как методолог, работающий на более высоком и масштабном уровне в иерархии природы – уровне геологических и рудных формаций.

Фото 1 (рис. 1) и 2 (рис. 2) отражают коллективный стиль работы К.И. Сатпаева при создании прогнозных металлогенических карт, его



Рис. 1. К.И. Сатпаев и группа ведущих ученых Института геологических наук АН Казахской ССР над картой прогнозов полезных ископаемых Центрального Казахстана.
Слева направо: Г.Ц. Медоев, К.И. Сатпаев, В.В. Галицкий, Д.Н. Казанли, М.П. Русаков, Н.Ф. Колотилин, Г.Б. Жилинский, С.К. Калугин. 1956 г.
Получено от Е.А. Анкинович 17.12.1965 г.



Рис. 2. К.И. Сатпаев дарит труды Института геологических наук АН Казахской ССР ученым других союзных республик: Армянской ССР, Грузинской ССР. 1958 г.
Получено от Е.А. Анкинович 17.12.1965 г.

открытость и доброжелательность. Вероятно, на фото 2 – участники Всесоюзного совещания в Алма-Ате, на котором свой взгляд на металлогению Казахстана энергично отстаивали геологи из ленинградского ВСЕГЕИ. Как известно, бурение показало, что геологи из ИГН свою землю знают лучше. Это и послужило основанием для награждения их Ленинской премией в 1958 г.

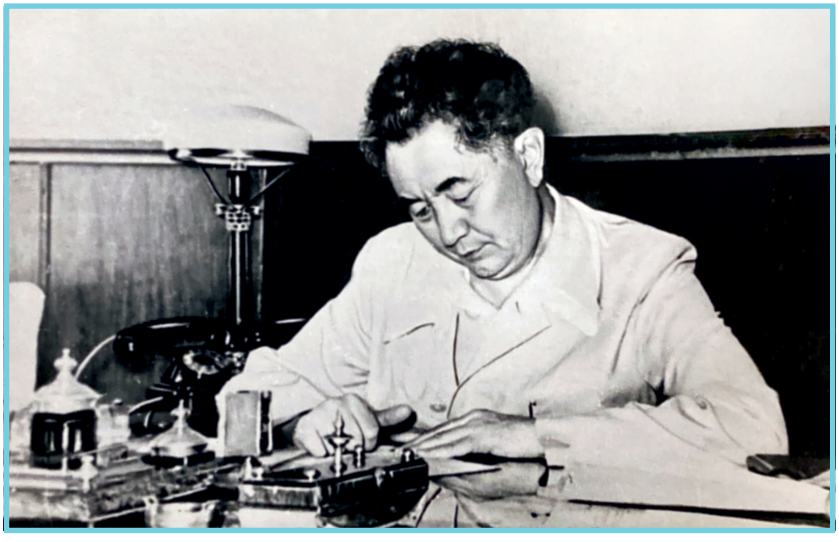


Рис. 3. К.И. Сатпаев в своем кабинете в Институте геологических наук АН Казахской ССР. 1958–1959 гг. (?).
Получено от Е.А. Анкинович 17.12.1965 г.



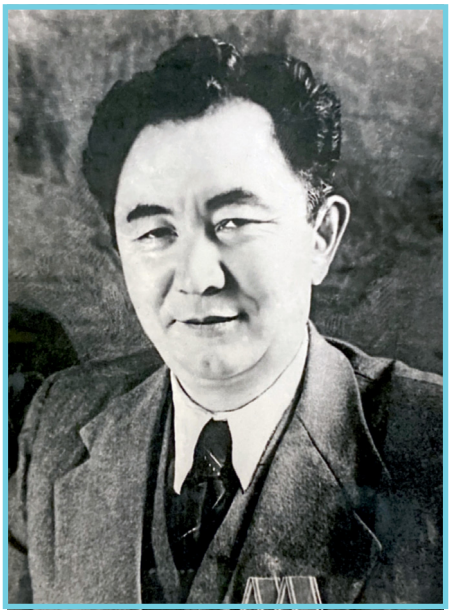


Рис. 4 (слева). К.И. Сатпаев над книгой. 1960 г.
Получено от Е.А. Анкинович 17.12.1965 г.

Рис. 5 (справа). «От Президиума Верховного Совета СССР. Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием извещает, что 31 января 1964 года после тяжелой и продолжительной болезни на 65 году жизни скончался видный советский ученый, президент Академии наук Казахской ССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, академик Каныш Имантаевич Сатпаев».
Получено от Б.И. Вейц 03.06.1964 г.

Три последних фото (рис. 3–5) в комментариях не нуждаются, кроме одного. К.И. Сатпаев награжден орденом Ленина четырежды: в 1940, 1945, 1957 и 1963 гг. Значит, подписи к рис. 4 и 5 неточны. В 1960 г. на лацкане пиджака должно быть три ордена, в 1964 г. четыре. Заметим также, что вместо подписи к последнему фото аккуратно подклеено траурное извещение «От Президиума Верховного Совета СССР». Несомненно, это подчеркивает огромное уважение Д.П. Григорьева к своему выдающемуся коллеге.

Так как писем К.И. Сатпаева в архиве Д.П. Григорьева не найдено, уместно задать вопрос, были ли они знакомы лично. Скорее всего, были. Интерес Д.П. Григорьева очевиден – это богатая минералогия месторождений Казахстана, но также процедура утверждения нового редкого минерала сатпаевита в Комиссии по новым минералам Российского минералогического общества (Анкинович, 1959). Заметим, что первооткрывательница сатпаевита Е.А. Анкинович и есть дарительница рис. 1–4. А визитов К.И. Сатпаева в Ленинград было немало – на конференции и в Отдел металлогении ВСЕГЕИ.

Заключение

Вместе с показанными фото в архиве хранится еще одно (рис. 6). На нем совсем молодой геолог М.А. Усов (1883–1939), ученик академиков



Рис. 6. Михаил Анатольевич Усов. Томский технологический институт. 1910–1912 гг.
Получено от А.Ф. Головачева 15.05.1964

В.А. Обручева и Ф.И. Левинсон-Лессинга, сам будущий академик, но пока даже не профессор. В 1921 г. именно он заинтересовал К.И. Сатпаева геологией и поступлением в Томский технологический институт, с чего и началась его трудная, но яркая геологическая биография. Что имел в виду Д.П. Григорьев, положив эти фото рядом? Вероятно, удачно сложившуюся преемственность идей – пульсационная тектоническая концепция М.А. Усова сработала в металлогеническом анализе К.И. Сатпаева, успевшего создать свою научную школу.

Источники и литература

1. *Анкинович Е.А.* Новые ванадиевые минералы – сатпаевит и альванит // Зап. ВМО. 1959. Ч. 88. Вып. 2. С. 157–160.
2. *Григорьев Д.П.* Онтогения минералов. Львов: Изд. Львовского ун-та, 1961. 284 с.
3. *Григорьев Д.П.* Основы конституции минералов. М.: Недра, 1966. 85 с.
4. *Григорьев Д.П., Шафрановский И.И.* Выдающиеся русские минералоги. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. 274 с.
5. *Сарсекеев М.* Каныш Сатпаев. М.: Молодая гвардия, 1980. 80 с.

References

1. Ankinovich, Ekaterina A. “Novye vanadievye mineraly – satpaevit i al’vanit.” *Zap. VMO*, part 88, iss. 2, 1959, pp. 157–160.
2. Grigor’ev, Dmitrii P. *Ontogeniya mineralov*. Izd. L’vovskogo un-ta, 1961.
3. Grigor’ev, Dmitrii P. *Osnovy konstitutsii mineralov*. Nedra, 1966.
4. Grigor’ev, Dmitrii P. and Ilarion I. Shafranovskii. *Vydayushchiesya russkie mineralogi*. Izd. AN SSSR, 1949.
5. Sarsekeev, Medeu. *Kanysh Satpaev*. Molodaya gvardiya, 1980.

Сведения об авторе:
Войтеховский Юрий Леонидович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий кафедрой геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член Президиума Российского минералогического общества.
Email: vojtehovskijj@herzenspbru. https://orcidorg/0000-0002-5380-9191

Дата поступления статьи: 1106.2024
Одобрено: 1308.2024
Дата публикации: 3009.2024

УДК 576.7 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-197-207

Из истории подготовки визуальных источников информации в нейроморфологии

Лапшина Аполлинария Артуровна,
Иванов Александр Викторович,
Никишина Нина Алексеевна

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

В статье обсуждается необходимость создания коллекций гистологических препаратов нервной системы, изготовленных в XIX–XX вв. и являющихся визуальными источниками информации по истории нейроморфологии. Уникальность этого периода истории связана с ручным методом окраски гистологических препаратов нервной системы – методом импрегнации солями серебра, очень сложным и трудоемким в техническом исполнении. Показано, что все гистологические препараты нервной системы, окрашенные с помощью методики импрегнации солями серебра должны сохраняться в музеях морфологических кафедр, поскольку в XXI в. морфологи используют другие методы изучения нервной ткани, и окраска биологического материала автоматизирована. Важным ресурсом сохранения истории нейроморфологии является перевод гистологических препаратов выполненных в XIX–XX вв. в цифровой формат с помощью слайдсканеров.

Ключевые слова: нейроморфология, Курский государственный медицинский институт, методы импрегнации солями серебра.

From the History of Preparation of Visual Sources of Information in Neuromorphology

Apollinaria A. Lapshina,
Alexander V. Ivanov,
Nina A. Nikishina

Kursk State Medical University, Kursk, Russia

The article discusses an aspect of preserving the history of neuromorphology, i.e. the preservation of neurohistological preparations from the 19th/20th century when a manual method of impregnation with silver salts, a painstaking and technically very difficult process, was used for staining nervous tissue. The complexity of this technique is shown and the works devoted to making it more stable and reliable are analyzed. It is maintained that all histological preparations of nervous system structures, stained using the technique of impregnation with silver salts, should be preserved in the museums of the departments of morphology, as in the 21st century other methods are used in nervous tissue studies and staining is automated. Digitizing the 19th/20th century histological preparations using digital slide scanners is an important resource for preserving the history of neuromorphology.

Keywords: history of science, neuromorphology, Kursk State Medical Institute, methods of impregnation with silver salts.

Актуальность исследования

Период истории со второй половины XIX в. и до конца XX в. был этапом становления и развития науки нейроморфологии, в который было изучено строение нервной системы животных и человека с помощью световой микроскопии. Подводя итоги становления и развития нейроморфологии как науки, необходимо отметить, что весьма существенным фактором, определяющим результативность нейроморфологических исследований, была гистотехника как процесс изготовления гистологического препарата, включающая специальную подготовку биологического материала: его фиксацию, обезвоживание, заливку в уплотняющие среды, микротомирование и окраску (Белецкий, 1939; Догель, 1902; Рамон-и-Кахаль, 1985).

Самыми требовательными к свежести исследуемого материала, сложными по техническому исполнению и очень уязвимыми этапами подготовки нервной ткани для гистологического изучения всегда были его фиксация и окраска. Результат сильно зависел от срока фиксации кусочка исследуемого органа нервной системы в фиксирующих растворах, в качестве которых выступали чаще всего формалин, растворы этилового спирта, растворы солей тяжелых металлов, кислоты и их соли, используемые с целью прекращение процессов жизнедеятельности в клетках и предотвращения процессов биологического разложения. Не менее важными являлись процедуры последующего обезвоживания и обезжиривания нервной ткани с целью пропитывания ее уплотняющими средами, такими как целлоидин, желатин или парафин. Каждый из вышеперечисленных этапов подготовки гистологического препарата был многоаспектным, существенно влиял на окраску и зачастую осваивался исследователями годами до возможности получения гарантированного качества препарата (Иванов, Коротько, Никишина, 2018; Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022).

Для исследования нервной ткани чаще всего применялась формалиновая фиксация, а самым распространенным методом окрашивания гистологических срезов являлась импрегнация азотнокислым серебром (рис. 1). Эта методика вошла в науку под названием «импрегнация солями серебра» (методы Гольджи, Кахаля и их многочисленные модификации разными исследователями) и известна как очень «капризная» методика, которой долго учились, и даже в руках опытного нейроморфолога она не всегда давала гарантированный результат (Белецкий, 1939; Сергеев, 1970). Таким образом, результативность научных нейроморфологических исследований определялась тем, насколько исследователь был способен изготовить гистологические срезы, окрашивать интересующие элементы нервных клеток (нейронов) и нейроглии, насколько он хорошо знал, понимал и даже «чувствовал» методики окраски.

Целью настоящей работы являлся исторический обзор проблемы научных исследований в нейроморфологии, которая заключалась в использовании очень сложного по исполнению метода окраски нервной ткани,

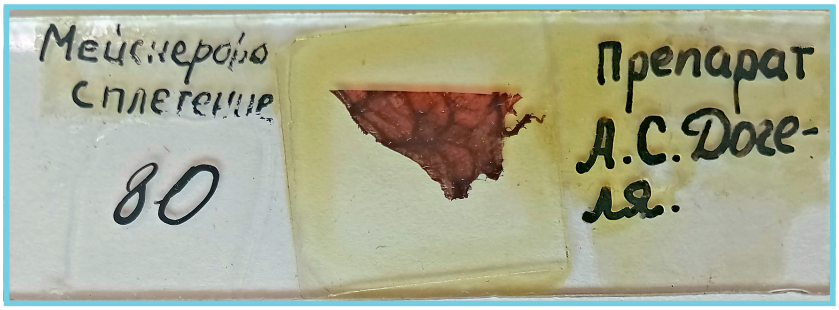


Рис. 1. Гистологический слайд: Мейснерово сплетение. Окраска: импрегнация солями серебра.
Препарат А.С. Догеля из коллекции кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

который не всегда удавался, не был хорошо понят исследователями, но обеспечил создание целой науки нейроморфологии.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач проведен анализ научных работ, посвященных вопросам приготовления гистологических препаратов нервной ткани для световой микроскопии. Наряду с этим использованы материалы устной истории (интервью с сотрудниками кафедры анатомии человека и кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии Курского государственного медицинского университета). Таким путем удалось выделить сложные аспекты научных нейроморфологических исследований в советской медицинской школе в XX веке. Методологической основой статьи являлись взгляды ученых-историков на проблемы реконструкции и сохранения истории естественных наук (Батурин, 2023; Белецкий, 1939; Колчинский, 2016; Brown, 2019).

Результаты исследования и их обсуждение

Методика импрегнации нервной ткани солями серебра была открыта итальянским ученым К. Гольджи в интервале между 1880 г. по 1885 г. Эффективность методики определялась тем, что в кусочке нервной ткани образованном сложной трехмерной сетью нейронов и нейроглии, азотнокислое серебро в большей степени аккумулировалось клеточной мембраной лишь некоторых нервных клеток. После проведения реакции восстановления серебра удавалось увидеть некоторые нейроны на всем их протяжении: тело, сильно ветвящиеся многочисленные дендриты, очень длинный аксон и даже контакты с другими клетками. На уникальность и возможности этой методики обратил внимание С. Рамон-и-Кахаль, который в это же время активно искал метод изучения синапсов, тончайших структур нейронов, для того чтобы описать всю цито- и миелоархитектонику нервной системы (Рамон-и-Кахаль, 1985; Сергеев, 1970).

Метод Гольджи заключался в импрегнации кусочков мозга в течение нескольких дней в растворе смеси бихромата калия (или жидкости

Мюллера) или еще лучше в смеси бихромата и 1% раствора осмиевой кислоты и затем обработке слабым раствором (0,75%) кристаллического азотнокислого серебра. Таким образом, выпадал осадок бихромата серебра, который по необъяснимой закономерности локализовался на некоторых нервных клетках и их отростках (Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022; Рамон-и-Кахаль, 1985). Рамон-и-Кахаль модифицировал эту методику и на протяжении всей своей карьеры совершенствовал под конкретные задачи исследований нервной системы. Получив в свои руки такой методический инструмент, он открыл много закономерностей строения головного и спинного мозга, строения периферической нервной системы и чувствительных нервных окончаний. Ему принадлежит самое большое количество приоритетов в изучении микроскопического строения нервной системы, он сформулировал основные положения нейронной теории и в 1906 г. совместно с К. Гольджи получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине (Рамон-и-Кахаль, 1985).

На протяжении всего XX в. методика импрегнации нервной ткани солями серебра оставалась основной в нейроморфологии, было создано большое число ее вариаций (прописей), но и через 100 лет после работ С. Рамон-и-Кахаля ученые-нейроморфологи продолжали решать ее загадки. Примером такого исследования является книга лидера ижевской научной нейромофрологической школы К.К. Сергеева «Липопротеидная гипотеза нейроплазмы» (Сергеев, 1970).

К.К. Сергеев старался объяснить, почему методика импрегнации солями серебра, даже если ее делать строго по предложенной прописи и иметь очень большой опыт работы с ней, часто не визуализировала структуры нервной ткани (Сергеев, 1970). Он первый, кто обратил внимание, что для различных отделов нервной системы нужны различные сроки предварительной фиксации биологического материала, например, кору больших полушарий и кору мозжечка нужно фиксировать 1–2 суток (рис. 2, 3), а периферические рецепторы около 1 месяца (рис. 4). К.К. Сергеев был первым, кто обратил внимание на то, что эффективность импрегнации нервной ткани солями серебра зачастую не зависит от исследователя и абсолютной точности методики, она определяется биохимией нервной ткани, которая определялась функциональным состоянием нервной системы животного до его умерщвления. Совместно с аспирантами К.К. Сергеев изучал факторы, влияющие на аргентофилию нервной ткани, и, обобщив результаты, сформулировал липопротеидную теорию нейроплазмы, доказав, что чем больше раздражений испытала нервная система (механические, термические, электрические раздражители, электромагнитное поле и др.), тем выше будет аргентофилия нервной ткани. Причина этого заключается в активном синтезе веществ в нейронах в момент в их возбуждения, что и приводит к повышению аргентофилии нервной ткани, обнаруживаемой в процессе изготовления гистологических препаратов нервной ткани (Сергеев, 1970).



Рис. 2. Пирамидные нейроны коры больших полушарий. Окраска: импрегнация солями серебра. Увеличение х300. Дата изготовления препарата: 80-е гг. XX.
Дата изготовления фотографии: 2005 г. Препарат из коллекции кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

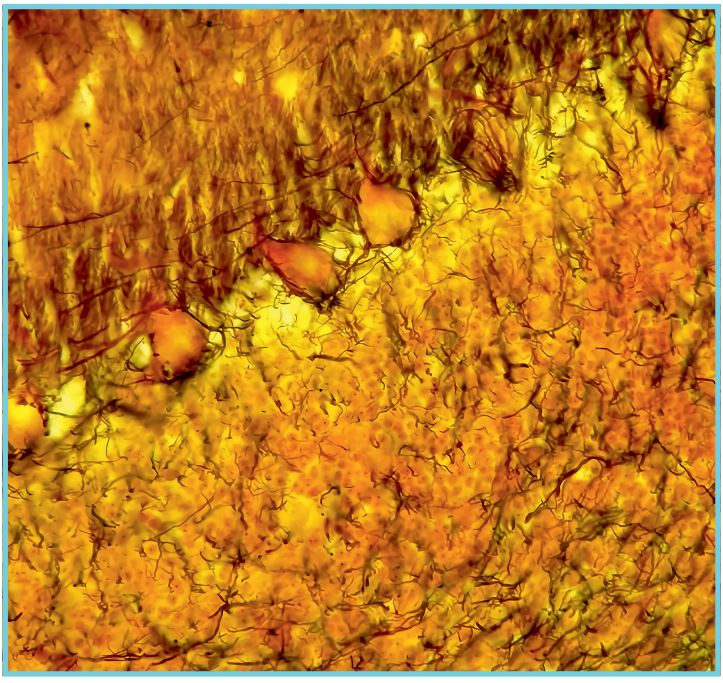


Рис. 3. Корзинчатые синапсы в коре мозжечка. Окраска: импрегнация солями серебра. Увеличение х300. Дата изготовления препарата: 80-е гг. XX.
Дата изготовления фотографии: 2005 г. Препарат из коллекции кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

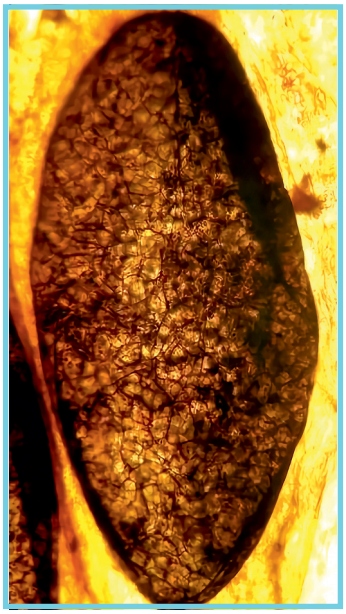


Рис. 4. Чувствительный рецептор – тельце Фатера – Пачини. Окраска: импрегнация солями серебра. Увеличение х300. Дата изготовления препарата: 80-е гг. XX. Дата изготовления фотографии: 2005 г. Препарат из коллекции кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

В Курском государственном медицинском институте нейроморфологические исследования были основным направлением исследований на кафедре гистологии и эмбриологии всю вторую половину XX в. (Иванов, Коротько, Никишина, 2018; Иванов, Никишина, Затолокина, Авдеева, 2022; Иванов, Никишина, Коротько, 2020). Лидером этого направления была д.б.н., профессор, З.Н. Горбацевич, представительница ленинградской нейрогистологической школы А.С. Догеля – Д.И. Дейнеки. Для изучения особенностей строения центральной и периферической нервной системы курскими учеными также использовался метод импрегнации солями серебра. Например, для изучения коры больших полушарий и коры мозжечка З.Н. Горбацевич предпочитала фиксировать их кусочки в 96% этиловом спирте, заливала их в целлоидин, а затем окрашивала по Гольджи или модифицированным третьим методом С. Рамон-и-Кахаля (Иванов, Коротько, Никишина, 2018; Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022). Для изучения синаптических структур, изменения аксонов и процессов регенерации отростков нервных клеток пользовалась модифицированным третьим методом С. Рамон-и-Кахаля; астроглию и ее изменения, изменения дендритов и дендритических шипиков изучала после импрегнации по Гольджи (Иванов, Коротько, Никишина, 2018; Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022).

Методике импрегнации солями серебра нервной ткани обучали студентов, начиная с их работы в студенческом научном кружке (рис. 5). Лучше всех методами импрегнации часто владели лаборанты морфологических кафедр и именно они готовили гистологические препараты тканей от экспериментальных животных (рис. 6), обучали этой методике новые поколения молодых ученых (рис. 7), которые, становясь самостоятельными учеными, продолжали работать над ее совершенствованием (рис. 8, 9). Но импрегнационные методы всегда были «капризными» и получить устойчивый результат можно было, лишь обретя личный опыт постоянной работы с конкретным участком нервной системы, методом фиксации, заливки, микротомирования и т.п. деталей которые часто даже не имели сколько-нибудь логичного объяснения (Иванов, Никишина, Затолокина, Авдеева, 2022; Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022; Иванов, Никишина, Коротько, 2020).



Рис. 5. Профессор Р.Т. Бойко обучает студентку методам фиксации экспериментального материала и его окраске. 70-е гг. XX в. Курск.
Источник: архив кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

Иногда эти тонкости методики импрегнации солями серебра были на уровне примет, настолько они до сих пор непонятны. Например, импрегнация солями серебра нервной ткани получится, только если в этот день



Рис. 6. Лаборант кафедры анатомии КГМИ А.И. Вовк в процессе изготовления гистологических слайдов из органов экспериментальных животных. 60-е гг. XX в. Курск.
Источник: архив кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ



Рис. 7. Лаборант кафедры гистологии и эмбриологии КГМИ обучает молодых ученых изготовлению гистологических слайдов. 70-е гг. XX в. Курск.
Источник: архив кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

стоит ясная и солнечная погода. Импрегнация шла намного лучше летом и зимой, чем в весенне-осенний период. Отмечались даже какие-то личные особенности, влиявшие на эффективность приготовления



Рис. 8. Доцент кафедры гистологии и эмбриологии КГМИ Н.В. Урюпина контролирует процесс изготовления гистологических срезов лаборантами. 70-е гг. XX в. Курск.
Источник: архив кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ



Рис. 9. Курские ученые-морфологи просматривают гистологические препараты экспериментальной серии.
Слева направо: доцент Л.Н. Моралев, профессор З.Н. Горбацевич, доцент И.П. Лукьянова. 70-е гг. XX в. Курск.
Источник: архив кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии КГМУ

гистологических препаратов нервной ткани. Например, преподаватель кафедры гистологии и эмбриологии Курского государственного медицинского института О.Д. Балыбина очень гордилась, вспоминая, как хорошо у нее получалась импрегнация солями серебра коры мозжечка, а остальные части нервной системы не получалось так качественно окрасить, и она не понимала почему (Иванов, Никишина, Затолокина, Авдеева, 2022).

Несмотря на такую сложность и неопределенность конечного результата при окраске, этой методикой в Курске были установлены особенности регенерации коры головного мозга и коры мозжечка после травматических повреждений; установлены виды рецепторов и их расположение в нервных стволах конечностей и туловища, описано строение чувствительных рецепторов в коже и надкостницах в норме и при патологии (Иванов, Коротько, Никишина, 2018; Иванов, Никишина, Затолокина, Пучков, 2022; Иванов, Никишина, Коротько, 2020).

Заключение

Особенности гистотехники при проведении нейроморфологических исследований в XIX–XX вв. являлись решающим фактором достижения требуемого качества окраски нервной ткани, т.е. ее визуализации. Наиболее информативные нейроморфологические методы окраски также были и наиболее сложными в освоении их лаборантами и исследователями и трудно воспроизводимыми. В XXI в. развитие гистологической техники, автоматизация рутинных процедур, таких как проводка и заливка тканей в парафин, микротомирование и окраска в гистостейнерах устранили элемент творчества и поиска новых гистотехнических решений, поэтому

препараты изготовленные с помощью импрегнационных методик в XIX–XX в. стали бесценными экземплярами музейных коллекций морфологических кафедр. Чтобы сохранить их и сделать доступными для будущих поколений, практически все морфологические кафедры страны работают над переводом их в цифровой формат с помощью современных слайдсканеров и создают сетевой доступ к коллекциям визуальных источников информации по истории нейроморфологии.

Источники и литература

1. *Батурин Ю.М.* Семиотика интерпретации источников // История науки и техники: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 300-летию Российской академии наук: материалы международной научной конференции, Москва, 07–08 ноября 2023 года. Иваново: ПресСто, 2023. С. 18–20.

2. *Белецкий В.К.* Методика микроскопического исследования нервной системы / Московская областная невро-психиатрическая клиника. М., 1939. 112 с.

3. *Белозеров О.П.* Научная школа в социокультурном контексте: от идеальной модели к реальному объекту // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. Т. 30, № 4. С. 27–57.

4. *Догель А.С.* Техника окрашивания нервной системы метиленой синью. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1902. 48 с.

5. *Иванов А.В., Коротько Т.Г., Никишина Н.А.* Из истории кафедры гистологии Курского государственного медицинского университета. Курск: ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, 2018. 152 с.

6. *Иванов А.В., Никишина Н.А., Затолокина М.А., Авдеева Е.Ю.* Памяти Антона Витальевича Немилова (1879–1942) // Морфология. 2022. Т. 160, № 1. С. 65–71. DOI 10.17816/morph.87936.

7. *Иванов А.В., Никишина Н.А., Затолокина М.А., Пучков В.И.* Нейроморфологические исследования на кафедре гистологии и эмбриологии Курского государственного медицинского института в XX веке // Журнал анатомии и гистопатологии. 2022. Т. 11, № 1. С. 84–93. DOI 10.18499/2225-7357-2022-11-1-84-93.

8. *Иванов А.В., Никишина Н.А., Коротько Т.Г.* Памяти Ирины Дмитриевны Рихтер (1895–1972): к 125-летию со дня рождения // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 126–139. doi 10.24411/2076-8176-2020-12010

9. *Колчинский Э.И.* Воспоминания как предмет творчества и рефлексии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2016. № 1. С. 130–141.

10. *Рамон-и-Кахаль С.* (1852–1934). Автобиография: (Воспоминания о моей жизни). Москва: Медицина, 1985. 271 с.

11. *Сергеев К.К.* Липопротеидная гипотеза нейроплазмы. Ижевск, 1970. 166 с.

12. *Brown R.E.* (2019) Why Study the History of Neuroscience? Front Behav Neurosci. 2019 May 22;13:82. DOI: 10.3389/fnbeh.2019.00082.

References

1. Baturin, Yurii M. “Semiotika interpretatsii istochnikov.” *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: K 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 07–08 noyabrya 2023 goda*, PresSto, 2023, pp. 18–20.

2. Beletskii, Vyacheslav K. *Metodika mikroskopicheskogo issledovaniya nervnoi sistemy*. Moscow, 1939.

3. Belozerov, Oleg P. “Nauchnaya shkola v sotsiokul’turnom kontekste: ot ideal’noi modeli k real’nomu ob’’ektu.” *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, vol. 30, no. 4, 2009, pp. 27–57.

4. Dogel’, Aleksandr S. *Tekhnika okrashivaniya nervnoi sistemy metilenovoi sin’yu*. Izdanie K.L. Rikkera, 1902.

5. Ivanov, Aleksandr V., Korot’ko, Tat’yana G., Nikishina, Nina A. *Iz istorii kafedry gistologii Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. FGBOU VO KGMU Minzdrava Rossii, 2018.

6. Ivanov, Aleksandr V., Nikishina, Nina A., Zatolokina, Mariya A., Avdeeva, Ekaterina Yu. “Pamyati Antona Vital’evicha Nemilova (1879–1942).” *Morfologiya*, vol. 160, no. 1. 2022, pp. 65–71. DOI 10.17816/morph.87936.

7. Ivanov, Aleksandr V., Nikishina, Nina A., Zatolokina, Mariya A., Puchkov, Vyacheslav I. “Neiromorfologicheskie issledovaniya na kafedre gistologii i embriologii Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta v XX veke.” *Zhurnal anatomii i gistopatologii*, vol. 11, no. 1, 2022, pp. 84–93. DOI 10.18499/2225-7357-2022-11-1-84-93.

8. Ivanov, Aleksandr V., Nikishina, Nina A., Korot’ko, Tat’yana G. “Pamyati Iriny Dmitrievny Richter (1895–1972): k 125-letiyu so dnya rozhdeniya.” *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, vol. 12, no. 2, 2020, pp. 126–139. DOI 10.24411/2076-8176-2020-12010.

9. Kolchinskii, Eduard I. “Vospominaniya kak predmet tvorchestva i refleksii.” *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovanii*, no. 1, 2016, pp. 130–141.

10. Ramón y Cajal, Santiago (1852–1934). *Avtobiografiya: (Vospominaniya o moei zhizni)*. Meditsina, 1985.

11. Sergeev, Konstantin K. *Lipoproteidnaya gipoteza neiroplazmy.* Izhevsk, 1970.

12. *Brown R.E.* (2019) Why Study the History of Neuroscience? Front Behav Neurosci. 2019 May 22;13:82. doi: 10.3389/fnbeh.2019.00082.

Сведения об авторах:

Лапшина Аполлинария Артуровна, студентка 4 курса лечебного факультета Курского государственного медицинского университета.

E-mail: apollinariya.la@icloud.com. https://orcid.org/0000-0002-7085-9051

Иванов Александр Викторович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой гистологии, эмбриологии, цитологии Курского государственного медицинского университета.

E-mail: anatomy@mail.ru. https://orcid.org/0000-0002-2412-0475

Никишина Нина Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии Курского государственного медицинского университета.

E-mail: nan2008@mail.ru. https://orcid.org/0000-0003-2642-826X

Дата поступления статьи: 26.03.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 930 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-208-213

Опыт поиска фотографий зоологов Нижегородского университета

Тарбеев Михаил Львович

Зоологический музей Нижегородского государственного университета, Нижний Новгород, Россия

В статье описывается личный опыт поиска фотографий зоологов Нижегородского университета, показана сложность и разветвленность данного процесса. Работа по выявлению фотопортретов представляет собой один из увлекательных этапов историко-научного исследования, так как позволяет реконструировать портретные черты отдельных ученых, их одежду, окружающий интерьер. Введение в научный оборот визуальных источников в значительной степени «оживляет» и «обогащает» содержание научных публикаций. В связи с этим исследователи в своих научных изысканиях не ограничиваются только письменными источниками и стремятся начать поиск определенных фотодокументов, способствующих более полно и достоверно представить образы отдельных личностей, организацию научного труда в лабораториях, историю конкретных событий и явлений.

Ключевые слова: фото, архив, кафедра зоологии, Нижегородский государственный университет (ННГУ).

Searching for the Photographs of the Nizhny Novgorod University's Zoologists

Mikhail L. Tarbeev

Zoological Museum of Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

The article describes the author's personal experience of searching for the photographs of the Nizhny Novgorod University's zoologists, demonstrating the complexity and ramifications of this process. The search for photographic portraits is an exciting stage of a history of science study, as it enables reconstructing the features of particular scientists, their attire and surrounding interior. Introducing visual sources for scientific use considerably animates and enriches the content of scientific publications. In this connection the researchers in their scientific pursuits do not limit themselves to written sources and are keen to start searching for particular photographic documents that help to more fully and authentically present the images of certain individuals, organization of research work in the laboratories, and the history of concrete events and phenomena.

Keywords: photograph, archive, Department of Zoology, State University of Nizhny Novgorod (NNGU).

Для ученого научный поиск – это одна из самых захватывающих сторон его исследовательской деятельности. И не важно, в какой области происходит поиск. Важен результат – Открытие. Открывать забытые факты истории не менее увлекательно, чем, к примеру, изобретать машину времени или создавать новые шедевры в музыке, литературе. Начинается все

банально. С чего? Правильно! С любопытства. Вещь, конечно, наказуемая, но для человеческой природы неизбежная.

Лично я встал на почву исторических изысканий в биологии в 2000 г., проработав 8 лет на кафедре зоологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). Внезапно у меня возник вопрос: а когда же и кем впервые было организовано данное структурное подразделение ННГУ? Далеко ходить не пришлось: я обратился за помощью к Нине Александровне Макаровой (рис. 1). Она сама по себе была живой историей: начала работать на кафедре еще в незапамятном 1952 году и на тот момент являлась заведующей лабораторией зоологии позвоночных животных. Мы все ласково называли ее «наше ЦРУ», потому что знала она практически о всех наших выпускниках.

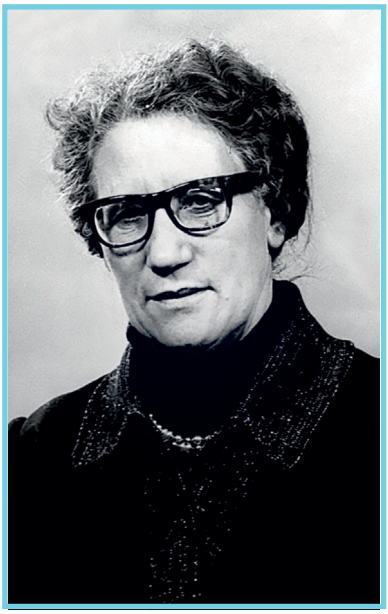


Рис. 1. Нина Александровна Макарова (22.10.1925–30.06.2018)

Так вот, недолго думая, Нина Александровна выдала мне из своего архива рукопись доцента Николая Васильевича Кузнецова (зав. кафедрой зоологии с 1963 по 1968 гг.) «Материалы по истории биологического факультета Нижегородского университета. 1918–1968 гг.». В данном труде были кратко перечислены основные исторические вехи и фамилии «отцов-основателей». Но что могут сказать одни фамилии? За каждой фамилией должен стоять человек со своим характером, биографией, внешностью, научными интересами и т.д. и т.п. Желание отдать дань памяти «отцам-основателям» нашей кафедры и породило данный интерес. И вслед за этим начался поиск необходимых материалов в архивах Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга.

Однако для меня только собирать сведения было недостаточно. Мужчины, как известно, любят глазами, и потому отдельным пунктом у меня оставался поиск иллюстративного материала. Внешность человека, прилагающаяся к делам его, дает более ощутимую картину в исторических изысканиях.

О поиске каждой фотографии можно рассказать целую историю. Вот, например, фото Бориса Владимировича Введенского (рис. 2). Сначала я заказал в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) личное дело этого преподавателя. Биография, его работа в Нижегородском университете и Нижегородском педагогическом институте отражены вплоть до 21 января 1932 г. Фото нет. Выяснил, что в ЦАНО есть еще один фонд – рассекреченные дела ФСБ, где также имелось личное дело Б.В. Введенского. Заказал, прочитал много интересного под подписку о неразглашении. Фото нет. Взял телефонный справочник, обзвонил всех Введенских,

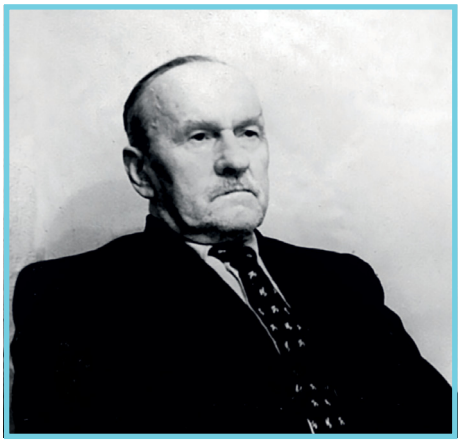


Рис. 2. Борис Владимирович Введенский (23.11.1891– ?.?.1971)

часть телефонов молчала, а та, которая не молчала в мягкой форме уверяла меня, что ничего не знают ни о каком Борисе Владимировиче. Перешерстил каталоги журнальных статей в библиотеке Нижегородского университета. Статей Б.В. Введенского нет. Фото и подавно. В его биографии, отложившейся в личном деле, содержалась информация о том, что Борис Владимирович уезжал в научную командировку в Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии сроком на 1 месяц. Для нового архивного поиска мне пришлось поехать в Санкт-Петербург. И там никаких следов. Фото нет. В Москве тоже не удалось найти его фотографию. Пропал человек!

Два года спустя я вновь взял телефонный справочник и стал звонить (интересно, существует ли предел человеческому упрямству?). Первый же телефон оказался телефоном племянника Бориса Владимировича. Радость моя была сравнима, пожалуй, что с радостью Шлимана, открывшего Трою или Колумба, достигшего берегов Америки.

С замиранием сердца дышал я в телефонную трубку: «Вадим Николаевич? А каких-нибудь фотографий Бориса Владимировича у Вас не сохранилось?»

«Вы знаете...» – пауза длиною в жизнь: «Сохранилось».

Сделав классический американский «Yes!» (правда мысленно), я напросился на встречу к Вадиму Николаевичу и приобрел сканированную коллекцию фотографий из семейного архива Введенских. Одна из них приведена здесь.

А фотография Ивана Фомича Гайлита (рис. 3)? Она шла ко мне год. Я заказал сделать фото Гайлита в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в июне 2002 г., но, поскольку оно было плохой сохранности, требовалось отдать его в фотомастерскую на предварительную реставрацию. Заведующая читальным залом ЦГИА СПб Наталья Александровна Чикмарева сказала, что вышлет мне требуемый материал по почте. Зная скорость наших почтовых сообщений, я честно прождал три месяца, но увы...! Долгожданного письма нет и нет. Звонок в ЦГИА СПб:

– Наталья Александровна! Это Вас из Нижнего Новгорода беспокоят по поводу фотографии Ивана Фомича Гайлита.

– Вы знаете, я его уже давно выслала. Вы должны были его получить еще месяца два назад.

– Вы знаете... нет, не получал.



Рис. 3. Янис Лаймонис Гайлитис (Иван Фомич Гайлит) (30.05.1885–?.?.1943)



Рис. 4. Николай Николаевич Спасский (24.05.1899–23.02.1958)

– Хорошо, если негативы не выбросили, я постараюсь попросить сделать для Вас повторную копию. Вы должны будете получить ее приблизительно...

Нельзя сказать, чтобы подобные разговоры стали доброй традицией в укреплении взаимосвязей музея Нижегородского университета и Центрального исторического архива города Санкт-Петербурга, но с разными вариациями телефонные переговоры повторялись еще раза три.



Рис. 5. Анатолий Алексеевич Скворцов (09.02.1883–14.07.1976)

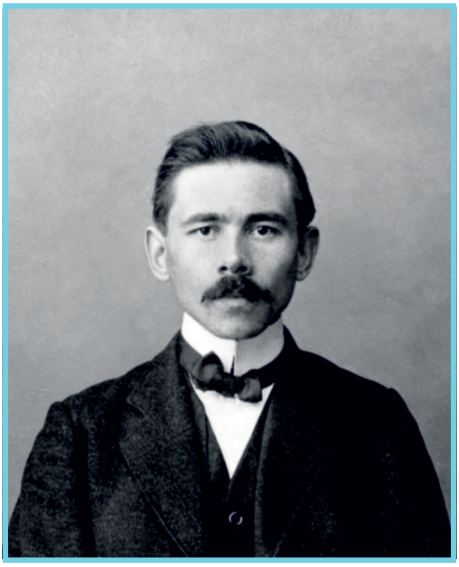


Рис. 6. Эдуард Карлович Рейзин (02.05.1890–06.04.1970)



Рис. 7. Фото Д.Ф. Синицына и Л.И. Петринской (Синицыной)

В итоге фотография была получена. Думаю, теперь в ЦГИА СПб меня всегда будут рады видеть и с нетерпением ждать новых заказов.

А Николай Николаевич Спасский! (рис. 4). Ох, сколько сил я бросил на него! Об этом даже лучше не заикаться! Одним словом, закончилось тем, что я послал запросы в АтлантНИРО и в КаспНИОРХ, где он работал. Ответ пришел лишь из последнего учреждения от Д.Н. Катунина, который любезно выслал мне биографические материалы и фотографию Николая Николаевича. Опуская подробности, скажу лишь, что, после того как я получил эти материалы, выяснилось, что Н.Н. Спасский был родным дядей сотрудницы, которая работала со мной на кафедре. Помню, как веселый жизнерадостный смех рвался из глубин моей души. После данного случая я никогда не обходил вниманием генеалогические древа своих коллег.

Что касается фотографий Анатолия Алексеевича Скворцова и Эдуарда Карловича Рейзина, то они хранились в личных делах в Центральном архиве Нижегородской области (ГКУ ЦАНО) (рис. 5, 6). Здесь трудностей не возникло.

Фотографию супруги Д.Ф. Синицына Людмилы Ивановны Петринской мне удалось заказать через представителя фонда Кусто в США Эммета К. Дженнингса, который выкупил фото для меня из фонда Орегонского университета за 3 доллара (рис. 7). Впоследствии, мне удалось найти другие ее фотографии в группе слушательниц Московских Высших женских курсов (рис. 8), и даже найти видео с ее участием в фильме про Американский музей Национальной истории.

Из всего перечисленного видно, сколь много значит для меня документально-иллюстративная часть. В дальнейшем, еще много было интересных атрибуций коллективных фотографий и выявление личностей на них. Работа сама по себе непростая, и показывает, как много разных восприятий и интерпретаций может нести одно и то же фото. И данный процесс очень захватывает. Он подобен работе следователя, но только не раскрывающего убийства, а раскрывающего жизни других людей, ученых, искренне преданных своему делу. И вот именно эти жизни, возращенные из небытия, дань их памяти, наверное, в этом и есть задача истории науки – сохранить эти имена и личности для дальнейших поколений. Когда



Рис. 8. Группа слушательниц Московских Высших Женских Курсов

видишь все эти фотографии, добытые тобой в архивах (государственных и частных), перепечатанные из различных старых книг, понимаешь, что твои труды не напрасны и вносят скромную лепту в дело просвещения и образования.

Сведения об авторе:
Тарбеев Михаил Львович, научный сотрудник зоологического музея Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: tarbeevm@mail.ru. https://orcid.org/0009-0003-7420-0208

Дата поступления статьи: 26.03.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

Рецензии

УДК 930 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-214-220

Издания к юбилею И.Н. Юркина

Пчелов Евгений Владимирович

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

Статья посвящена двум изданиям, выпущенным к 70-летию выдающегося отечественного историка науки и техники, доктора исторических наук И.Н. Юркина. Первое представляет собой полную биобиблиографию ученого, вышедшую в серии «Российские историки науки и техники». Книга содержит хронологический список трудов И.Н. Юркина и литературы о нем, основные даты жизни, краткий очерк научной и педагогической деятельности, сведения о наградах и т.д. Второе издание – юбилейный сборник в честь ученого, подготовленный его коллегами. В нем представлены статьи, относящиеся к кругу научных интересов И.Н. Юркина. Они посвящены истории кузнечного дела и металлургии, истории рода Демидовых, промышленной деятельности в Тульском регионе и на Урале, истории водных путей, музеефикации истории техники, биографиям видных ученых и историков науки. Сборник содержит новые данные и материалы, раскрывающие неизвестные страницы в истории России, истории науки и техники.

Ключевые слова: И.Н. Юркин, серия «Российские историки науки и техники», юбилейный сборник, Демидовы, история металлургии, музейное дело, история водных путей, Урал, Тула.

Publications Dedicated to I.N. Yurkin's Jubilee

Evgeniy V. Pchelov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is devoted to two volumes published to mark the 70th anniversary of the birth of a prominent Russian historian of science and technology, Doctor of Historical Sciences I.N. Yurkin. The first is his complete bio-bibliography, published as part of the "Russian Historians of Science and Technology" series. This book contains a chronological list of I.N. Yurkin's publications and the literature about him, the milestones of his life, a brief outline of his research and teaching work, the information about awards, etc. The other book is a jubilee collection of articles by his colleagues, published in his honor. The themes of

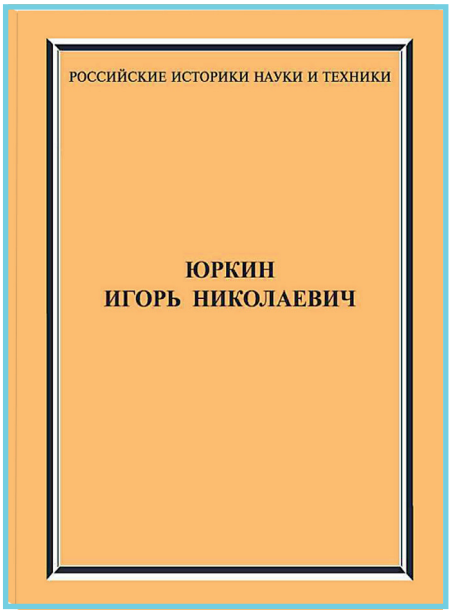
the articles cover the range of Yurkin's scientific interests: the history of blacksmithing and metallurgy, the history of the Demidov family, industrial activity in the Tula region and in the Urals, the history of waterways, museumification of the history of technology, and biographies of prominent scientists and historians of science. The collection contains new data and materials that shed light on the unknown pages in the history of Russia and in the history of science and technology.

Keywords: I.N. Yurkin, series "Russian historians of science and technology", jubilee collection, the Demidovs, history of metallurgy, museum studies, history of waterways, Urals, Tula.

9 августа 2023 г. свой юбилей отметил выдающийся историк, доктор исторических наук Игорь Николаевич Юркин. В связи с этим событием отечественная научная литература пополнилась сразу двумя изданиями. Одно из них – справочник-указатель «Юркин Игорь Николаевич. Материалы к биобиблиографии» (Самарин, 2023а), который вышел в серии «Российские историки науки и техники» (Илизаров, 2020), публикуемой Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, где вот уже более двадцати лет трудится юбиляр. Автором этого библиографического указателя выступил видный историк, крупный специалист по истории науки, книги и книжной культуры доктор исторических наук А.Ю. Самарин. Он ранее уже дважды был автором книг в серии «Российские историки науки и техники» (Самарин, 2009; Самарин, 2020).

Собственно библиографию в этом издании предваряют «Основные даты жизни и деятельности И.Н. Юркина» (Самарин, 2023а, с. 3–11) и «Краткий очерк научной и педагогической деятельности И.Н. Юркина» (Самарин, 2023а, с. 12–33), характеризующие жизненный путь и научные достижения Игоря Николаевича. Уроженец Тулы и выпускник Тульского политехнического института, он смог реализовать свои таланты в двух, совершенно разных направлениях. Получив специальность инженера-металлурга, И.Н. Юркин вначале трудился в области физики металлов и металловедения, где стал высокопрофессиональным специалистом-исследователем, опубликовал тридцать научных работ и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук в 1981 г.

Затем, на рубеже 1980–1990-х гг. Игорь Николаевич обратился к историческим исследованиям. Область его научных интересов, начавшись с исторического краеведения, впоследствии непрерывно расширялась, и в ней явственно обозначилось несколько, можно сказать, ключевых исследовательских тем. Это, прежде всего, история рода Демидовых и их экономической, научной и культурной деятельности, чему посвящен ряд фундаментальных монографий, в том числе «Тульский завод Демидовых: из истории становления и развития доменной металлургии России, 1695–1782» (М., 1996); «Демидовы в Туле: из истории становления и развития промышленной династии» (М., Тула, 1998); «Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просопографии» (М., 2001); «Демидов Первый: опыт жизнеописания» (М., 2021) и книга «Демидовы: столетие побед», двумя изданиями вышедшая в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (М., 2012 и 2017).



Демидовская тематика органичным образом оказалась в центре докторской диссертации Игоря Николаевича «Тульские заводы Демидовых в истории российской промышленности и предпринимательства», защищенной в 1997 г.

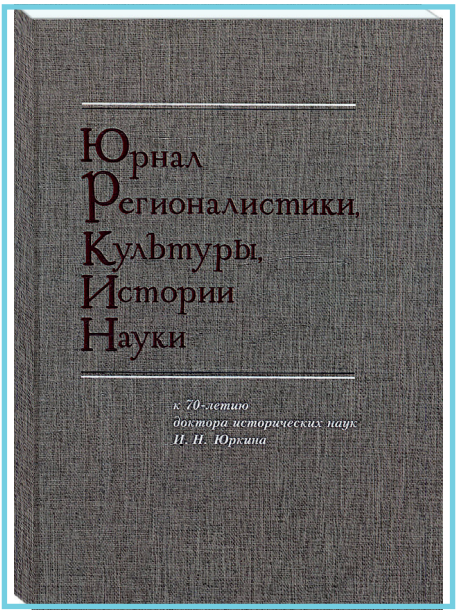
Исследования начала демидовского рода выдвинули И.Н. Юркина в число ведущих специалистов по петровской эпохе, различным аспектам истории которой он посвятил большое число своих трудов. Среди них особенно выделяется чрезвычайно содержательное и глубокое исследование «Петр Железный», опубликованное также двумя изданиями (СПб., 2012 и Тула, 2022) и раскрывающее вклад Петра Великого в развитие металлургической промышленности в России. Игорь Николаевич является постоянным участником ведущих научных форумов по петровской тематике – эрмитажной конференции «Петровское время в лицах» и Петровских конгрессов в Петербурге.

История Тульского края вдохновила И.Н. Юркина и на изучение биографии другого выдающегося деятеля второй половины XVII – начала XVIII вв. Андрея Андреевича Виниуса, ставшего героем посвященной ему капитальной монографии, увидевшей свет в известной академической серии «Научно-биографическая литература» (Юркин, 2007).

Еще одно важное направление исследовательской работы Игоря Николаевича – история водных путей России и, в частности, каналов петровского времени. Среди трудов в этой области необходимо упомянуть о монографии «Водный тракт Куликова поля: страницы истории Ивановского канала» (Тула, 2020). И.Н. Юркин неоднократно участвовал в научных экспедициях ИИЕТ РАН по обследованию водных путей европейской России, как и в других экспедициях подобного профиля.

Разумеется, перечисленными выше темами не ограничивается многообразная научно-исследовательская деятельность И.Н. Юркина. О ее огромном масштабе и тематическом разнообразии красноречиво свидетельствует «Хронологический указатель трудов И.Н. Юркина» (Самарин, 2023а, с. 37–107), составляющий основной объем посвященной ему книги. В нем приводятся подробные библиографические сведения о научных работах по российской истории, истории науки и техники, а также об интервью, составительской и редакторской работе и титульном рецензировании (всего 731 позиция). В указателе также приведены: список «Литературы о жизни и научно-литературных трудах И.Н. Юркина» (еще 38 позиций) (Самарин, 2023а, с. 34–36), перечни авторефератов диссертаций,

подготовленных и защищенных под его научным руководством (4) (Самарин, 2023а, с. 108) и официальным оппонентом на защите которых он выступал (13) (Самарин, 2023а, с. 108–109). Таким образом, перед нами внушительная панорама научной деятельности Игоря Николаевича, представленная его многообразными трудами почти за полвека. Об общественном признании этих трудов говорят награды И.Н. Юркина, список которых завершает анализируемый биобиблиографический справочник (Самарин, 2023а, с. 110–111).



Второе издание, опубликованное к юбилею ученого – собранный его коллегами сборник статей в его честь. Этот сборник уникален не только своим содержанием, но и своим названием – «Юрнал регионалистики, культуры, истории науки» (Самарин, 2023b), которое представляет собой прозаический акростих, составляющий из первых букв каждого слова фамилию юбиляра и отсылающий опять-таки к петровской эпохе («юрнал»). Такой изящный и остроумный вариант названия был предложен А.Ю. Самариным, выступившим составителем и ответственным редактором издания. Сборник состоит из 19 статей друзей, коллег и учеников Игоря Николаевича, так или иначе тематически близких к сферам его ученых занятий.

Заглавная статья «Образ жизни – наука: о творческом пути историка И.Н. Юркина», написанная А.Ю. Самариным, всесторонне раскрывает человеческий образ Игоря Николаевича и характеризует его неоценимый вклад в науку. Она представляет собой расширенную и дополненную версию публикации, появившейся к 60-летию ученого (Самарин, 2013).

Дальнейшие статьи можно разделить на несколько тематических групп. Часть из них затрагивает историю кузнечного ремесла и металлургии Тульского региона, в том числе и в историографическом ракурсе. Здесь важно отметить работы В.И. Завьялова, Н.Н. Тереховой и В.Л. Щербакова («Историография исследований древнерусского сельского кузнечного ремесла»); одной из учениц И.Н. Юркина П.А. Захарчук («Техника и технология металлургических мануфактур Тульско-Каширского района в отечественной историографии XIX–XX вв.») и статью А.В. Дедука («Некоторые вопросы географии мелкой железоделательной промышленности Тульского региона XVI – начала XVIII вв.»), находящуюся на стыке экономической истории и исторической географии.

Демидовская тема также представлена целым циклом работ. Статьи О.Ю. Елиной («Любители, профессионалы, меценаты: три поколения

Демидовых на поприще ботаники») и Е.Г. Неклюдова («Николай Никитич Демидов: взгляд управляющих на владельца Нижнетагильских заводов. 1827 г.») предлагают читателю новые, прежде неизученные аспекты просопографии и биографики этого рода. Технической и архитектурной сторонам истории демидовского горнозаводского Урала посвящены статьи Е.А. Курлаева («Распространение технических инноваций в горном деле на Урале») и С.А. Клат («Интерпретация образцовых проектов в творчестве архитекторов Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых»).

Горнозаводская тематика Урала логично подводит к еще одной важной научной сфере – музейному делу. Нужно сказать, что И.Н. Юркин много сил отдал музейной работе. В 1993–1996 гг. он заведовал созданным по его инициативе музеем «Некрополь Демидовых», филиалом Тульского краеведческого музея (ныне – Историко-мемориальный музей Демидовых), а в 2004–2012 гг. работал ведущим научным сотрудником в Политехническом музее. Высокий музейный профессионализм Игоря Николаевича получил воплощение и в его огромной общественной деятельности. Так, с 1998 г. он является членом Ученого совета Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле». Поэтому обращение к музейной тематике в сборнике, ему посвященном, вполне естественно.

В работе еще одной из учениц И.Н. Юркина Е.В. Мининой «История горно-металлургических технологий в собрании Горного музея Санкт-Петербургского горного института» рассмотрена история формирования музейной коллекции моделей различных машин и устройств, демонстрирующих достижения XVIII–XIX вв. в области добычи полезных ископаемых, металлургии и металлообработки, которая к концу XIX в. насчитывала более 200 экспонатов. Статья И.Б. Пинка ««Сдавать как курьез в цейхгаузы на хранение»: к вопросу о дате основания собрания Тульского государственного музея оружия» ставит проблему датировки начала формирования музейной оружейной коллекции, которую автор относит к 1715 г. В.В. Запарий («Еще раз к вопросу о создании Музея науки и техники на Урале») характеризует имеющиеся в уральских музеях историко-технические коллекции и возможность формирования самостоятельного музея науки и техники в регионе. Н.И. Кузнецова («Культурная антропология в пространстве научно-технического музея») проблематизирует концепции и типологию индустриальных городов и вариативность создаваемых в их пространстве научно-технических музеев.

Различным аспектам российской истории XVIII века и их позднейшей рецепции посвящены статьи М.В. Бабич («Складывание образа Петра Великого в исторической картинке и отечественная культурная традиция»), исследование которой основано на одном из очень интересных видов исторических источников, и Н.Ю. Болотиной («Фавориты императрицы Елизаветы Петровны под защитой Тайной канцелярии»), затрагивающей любопытную тему наказаний подданных за «непристойные речи» об отношениях Елизаветы Петровны со своими фаворитами.

Целый блок статей сборника связан с темой водных путей, как естественных, так и искусственных. Сюда относятся статья А.Л. Клейтмана «Делопроизводственные источники по истории строительства Волго-Донского канала (на Камышинке) в фондах приказных изб Низовых городов», написанная на источниковом материале Ядринской и Инсарской приказных изб (архив Санкт-Петербургского института истории РАН и РГАДА), богато иллюстрированная статья Н.А. Озеровой «Водные пути Зубцовского края», в которой рассмотрена история водных путей бассейна Верхней Волги начиная с XVIII в. Работа Е.В. Пчелова «Пути сообщения в территориальной и городской геральдике Московского царства и Российской империи» анализирует эмблематические формы, с помощью которых в геральдике России представали сухопутные и водные пути.

Истории ИИЕТ РАН, в котором долгие годы трудится Игорь Николаевич, посвящена работа С.С. Илизарова «В.В. Данилевский и Институт истории науки и техники АН СССР». В ней рассказывается о выдающемся историке науки Викторе Васильевиче Данилевском (1898–1960) и о его взаимоотношениях с Институтом, существовавшим в 1930-х гг. и бывшим предшественником ИИЕТ. Автор подробно восстанавливает биографию своего героя и раскрывает все сложные коллизии в отношении Института к научному творчеству Данилевского, лишь краткий период проработавшего в его стенах.

Наконец, с историей родного для И.Н. Юркина Тульского края связана статья Р.А. Фандо «Тульский край в жизни и творчестве А.С. Серебровского». В ней на основании широкого круга источников и, прежде всего, архивных воспоминаний и дневников выдающегося генетика Александра Сергеевича Серебровского (1892–1948) воссоздана примечательная картина детских и юношеских лет ученого, которые он провел в Тульской губернии и во время которых проходило его личностное, да и во многом профессиональное становление.

Сборник в честь И.Н. Юркина не только удачно соотносится с кругом его научных интересов, но и содержит немало новых данных и материалов, раскрывающих неизвестные доселе страницы в истории России и истории науки.

Источники и литература

1. *Илизаров С.С.* Персональные биобиблиографические издания о российских историках науки: замыслы и воплощения // Библиография. 2020. № 4. С. 3–16.

2. Симонов Рэм Александрович. Материалы к биобиблиографии / автор-составитель А.Ю. Самарин. Москва: Янус-К, 2009. 91 с. (Серия «Российские историки науки и техники»; вып. VI).

3. *Самарин А.Ю.* От тульского краеведения к вершинам истории науки и техники // Библиография. 2013. № 4. С. 81–84.

4. *Самарин А.Ю.* Илизаров Симон Семенович: Материалы к биобиблиографии. Москва: Янус-К, 2020. 90 с.: ил. (Серия «Российские историки науки и техники»; вып. X).

5. *Самарин А.Ю.* Юркин Игорь Николаевич: материалы к биобиблиографии / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Москва: Янус-К, 2023. 124 с.: ил. (Серия «Российские историки науки и техники»; вып. XII).

6. Юрнал регионалистики, культуры, истории науки: сборник статей к 70-летию доктора исторических наук И.Н. Юркина / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук; отв. ред. и сост. А.Ю. Самарин. Москва: Янус-К, 2023. 384 с.

7. *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. Москва: Наука, 2007. 559 с.: ил., портр. (Серия «Научно-биографическая литература»).

References

1. Ilizarov, Simon S. “Personal’nye biobibliograficheskie izdaniya o rossiiskikh istorikakh nauki: zamysly i voploshcheniya.” *Bibliografiya*, no. 4, 2020, pp. 3–16.

2. *Simonov Rem Aleksandrovich. Materialy k biobibliografii*. Ed. by Aleksandr Yu. Samarin, Yanus-K, 2009.

3. Samarin, Aleksandr Yu. “Ot tul’skogo kraevedeniya k vershinam istorii nauki i tekhniki.” *Bibliografiya*, no. 4, 2013, pp. 81–84.

4. Samarin, Aleksandr Yu. *Ilizarov Simon Semenovich: Materialy k biobibliografii.* Yanus-K, 2020.

5. Samarin, Aleksandr Yu. *Yurkin Igor’ Nikolaevich: materialy k biobibliografii.* Yanus-K, 2023.

6. *Yurnal regionalistiki, kul’tury, istorii nauki: sbornik statei k 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk I.N. Yurkina.* Ed. by Aleksandr Yu. Samarin, Yanus-K, 2023.

7. Yurkin, Igor N. *Andrei Andreevich Vinius, 1641–1716*. Nauka, 2007.

Сведения об авторе:

Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

E-mail: evg-pchelov@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0002-6541-244X

Дата поступления статьи: 06.05.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

Научная жизнь

УДК 001.32 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-221-223

Международный «круглый стол» «Науковедческие школы Беларуси и России: история становления и перспективы развития»

Малахов Вадим Александрович

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

International Round Table “Science Studies in Belarus and Russia: History of Formation and Prospects for Further Development”

Vadim A. Malakhov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

21 марта 2024 г. в Институте социологии НАН Беларуси (Минск) состоялся международный «круглый стол» «Науковедческие школы Беларуси и России: история становления и перспективы развития», посвященный 85-летию со дня рождения основателя белорусской школы науковедения доктора социологических наук Геннадия Несветайлова. Организаторами встречи выступил Научный совет по науковедению Международной ассоциации академий наук (МААН), а также Институт социологии НАН Беларуси.

В работе «круглого стола» в очном и онлайн-формате приняли участие ведущие науковеды Беларуси, России и Азербайджана. Докладчики представляли как академические институты, так и сектор высшего образования (Белорусский государственный университет, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка). Россию представляла делегация науковедов из Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН). Всего в программе мероприятия было заявлено 14 докладов.

Открыл «круглый стол» сопредседатель Научного совета по науковедению МААН, директор Института социологии НАН Беларуси Николай Мысливец. В своем выступлении он подчеркнул роль науковедения в обеспечении развития современной белорусской и российской науки. С приветственными словами также выступили директор Института экономики НАН Беларуси Денис Муха и директор Санкт-Петербургского филиала Института ИИЕТ РАН Надежда Ащеулова.

В своих докладах науковеды, социологи и историки науки большое внимание уделили истории становления науковедческих школ России, Беларуси и других постсоветских стран. Так, белорусский науковед Валентина Карелина (Институт тепло- и массообмена имени А.В. Лыкова НАН Беларуси) выступила с докладом «Г.А. Несветайлов – основатель минской научной школы по науковедению и «научношкольного подхода» при анализе развития науки». Об истории становления ленинградской школы науковедения в своем докладе рассказала Надежда Ащеулова. Историк науки и директор Института истории науки НАН Азербайджана Мариам Сейдбели выступила с докладом «Начальный этап становления науковедения в Азербайджане».

В докладе российского науковеда Елены Володарской «Становление нового научного направления психологии науки как отрасли науковедения» освещена история зарождения и становления в СССР такого направления науковедческих исследований, как психология науки.

Белорусский ученый Вячеслав Щербин в докладе «Минская школа науковедения как идеоматериальная система» показал, что с первых дней ее формирования превалировала интеллектуальная, т.е. идеальная составляющая и отметил, что научной школой является «неформальное (т.е. свободное) творческое содружество исследователей различных поколений высокой научной квалификации во главе с научным лидером».

Член-корреспондент РАН Юрий Батурин в докладе «Творчество ученого и режимы управления наукой» затронул проблемы взаимосвязи принципов государственного управления наукой и свободного научного поиска истины, отмечая необходимость гибкого и многофакторного подхода к управлению наукой (жесткого контроля в научных областях, находящихся на ранних этапах развития, его смягчения для высвобождения творческого потенциала в более развитых областях).

Проблемы кадрового потенциала российской и белорусской науки затронули в своих докладах белорусские ученые из Института социологии НАН Беларуси Игорь Шарый («Межстрановые сравнительные исследования воспроизводства кадрового потенциала науки: формирование исследовательских подходов»), Михаил Артюхин, Элла Щурок и Сергей Пушкевич («Докторский корпус науки Союзного государства Беларуси и России: проблемы воспроизводства»).

О современном состоянии науковедческих исследований в России рассказал Вадим Малахов (ИИЕТ РАН). В своем докладе он отметил переориентацию исследований с фундаментальных и методологических

вопросов на прикладные исследования. Сегодня активно развиваются прикладные науковедческие исследования, посвященные анализу эффективности различных государственный инициатив по поддержке российской науки, стимулированию академической мобильности пр. Подобные исследования часто носят мультидисциплинарный характер и стоят на стыке социологии и экономики науки.

Все заслушанные доклады вызвали широкий интерес и активно обсуждались в ходе работы. По итогам мероприятия участники «круглого стола» приняли резолюцию о необходимости принятия действенных мер по дальнейшему расширению и укреплению научного сотрудничества представителей российских и белорусских науковедческих школ в рамках Союзного государства.

Сведения об авторе:

Малахов Вадим Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

E-mail: yasonbh@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-6656-1036

Дата поступления статьи: 08.05.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

УДК 069 DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-3-224-226

«100 удивительных животных»: выставка в Государственном Дарвиновском музее к 100-летию В.Е. Флинта

Стасенко Владислав Викторович

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

“100 Amazing Animals” Exhibition at the State Darwin Museum in Commemoration of the Centenary of the Birth of V.E. Flint

Vladislav V. Stasenko

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

14 марта 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения всемирно известного зоолога, путешественника-натуралиста и неутомимого защитника живой природы Владимира Евгеньевича Флинта (1924–2004). Государственный Дарвиновский музей отметил этот юбилей открытием на своей площадке выставки «100 удивительных животных», получившей свою концепцию от одноименной детской энциклопедии Флинта. Одной из множества граней таланта Владимира Евгеньевича была редкая в академической среде способность завоевывать интерес самой юной аудитории. Детские книги, написанные ученым, в доступной и занимательной форме знакомят подрастающее поколение с разнообразием животного мира и прививают маленькому человеку уважение к его соседям по планете. Для самого Флинта изучение природы было неразрывно связано с ее охраной – он принимал активнейшее участие в создании Красных книг СССР и России, разработке экологического законодательства, организации зоопитомников для исчезающих видов животных. В этом же ряду стоит и его деятельность как





детского писателя, направленная на воспитание в будущих взрослых ответственного и бережного отношения к окружающей среде.

Дарвиновский музей достойно почтил память Флинта, организовав выставку в лучших традициях его подхода к просвещению детей и юношества. Обещанное в названии количество животных предстает перед посетителями в виде экспонатов из естественнонаучной и художественной коллекций музея – чучел, скульптур, картин, сгруппированных по географическим зонам – от тропического леса Австралии до арктической пустыни. Устройство выставочного пространства превращает осмотр экспозиции в миниатюрное кругосветное путешествие, в ходе которого посетитель





знакомится с уникальными представителями фауны пяти континентов Земли (лишь суровая и малообитаемая Антарктида не получила на выставке своего «представительства»).

Экспозицию сопровождают красочные и содержательные информационные стенды, а также ряд интерактивных элементов, не позволяющих заскучать юному гостю – тематические загадки, игры, звуки природы, воспроизводимые через qr-код.

На церемонии открытия с краткой речью выступила директор Дарвиновского музея Анна Иосифовна Клюкина; заведующая отделом экологии Ольга Алексеевна Гвоздева поделилась с присутствующими своими воспоминаниями о встречах и беседах с Е.В. Флинтом. Экскурсию для первых посетителей провел сам создатель выставки – старший научный сотрудник музея Виталий Владимирович Конторщиков.

Все сложное многообразие научного познания природы в глубочайшей основе своей имеет чистое и непосредственное любопытство ребенка. Проведенная экскурсия напомнила нам об особой ценности труда просветителей, поддерживающих и направляющих детскую тягу к знаниям. Большие ученые вырастают из маленьких «почемучек» – будущее науки во многом зависит от тех, кто, подобно Владимиру Флинту, способны завораживать новые поколения бесконечными чудесами окружающего нас мира.

Сведения об авторе:

Стасенко Владислав Викторович, младший научный сотрудник отдела науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: stasenko@ihst.ru. https://orcid.org/0009-0006-5969-2752

Дата поступления статьи: 30.03.2024
Одобрено: 13.08.2024
Дата публикации: 30.09.2024

16+

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(регистрационный номер ПИ № ФС 77-85804 от 22.08.2023)

Редакторы, корректоры:
И.С. Разумовский

Редактор английских текстов
М.М. Клавдиева

Верстка
В.Л. Платонов

Техническое редактирование
М.В. Иванова

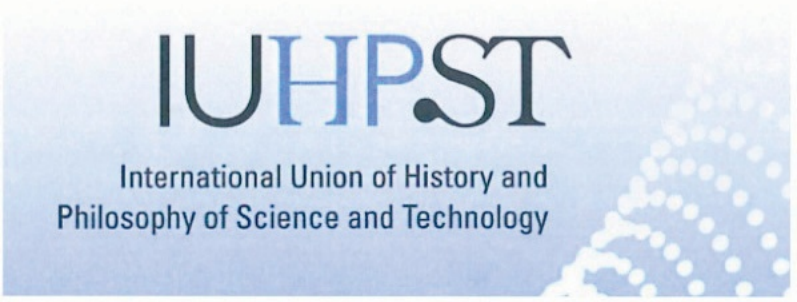
Подписано в печать 23.09.2024.
Дата выхода в свет: 10.10.2024. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–60 экз.). Заказ 4161. «С» 20.
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14, ИИЕТ РАН
Тел.: +7(495)988-22-80
E-mail: ihstjournal@mail.ru
https://rnchpst.ru/journal

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117452, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Зюзино,
пр-кт Балаклавский, д. 28Б, стр. 1
Тел.: +7 (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISSN 2949-608X

Российский национальный комитет по истории
и философии науки и техники с 1956 года входит
в состав международной научной организации
«Международный союз истории и философии
науки и техники»



Since 1956 the Russian National Committee
for the History and Philosophy of Science and Technology
has been part of the international scientific organization
"International Union of History and Philosophy
of Science and Technology"

Сайт Российского национального комитета
по истории и философии науки и техники

https://rnchpst.ru/

Иллюстрация на обложке:
Иммануил Кант. Портрет. Х. Бюркнер (1818–1897)